

[Polaris]

ВИКТОР ФОРБЭН

ТАЙНА ЖИЗНИ

РОМАН

Salamandra P.V.V.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СССХС

Salamandra P.V.V.

**Виктор
ФОРБЭН**

ТАЙНА ЖИЗНИ

Роман

Salamandra P.V.V.

Форбэн В.

Тайна жизни. Пер. с фр. Р. Калменса. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2021. — 152 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXC).

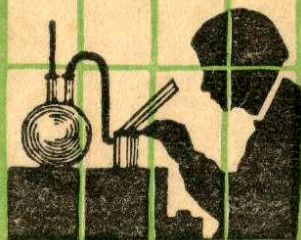
«Тайна жизни» — фантастическое повествование с элементами любовного и приключенческого романа. Действие книги разворачивается на тропическом острове, где профессор Шарль Зоммервилль и его помощники пытаются разгадать тайны возникновения жизни и омоложения.

Книга принадлежит перу французского писателя, переводчика, путешественника и популяризатора науки В. Форбэна (1864-1947), автора ряда научно-фантастических и приключенческих романов и сотен научно-популярных статей и очерков.

ВИКТОР ФОРБЭН

ТАЙНА ЖИЗНИ

РОМАН

ИЗД-ВО "ПУЧИНА"

ТАЙНА ЖИЗНИ

Глава I

На палубе парохода «Маршал Фош»

Ей опротивела тяжелая атмосфера салона, в который буря загнала пассажиров и продержала взаперти целых три дня; она расстегнула свое пальто, взбежала вверх по ступеням, чуточку поколебалась перед дверью, потом подняла воротник и, крепче завязав шарф, решительная и готовая пренебречь ледяным ветром, качкой и брызгами волн, вышла на палубу парохода, который кидало из стороны в сторону.

Воздух опьянил ее. Привыкшая с юности разбираться в точных научных фактах, она попыталась анализировать свое необъяснимое ощущение, но кровь билась в висках, и она опустилась на скамейку, отдаваясь мягкому опьяняющему воздуху.

— Как хорошо, мадемуазель, — сразу чувствуется, что мы сегодня ночью вошли в тропики.

Так поделилась с ней приятной новостью старая горничная, подававшая ей каждое утро в каюту первый завтрак.

— Не правда ли, мадемуазель, как хорошо выехать из Сен-Назера зимой и очутиться здесь в разгаре лета?

— Да, это приятный сюрприз, — согласилась путешественница и с улыбкой кивнула ей головой.

Улыбка не сходила с ее лица, но получила другое выражение: она, женщина науки, обязана неграмотной женщине объяснением причины своего недомогания, кроющейся в смене естественных явлений. Беспомощность парижанки перед такими простыми вещами показалась ей смешной. Она развязала шарф, расстегнула пальто и раскрыла книгу, лежавшую у нее на коленях.

Читать совершенно не хотелось. Под прояснившимся небом поднималась безбрежная темная зыбь, бешеные судороги бури сменились мягкой ритмичной волной, баюкавшей судно. Палуба оживилась. Пассажиры выходили из своих кают, в которых поспешно сменили зимние костюмы

на летние. Некоторые из них, проходя мимо молодой девушки, почтительно и приветливо поднимали шляпы. Она с интересом прислушивалась к обрывкам разговоров.

— Недурна, что? Только несколько велика для меня...

— Красивая особа, но изображает из себя не то старую де-ву, не то учительницу...

— И совершенно недоступна, дорогой мой. Я пощупал почву — ледяная глыба.

Матросы натянули брезент над палубой, и опытные пассажиры объясняли новичкам:

— Мы, как видно, недалеко от Антильских островов!

— Да, теперь остерегайтесь солнечного удара!

Гонг позвонил к завтраку; все весело направились к лестницам, когда вдруг кто-то закричал:

— Пароход! Пароход!

В однообразном течении дальнего путешествия малейшее явление вырастает в событие. Пассажиры, точно банда школьников, бросились к перилам и жадно впились глазами в указанную точку. Девушка, поднявшаяся со скамьи, чтобы присоединиться к этой группе, уронила с колен книгу.

— Разрешите, мадам?

Молодой человек предупредительно поднял книгу. В ее благодарности прозвучала легкая насмешка, потому что она узнала в нем одного из собеседников, диалог которых долетел до нее. Он успел прочесть заглавие книжки и шутливо извинился.

— Это нескромно, но я узнал бы эту книгу на расстоянии в сто метров по одной только ее обложке. Это — американское издание сочинения Осборна «Происхождение и эволюция жизни» — произведение, которое не часто увидишь на улице или на пароходе. Однако, на этом судне есть два экземпляра этой книги: мой и ваш. Не правда ли, любопытное совпадение?

— Совершенно верно.

— Можно мне, уж до конца оставаясь нескромным, прибавить еще один вопрос, единственный? Но, пожалуйста, не считайте себя обязанной...

— Говорите, — весело поощрила она.

— Видя эту книгу в ваших руках, я, кажется, логически могу заключить, что вы занимаетесь биологией.

— Это нетрудно угадать.

— Но это еще не тот вопрос, не настоящий. Я хотел бы знать...

Он не решался договорить, боясь сделать непростительный промах. Оба были почти одинакового роста и одинакового возраста — не больше двадцати пяти лет. Несмотря на открытую улыбку несколько полных, но хорошо очерченных губ, открывавших прекрасные зубы, спокойный взгляд ее серо-голубых глаз, прямо устремленных в его глаза, импонировал ему. Отступая от приготовленного вопроса и подыскивая уловку, он погладил свои откинутые назад волосы и длинную шелковистую бородку и, наконец, решил-ся.

— Я позволю себе спросить, мадам, — слышали ли вы когда-нибудь об острове Пьедрада?

Она даже не успела ответить. Изумление, которое он прочел в ее глазах, сказало ему все, и он весело одним духом проговорил:

— Так и есть! Вы мадемуазель Алинь Ромэн, кандидат наук, лауреат Пастеровского института, дочь лаборанта в Коллеж де Франс, и направляетесь в качестве секретаря к одной таинственной особе, которая известна мне под именем доктора Шарля, живущего на пустынном острове настоящим Робинзоном. У нас имеется своя полиция, мадемуазель.

Она, смеясь, выслушала его тираду. Но во второй раз гонг ударил к завтраку, и она успела только сказать:

— Моя полиция не так хорошо организована, как ваша, но вы, конечно, лаборант, которого Дютайи разыскивал для доктора Шарля.

— Жюльен Мутэ, мадемуазель, ваш покорный слуга и будущий товарищ по одиночеству на острове Пьедрада! Да, Дютайи, бывший мой профессор и друг вашего покойного отца, пригласил меня... Проходите, мадемуазель.

И, спускаясь по лестнице, он сказал шутливо:

— Как жаль, что две недели, путешествуя на одном пароходе, мы глазели друг на друга, как две фарфоровые соба-

чонки, и познакомились только за два дня до приезда. Я вас принимал за англичанку, а вы?

— Я? — спросила она нерешительно. — Я вас, пожалуй, принимала за артиста или художника.

— Вот это мило... но, тем не менее, мне очень жаль, что целых две недели я до отупения играл в карты с пассажирами. До свидания, мадемуазель, как жаль, что мы с вами не за одним столом. Мне о многом хочется вас расспросить. Этот доктор Шарль; я думаю, вы его знаете лично? Станный человек, кажется. Какой-то сумасшедший.

— Да ведь это гений!

— Опять промахнулся, — проговорил он с комическим смирением.

Она резко повернулась и заняла свое место, и он сразу почувствовал по ее страстному ответу, что уязвил ее так, как если бы нанес личное оскорбление. Но беспечность южанина сейчас же взяла верх, и он, несколько раз взглядом поискав молодую девушку, отдался течению общего разговора, который постоянно оживлял своим пылким весельем. За десертом Мутэ вдруг заметил, что Алинь исчезла и, наскоро выпив свою чашку кофе, он закурил и поднялся на палубу.

Под чистым жарко-голубым небом успокоенное море казалось прозрачно-зеленой пеленой, усыпанной здесь и там четками белых пузырьков. Перед глазами теперь расстилался беспредельный простор, освещенный знойным солнцем. Ничто, кроме беглых огоньков, поблескивавших на гребнях волн, не нарушало величавого однообразия картины.

— Какая подавляющая красота, — прошептал чей-то голос за спиной Алинь, облокотившейся на перила палубы. — Сколько смелости нужно поэту, чтобы приняться за такую картину!

Жюльен Мутэ имел такое странное обыкновение выражать свои мысли, что она не могла удержать улыбку. Он сейчас же воспользовался этим обстоятельством.

— Вы меня простили, мадемуазель? Я иногда так вот бросаю слова, не придавая им никакого значения. В общем, что я знаю о докторе Шарле? То, что до сих пор я прозябал в

лицее Сен-Луи, готовясь на докторскую степень, и что теперь могу расплатиться со своими долгами, получив жалование за шесть месяцев вперед, плюс проезд в первом классе. Следовательно, должен считать, что доктор Шарль — лицо вполне симпатичное, но это ничуть не мешает мне иметь свое мнение о его работах.

— Эти работы дадут ему известность. Они перевернут наше мировоззрение. Они опрокинут всех идолов, и человечество будет знать одного единственного верховного и вечного бога — материю. Вот что я вам скажу о человеке, которого вы и другие принимаете за сумасшедшего.

Южанин смутился перед этим взрывом воодушевления. Как подобная тема могла до такой степени воспламенить эту холодную натуру?

— О, нет, — сказал он, — сейчас вы ничуть не похожи на англичанку, теперь я чувствую в вас свою землячку!

В сущности, объяснил он, его слова не имеют никакого другого основания, кроме слов, услышанных из уст Дютайи: два-три года тому назад Шарль, уединившись на пустынном острове возле Венесуэлы, занялся превращением химического атома в живую клетку.

— Так оно и есть, — подтвердила она, — и я твердо убеждена, что он на верном пути!

— У вас свои основания это думать, а я, по правде говоря, полагаю, что человеку, кто бы он ни был, никогда не удастся узнать тайну творения. Наука показывает, что мир был сначала скоплением химических элементов, которые скомбинировались и соединились между собой еще до появления жизни на земле. Наука показывает, что первичные живые организмы были простыми растительными клетками, но только дело вот в чем. Между химическим атомом и растительной клеткой существует одна маленькая разница: Жизнь. И вот, через этот-то мост биология не скоро перескочит.

— Но ведь жизнь — всего лишь химическое состояние материи.

— У меня, мадемуазель, свои принципы: я деист. Уверяю вас, это очень выгодно. Не нужно терять время над рас-

суждениями о целой куче вещей и можно гораздо полнее наслаждаться жизнью. Вы страстно влюблены в науку и стремитесь в Пьедраду, как на паломничество, а я еду туда, чтобы заработать немножко денег, добиться затем докторской степени, устроить себе положение и отдать руку и сердце какой-нибудь женщине, которая будет на меня глядеть голубенькими глазами в то время, как я буду развертывать перед ней биологические чудеса.

— С вами никак нельзя разговаривать серьезно, — засмеялась она.

— Я стараюсь использовать остаток своих дней. Не очень-то весело, вероятно, будет жить на пустынной скале с этим старым отшельником, погруженным в свои биологические грезы.

— Вы ошибаетесь! Зоммервиль... я хочу сказать, доктор Шарль...

Смутившись тем, что выдала чужую тайну, она, отвернув голову, прошептала:

— Рано или поздно вы все равно бы узнали.

— Зоммервиль, Зоммервиль... позвольте. Это англичанин, поселившийся во Франции... Очень богатый... Занимался бактериологией... Черт возьми!.. Помню, помню!.. Его знаменитый доклад в Медицинской Академии о происхождении и лечении рака, несколько спорных случаев излечения и несколько смертных случаев...

— Три старика, — поправила она. — Их предупредили о том, что у них крайняя степень болезни.

— Я не помню подробностей, это было пять-шесть лет тому назад. Но у меня осталось такое впечатление, что Зоммервиль настоящий ученый и что к нему отнеслись несправедливо. Искренне говорю вам, мадемуазель, что возможность работать с ним вместе восхищает меня.

— Этот человек заслуживает любви, — произнесла она вполголоса, как бы про себя.

— Я начинаю припоминать... — продолжал Жюльен Мутэ. — Два-три года тому назад газеты снова заговорили о нем, не так ли? Мне кажется, это был скандал на почве развода...

— Да... — ответила с волнением в голосе девушка, — гадкая история... Недостойная женщина.

— Да, это та пошлость, которая не щадит даже и великих людей.

Разговор возобновился после обеда. Под небом, в котором сверкали звезды, пароход рассекал отливавшую фосфорным светом поверхность, оставляя позади себя длинную огненную полосу. Воздух был насыщен мягким опьяняющим теплом. В темноте слышался глухой шепот. Чей-то женский голос напевал томную испанскую песенку под отдаленный аккомпанемент и журчание машин.

— Хочется мечтать о неге... — прошептал Жюльен Мутэ, которого тяготило молчание его спутницы. — Настоящая ночь любви. Кто не сделается поэтом под этим божественным небом Антильских островов?

Его голос был насыщен той нежностью, которая когда-то нашла себе несколько жертв среди нимф Латинского квартала. Рука его тихо скользнула по перилам в поисках руки Алинь. Предупреждая прикосновение, она отодвинулась, не очень резко, но с насмешкой, которая уязвила его самолюбие сердцееда.

— Я вижу, что, действительно, небо Антильских островов совершает чудеса, оно внушает вам почти трогательную сентиментальность. Как жаль, что все это направлено не по адресу женщины с глупенькими глазами, о которой вы мечтаете.

Он уже готов был рассердиться и ответить ей дерзостью. Но добродушно сознался:

— Вы правы, мадемуазель, что смеетесь надо мной; я этого заслужил, но надеюсь, что вам еще отомщу. Ведь когда-нибудь и вы влюбитесь.

— О, нет, не думаю! Как товарищу могу вам сказать, что это психическое состояние ничего не говорит мне.

— До того момента, когда появление избранника растопит ту ледяную глыбу, которую вы собой представляете. Не останетесь же вы до бесконечности невестой Науки. И не воображайте этого!

Она смеялась, прислонившись к перилам. Он подошел ближе, чтоб заглянуть ей в глаза, отражавшие огни фонарей.

— Стойте, я отгадал, я проник в тайну вашей души, я знаю, кто будет вашим избранником! Очень просто: доктор Шарль!

— У вас манера шутить!

— Нет, я серьезно. Чудесная партия как для вас, так и для него. Он богат, разведен.

— Овдовел два года тому назад, — поправила она, подерживая его шутливый тон.

— Еще лучше! Кроме того, безумно влюблен в науку, как и вы.

— Ему пятьдесят лет...

— Пустяки!

— У него взрослый сын, изучающий риторику,

— Зато какое счастье погрузиться одновременно в чары науки и любви!

И, комически подняв руки, он обернулся к югу и серьезно проговорил:

— Привет тебе, отшельник Пьедрады, которому предназначено растопить сердце этой крошки!

Она пожала плечами и возразила голосом, в котором звучало глубокое волнение:

— Уверяю вас, он не подает повода к насмешке. Это великий ученый и человек, переживший многое... Вы не великодушны, месье Мутэ.

Но он сейчас же снова рассмешил ее, сделав вид, что хочет перескочить через перила и умоляя ее трагическим голосом:

— Держите меня, прошу вас! Или я брошусь в море! Вы упрямо принимаете мои слова всерьез, и я чувствую, что случится что-нибудь недоброе.

Глава II

Убежище флибустьеров

Остров Пьедрада, расположенный между Тринидадом и длинной цепью островов, находящихся в 30 километрах от венесуэльского берега, представляет собой геологическую редкость. Он обязан своим существованием вулкану очень древней формации, период деятельности которого соответствует тому возрасту земли, когда неостывшая еще земная кора давала жизнь только самым простейшим клеткам. Например, монадам, микроскопическим существам, стоящим на границе растительного и животного царства. Этот вулкан сделался жертвой своего последнего извержения, которое распылило всю его массу, оставив только двух свидетелей катастрофы: нагромождение базальтовых скал и прислонившийся к этой гигантской стене амфитеатр, представлявший собой часть кратера. Высокая и плоская скала оставалась обнаженной, в то время, как котлообразное углубление представляло собой буйные джунгли. Таким образом, в зависимости от того, как подплывали к острову — с запада или с востока, — он производил странно противоречивое впечатление. С одной стороны, обнаженная необитаемая скала, как будто выступающая из глубины океана; с другой — манящий тропический лес, который воображение так любит населять сказочными птицами и растениями.

Этот остров, окруженный подводными скалами и быстрыми течениями, был почти недоступен, и в середине 17-го века служил убежищем бандам флибустьеров. На гребне скалы они воздвигли две массивные башни, связанные жилым корпусом. Неизвестно, в какую эпоху эти постройки были заброшены. Возможно, что Пьедраду несколько раз посещали в течение последнего столетия искатели золота, потому что все пустынные острова Антильского моря окружены легендой о том, что в них скрываются баснословные богатства, зарытые флибустьерами перед истреблением их шайки властями. Шарль Зоммервиль уже три года жил в этом ле-

гендарном крае. За это время уже две экспедиции, привлеченные слухами о сокровищах, пробовали высадиться на этот берег, но, разбитые о подводные камни, погибали, не добравшись до цели.

Шарль Зоммервиль шагал по площадке одной из башен. Высокий, широкоплечий, сохранивший молодую походку, несмотря на серебряные нити, рассыпанные в белокурых волосах, он время от времени останавливался перед зубцами башни. Затем он снова брался за подзорную трубу, всматриваясь в бесконечно далекий горизонт, ограничивавший синий простор моря, в котором солнце, спустившись с зенита, рассыпало мириады бликов.

— Они, должно быть, вышли в три часа, — говорил он вслух, поглядывая на часы. — По такой погоде они будут здесь не позже, чем через пятьдесят минут.

На его звонок прибежал мулат с оживленным лицом, одетый в белое, как и его хозяин. Спеша подняться по ступеням, он снял свои южные башмаки, но из почтения к профессору, снова скользнул в них босыми ногами и, распустив губы в улыбку, спросил на своем оригинальном французском жаргоне, распространенном везде на Малых Антильских островах и даже среди негров, живущих под властью англичан, звал ли его мушье. Профессор велел принести сидронад со льдом. Рожденный в Барбаде, мулат Огюст Маренго, в силу того, что побывал на всех островах Антильского моря, понимал несколько европейских языков. Но ни на одном из них он не говорил сколько-нибудь сносно. Это явление часто наблюдается у креолов.

Зоммервиль снова взялся за подзорную трубу, снова оглядел горизонт. Его охватило сомнение. Правильно ли прочитал Ляромье радиограмму, высланную в это утро из Порт-оф-Спен? Радиоприемник помещался на площадке противоположной башни. Он не нашел там Ляромье, беглого каторжника из Гвианы, которого он в прошлом году подобрал в открытом море в то время, как тот, умирая от голода и жажды, блуждал по воле волн на своей пироге. Ляромье исполнял все возможные поручения. Профессор нашел телеграмму на своем месте и прочитал каллиграфически написанное извеще-

ние: лоцман Гильермо Мюр сообщал, что ожидаемые особы высадились с парохода «Маршал Фош» в 10 часов и отправятся в дорогу, как только погрузят свой багаж.

— Это дело нескольких минут, — сказал профессор, снова взглянув на часы. Его лицо осветилось улыбкой. — Четыре года тому назад... Четыре года, да. Как она, должно быть, изменилась!

Он захотел посмотреть, приготовлена ли комната для Алинь в нижнем этаже, под лабораториями, занимавшими верх. Его взгляд нечаянно упал на зеркало, и он склонился над ним, кончиками пальцев разглаживая мешки, образовавшиеся под глазами.

— Я, должно быть, ужасно постарел... Четыре года в моем возрасте оставляют заметный след!

Странно, не звал же он ее сюда для того, чтобы ухаживать за ней. Она будет тем же, чем была когда-то: хорошим преданным секретарем. Нет, больше — она будет улыбкой юности в его одиночестве, которое начинало тяготить его.

Мадам Маренго — добродушная негритянка, одетая в длинное, пышное и пестрое платье, которое носят все женщины Барбады, — принесла огромную связку цветов. Ее веселую болтовню прервал вошедший муж негритянки, сообщивший, что лодка уже показалась на горизонте.

Из окна своей комнаты, расположенной в том же этаже и тоже с западной стороны, Шарль Зоммервиль направил вдаль свой бинокль, но солнечные блики слепили глаза и он подумал, что с вершины башни ему лучше удастся видеть море. Предварительно он вошел в спальню, провел гребнем и щеткой по своим волосам, ошетилившимся, точно грива, расправил непокорные усы и поймал себя снова на том, что разглаживает вздувшиеся под глазами мешки.

— Да, да. Не первой молодости, но ничего не поделать, друг мой!

С площадки башни в подзорную трубу он увидел серенькую точку, окруженную пеной.

— Им еще придется с четверть часа лавировать между подводными камнями.

Он уселся на стул и, не отрываясь, следил за все увеличивающейся точкой, но это видение внезапно затмилось образами прошлого. Четыре года тому назад... Горестный путь в его жизни человека и ученого. В то время, когда он, казалось, уже достиг славы, славы, купленной дорогой ценой напряженной работы, случилась неудача, опрокинувшая все его с таким трудом воздвигнутое здание и показавшая его в смешном свете всему ученому миру. Потом неожиданное открытие: измена женщины, на которой он женился по любви.

Около года он ищет забвения в далеких путешествиях. Но снова поддается обаянию науки, открывает себе новое поприще работы среди ждущих разрешения захватывающих тайн природы. Он покупает у Венесуэлы право занять эту скалу, представляющую идеальные условия среды и климата, благоприятствующие его изысканиям. Наконец, водворяется в старом замке, приспособив его к жилью... И теперь, после трех лет раздумья и труда, он наконец добился удачи и держит свое открытие в руках. Открытие, которое вознаградит его за прошлое и поставит его в ряды великих ученых.

Он вскочил со стула и сделал несколько шагов по площадке. Потом, сжав кулаки, проговорил сквозь зубы:

— Держу, держу! Я уверен, что держу ее! Тайна жизни будет принадлежать мне!

Но с моря послышалась сирена, и он снова занял свой наблюдательный пост. Большая серая лодка приблизилась, лавируя между коралловыми рифами, скрытыми приливом. Шарль Зоммервиль снова взялся за подозрительную трубу и вдруг увидел на корме лодки реявшую под ветром белую шаль. Он испытал такое волнение, точно прибытие этой юной секретарши должно было изменить его судьбу. И, спускаясь по ступеням башни, он пробовал объяснить себе свое волнение:

— Мне не доставало чьей-то веры... Сомнения... О, сомнение, разрушитель энергии!

Когда он очутился на террасе перед домом, он был на высоте в двадцать пять метров над морем, и уже можно было различить голоса, несущиеся с лодки, и потрясающие

воздух проклятия, извергаемые Гильермо Мюром по адресу матроса и его предков. Зоммервиль весело замахал шляпой; ему ответил платочек Алинь, в то время как Жюльен Мутэ почтительно обнажил голову.

Причалить к Пьедраде было не так легко. Высунувшись вперед, матрос старался разглядеть в прозрачной воде ветви кораллов, которые, несмотря на усиленные действия багра, царапали лодку. Наконец, они пристали к скале, связанной с островом мостками. Шарль Зоммервиль помог Алинь выйти на скалу.

— Осторожно, мадемуазель!

Он удержал ее руку в своей, когда она выскочила из лодки.

— Как я рад видеть вас здесь, как я благодарен вам за то, что вы приехали сюда! Я не смел рассчитывать! Это самопожертвование! Ведь вы приехали с другого конца света! От всей души благодарен!

Она поглядела на него глазами, потемневшими от волнения, и с серьезной улыбкой сказала:

— Я благодарна вам за то, что вы меня позвали. Я горжусь этим и счастлива!

Она представила ему Жюльена Мутэ, и ученый сердечно пожал его руку:

— Дютайи очень ценит вас, месье Мутэ. Я уверен, что ваше сотрудничество мне будет очень приятно. Вы не очень устали от путешествия?

— Признаюсь, профессор, я никогда не думал, что на нашей планете столько воды!

— Но вот уже конец вашим мукам, — заметил Зоммервиль, улыбнувшись. — Если вы хорошие ходоки, мы через четверть часа будем сидеть за столом.

Тропинка вилась по подножью скалы и круто подымалась вдоль бывшего кратера. Она змеилась в лабиринте скал и кустарников; там и сям ветки, сгибаясь под тяжестью растений-паразитов, сплетали своды, сквозь которые падал таинственный полумрак. Выйдя из туннеля, они принуждены были закрыть глаза, ослепленные видом красных скал, отра-

жавших косые лучи солнца, В некоторых местах склон был до того крутым, что в скале были высечены ступени.

— Дико здесь, не так ли? — сказал Зоммервиль, помогая девушке пройти через трудное место.

— Все это грандиозно, прекрасно! Эта гамма желто-зеленых цветов на ветвях, эти скалы, как будто покрытые кровью!

— Волшебно! — вставил Мутэ лирическим тоном. — Это похоже на макароны, разложенные на блюде рядом со шпинатом.

Ученый рассмеялся.

— Я вижу, что месье Мутэ чужд меланхолии. Это мне нравится. Мне кажется, что я за три-четыре года в первый раз слышу смех.

Оставалось подняться на десяток ступеней перед тем, как очутиться у дома. Перед ним была естественная терраса, окруженная низенькой стеной, служившей когда-то оградой. Огюст с женой и молодой негритянкой заканчивали приготовления к обеду.

— Это наша столовая в благоприятное время года.

— Какие блестящие декорации! Чудесно, феерично!

Алинь широким жестом приветствовала потемневшую под заходящим солнцем лазурь моря. Но хозяин прервал вспышку ее восторга в то время, как Жюльен следил любопытным взглядом за прыгающими движениями молодой негритянки.

— Я советую вам поторопиться, мадемуазель, и сохранить ваши восторги для заката. В это время года он представляет фантастическое зрелище... Идемте, месье Мутэ. Я вам покажу ваши комнаты.

Вещи прибывших, поднятые на грузоподъемнике, уже стояли в комнате. Алинь вынула из чемодана первую попавшуюся шелковую блузу и юбку и, одеваясь, осматривала комнату; свежевыкрашенные известкой голые стены делали ее еще выше и просторней. Кровать под пологом, предохраняющим от москитов, стояла против окна с подвижными ставнями вместо стекол. Рыночная мебель в американском стиле блестела лаком. Туалетный столик с зеркалом,

письменный стол, несколько стульев и качалка. Вот все убранство.

Более женственная и кокетливая, в новом костюме, Алинь бросила последний взгляд в зеркало и заметила, что ее тонкие, слегка выющиеся каштановые волосы были причесаны не к лицу. Перед тем, как открыть дверь и выйти в коридор, обслуживавший весь этаж, она еще раз взглянула на комнату и подумала вслух:

— Несколько велика для меня. Пожалуй, все помещение на бульваре Распайль можно включить в это пространство... Как здесь, в этой тишине, хорошо будет работать... Идеально!

Жюльен Мутэ, болтавший с молодой негритянкой, подошел к Алинь.

— Я взял первый урок негритянского языка и имею честь вам доложить, что моя милая учительница носит довольно оригинальное имя: Атали Куку. Как вы находите вашу комнату, мадемуазель?

— Очень мило!

— Да, только немножко похоже на монастырь, немножко на казармы. Очевидно, камень недорого стоил во времена флибустьеров. Кстати, наш патрон замечательный человек! Интересно знать, всегда ли он в таком хорошем настроении?

Она улыбнулась, вспомнив о внезапной вспыльчивости Зоммервиля во время споров с другими учеными. Они уже дошли до террасы, и разноцветное зарево, зажегшее небо до самого зенита, вырвало у них крик изумления.

— Поторопитесь полюбоваться этой красотой, — посоветовал Зоммервиль. — В тропиках ночь наступает мгновенно.

По мере того, как солнце спускалось за горизонт, пожар разгорался сильнее. Это была не мягкая гармония парижских сумерек, это было смешение резких красок, сменявших друг друга в каком-то вихре, где красное пламя внезапно превращалось в розоватое пятно, потоки расплавленной меди пересекались вдруг зелеными полосами, и один за другим от зенита до горизонта все эти яркие цвета вдруг сме-

нились легкими оттенками и угасли под спустившейся ночью, из которой неожиданно выплыли десятки, сотни и тысячи звезд.

Внезапно поднялся ветер, сметая с террасы теплое дыхание земли и раскачивая керосиновые фонари, которые Огюст повесил возле террасы над столиком,

— Вы сейчас отведаете замечательное блюдо, специальность мадам Маренго, — сказал Зоммервиль, — суп из черепахи нашего собственного улова. Но вы о чем-то замечтались, мадемуазель Ромэн, о чем-то загрузили?

Она выпрямилась и запротестовала, улыбаясь:

— Загрузила, я? Задумалась? Нет, мне кажется, я никогда не была так счастлива. Мне кажется, что этот благоухающий бриз проникает меня всю. Как хороша и заманчива жизнь под этим прекрасным небом!

Зоммервиль поискал глазами ее глаза и взволнованно сказал:

— Хороша и заманчива!.. Да, она может сделаться такой!

— Что касается благоухающего бриза, — воскликнул Жюльен, развернувший салфетку, — то я смею заявить, что тот, который исходит из этой миски, производит на мои слизистые оболочки изысканнейшее и невыразимое впечатление. Черепаший суп «а ля Дьедрадез», вот для чего стоит жить!

— Он неоценим, — рассмеялся ученый.

Глава III

Источник юности

Внезапный порыв холодного ветра, обыкновенно дующий в тропиках перед рассветом, разбудил Алинь. Подняться и закрыть ставни? Она зябко свернулась под своим одеялом, уверенная в том, что еще не выпалась. Тщетная попытка! Сквозь закрытые веки она, казалось, увидела вчерашнюю сцену за ужином. Шарль Зоммервиль и Жюльен Мутэ спорили об атомах, молекулах и бактериях, выкуривая огромные гаваны, между тем как она, несмотря на страстный интерес, который эта тема представляла для нее, уступала усталости и дремоте.

— Позор! — вздохнула она. — Они, должно быть, сочли меня совершенно индифферентной.

Неужели она так и заснула, положив локти на стол, как ребенок? Нет, это невозможно. Теперь она вспоминает, как мадам Маренго проводила ее в комнату и в памяти встали отеческие добрые слова ученого:

— Ничего нет удивительного, мадемуазель, вам необходим отдых после такого долгого путешествия.

Она улыбнулась и открыла глаза. Розовые лучи прорезали полумрак комнаты. Массивные балки потолка медленно выступили из тьмы и внезапно, без всякого перехода, золотые стрелы посыпались сквозь жалюзи и вся обширная комната залилась светом.

— Нужно непременно посмотреть восход, — воскликнула она, вскакивая с постели.

Она накинула пеньюар и приоткрыла окно. Но заря под тропиками мимолетна и солнце уже стояло над горизонтом поверх неподвижного моря, задрапированного тонким покровом тумана. Слепленная лучами, она вернулась в комнату, приняла свой обычный душ и занялась чемоданами, содержимое которых аккуратно разложила по ящикам шкафов. Часы показывали семь. Она еще раз оглянулась, убе-

дилась в том, что вещи не разбросаны по комнате и, пройдя через коридор, вышла на террасу.

Огюст накрывал стол, за которым сидел Гильермо Мюр. Огюст издали поклонился молодой девушке кивком своей кудрявой головы, причем черты его лица сократились в ужасные судороги, когда он захотел произнести приветствие на своем креольском наречии.

Он оскалил ослепительно-белые зубы, и она улыбнулась в ответ, гордясь тем, что сумела уловить несколько слов.

— Здравствуй, Огюст. Да, я люблю рано вставать.

Гильермо Мюр, допивая черный кофе, вытер уголком ска-терти густую рыжую бороду, церемонно поднялся, согнул массивный корпус на маленьких ножках в поклоне, достойном придворного, и с видом превосходства перевел сказанное креолом.

— Он говорит, мадемуазель, что эта терраса самое прохладное место на острове, особенно по утрам.

— Как хорошо говорить на нескольких языках, — поблагодарила она шутливо.

Проведя с ним накануне несколько часов, Алинь уже знала все главные этапы его жизни. Мюр был по национальности венесуэлец, по происхождению шотландец и превратная фортуна осыпала его попеременно ласками и ударами. Сегодня командир судна или генерал; завтра матрос или грузчик в каком-нибудь Антильском порту; но всегда торжественный — как в нужде, так и в пышности.

Маленький рыжий человек отвечал на все вопросы молодой девушки очень предупредительно и вежливо. Нет, на Пьедраде, на всех ее шестидесяти гектарах леса и скал, нет ни одного источника; только дождь, выпадающий часто в виде ливня в продолжение нескольких недель подряд, наполняет водой ямы. Он хотел ей показать огромную цистерну, сделанную позади северной башни флибустьерами и снабжающую водой все плоскогорье благодаря высеченным в скалах каналам.

— Это башня Синей Бороды, — сказал он. — Другая называется Черной Бороды. Я читал в каких-то старых рассказах, что эти названия остались от двух знаменитых фран-

пузских флибустьеров. В прошлые времена здесь много погибло людей.

Он заговорил о подземельях, темницах, о скелетах и готов уже был развернуть целую цепь мрачных анекдотов. Она прервала его вопросом о лесе, вершины которого были уже ярко освещены солнцем. В этих лесах должны быть чудесные цветы, красивые птицы и всевозможные звери.

Но естественная история мало интересовала бывшего генерала, который, однако, запомнил несколько видов грызунов, обезьян-капуцинов, попугаев, мелких птиц, ужей величиной с руку, змей, огромных ящериц длиной в два метра.

Она снова прервала его, заинтересовавшись столбиком синеватого дыма, который поднимался вдали над деревьями.

— Там какой-нибудь дом? Или деревня? Я думала, что этот остров необитаем?

— Там живет один старый негр в обществе своих животных. Ему почти сто лет. Зовут его Жозе Мария. Это все, что можно понять из его жаргона, потому что он сам почти превратился в животное.

— Как интересно! Человек, который провел все свое существование среди природы!.. Его дом далеко отсюда?

— Его дом — несколько шестов с крышей из листьев. Там он принимает своих друзей-обезьян и других животных. Тип, я вам скажу.

Задумавшись и следя глазами за синим дымком, стелившимся по листе, она прошептала:

— Первобытный человек... Так жили наши предки накануне перехода из животного состояния в человеческое.

— Не будете ли добры повторить, — начал венесуэлец в досаде, что ничего не понял.

Веселый голос прервал его:

— Уже на ногах, мадемуазель! Но ведь это не благоразумно, всего только семь часов утра! Надеюсь, вы хорошо выпалились?

Шарль Зоммервиль на минутку задержал протянутую девушкой руку.

— Вы не жалеете об автобусах бульвара Распайль и грохоте Норд-Зюда? Правда?

Она, сияя, воскликнула:

— О, как все это далеко! Мне кажется, я живу здесь давным-давно. Странная иллюзия. Я, вероятно, сейчас нахожусь в состоянии гипноза, потому что все вещи — эти башни, дом, — все это кажется мне знакомым. Я узнаю все, за исключением самой себя. Неужели я вдруг сделалась фантазеркой?

Улыбка ученого изменила свое выражение. Он как будто подыскивал слова.

— Действительно, странная иллюзия! У меня нет никакого воображения, и я сохранил о вас представление... как об очень молодой особе... почти девочке... бледной и тоненькой, как тогда, помните, когда вы приносили нам чай посреди наших споров. Мы с вашим отцом называли вас — Линет...

Звон посуды, которую Огюст расставлял на столе, помешал профессору окончить сравнение между прежней девочкой и настоящей женщиной. Приход Жульена Мутэ, извинившегося за свою лень, дал другое направление разговору, и внимание собеседников сосредоточилось на черном кофе и сгущенном молоке. Вместо хлеба служили маисовые лепешки, испеченные в пепле.

— Папиросу, месье Мутэ? — предложил ученый, отодвигая пустую чашку. Доставая свой портсигар, он вытащил из кармана связку писем, которой, улыбаясь, размахивал в воздухе.

— Вот работа для вас, мадемуазель! О, не пугайтесь! Мы разрешим себе неделю праздности. Вам надо дать время отдохнуть.

— Разве у меня усталый вид? — спросила она.

— Вы дышите юностью и силой, и я приношу к вашим ногам мои искренние извинения. Впрочем, здесь нет ничего спешного. Это почта, которую вчера Мюр привез из Порт-оф-Спэн. Письма от коллег и прейскуранты от фирм. А вот и то, что касается вас, Мутэ.

Он вынул из пачки письмо и протянул его лаборанту.

— Это лабораторный материал для анализа крови. Качественного и количественного анализа, конечно. Взгляните, не нужно ли заказать еще какие-нибудь аппараты? Через двенадцать дней мы отправим почту в Нью-Йорк.

Он снова разобрал пачку и, положив ее на стол, начал рыться в другом кармане, улыбаясь своему секретарю:

— Письмо от сына, такое милое, теплое письмо. Вы помните моего Анри, Алинь?

— Ну конечно, помню. Вы его однажды привели к нам. Это был милый двенадцатилетний мальчик. Он уже интересовался наукой.

— Теперь вы его не узнаете. Позвольте... ему теперь пятнадцать или шестнадцать?

— Нет, Анри теперь восемнадцать, должно быть.

— Очень возможно; во всяком случае, в письмах он рассуждает, как настоящий мужчина. Представьте себе, он настаивает, чтобы я позволил ему провести каникулы здесь, со мною, и боюсь, что я уступлю ему. Я не видел его с тех пор, как уехал из Франции, вот уже четыре года. Я не говорил вам о том, что он под наблюдением моего брата Гарольда? Это старый холостяк, несколько... как это сказать... несколько легкомысленного поведения. Но Анри находится в интернате. Ну как, Муте?

Жюльен протянул письмо профессору.

— На первый взгляд, здесь, кажется, все, что можно желать. У нас будет лаборатория, которой может позавидовать Коллеж де Франс. Но позвольте мне выразить мое изумление вот по какому поводу...

— Я вас слушаю.

— Скажу без хвастовства, анализа крови — моя специальность. Я их проделывал целый год, следовательно, собаку съел... Простите, профессор. Я хочу сказать, что это дело меня не беспокоит. Это текущая работа, но со слов Дютайи, я думал, что мне придется заняться исключительно бактериологией, и, право, я не вижу связи...

— Дютайи вам, конечно, говорил о моих опытах над одноклеточными животными?

— Да. Он говорил о том, что вы исследуете причины по-

явления жизни на земле, считая живую клетку случайным химическим или физико-химическим соединением и стремитесь открыть реакцию, превращающую неорганическую молекулу в живую клетку. Иначе говоря, пользуясь выражением моего старого профессора, вы стремитесь восстановить творение, хотите создать жизнь.

Медленными кивками головы Шарль Зоммервиль подтверждал, что лаборант правильно понял его идею. Его взгляд встретил экзальтированный взгляд Алинь, и он серьезным тоном заявил:

— Я покажу вам, что я на правильном пути. Но в изысканиях подобного порядка, вы часто по дороге наталкиваетесь на совершенно неожиданное открытие, которое завладевает вашим вниманием и увлекает вас всецело. Это случилось и со мной. В настоящее время я отложил мои первоначальные опыты.

— Ага, тем лучше! — нечаянно воскликнул Жюльен.

Ученый нахмурил брови. Алинь, знавшая его вспыльчивость, попыталась отвлечь грозу.

— Я знаю много случаев. Пастер, например.

— Простите, Алинь, — прервал сухо Зоммервиль. — Я попрошу месье Мутэ объяснить мне иронический тон его восклицания.

Жюльен изумленно глядел то на ученого, то на молодую женщину, пытаясь понять, какую он совершил оплошность.

— Уверяю вас, у меня не было никакого намерения...

— Вы сказали: «тем лучше». Тем лучше, что я не продолжаю мои опыты. Так ли вы хотели сказать?

— Профессор, — тихо произнес лаборант, — я всего только ваш сотрудник и вы имеете полное право мне об этом напомнить. Что делать, мы болтаем, спорим, а в пылу споров забываются всякие расстояния!

Алинь улыбнулась, потому что нахмурившееся было чело профессора разгладилось.

— Не принимайте этого всерьез, дорогой Мутэ, я немножко резок, я знаю, а мои прошлые неудачи сделали меня чрезвычайно подозрительным... Будем откровенны. Вы

считаете меня утопистом, и не вы один. По-вашему, воспроизведение жизни — химера?

Молодой человек почесал в затылке жестом, развеселившим Зоммервиля и Алинь. Их смех подбодрил его.

— Вряд ли стоит говорить о том, профессор, что я в курсе ваших замечательных работ о природе рака. Я глубоко убежден в том, что к вам отнеслись несправедливо, и мадемуазель Ромэн может вам повторить то, что я думаю о вас, как о биологе.

— Мутэ, — вставила Алинь, — проявил истинный энтузиазм, как только узнал, кто вы.

— Вот! — сказал Жюльен, все более и более уверенно. — Могу сказать без всякой лести, что я считаю вас великим ученым, но оставляю за собой право думать, что вы оказались бы гораздо большими услуги науке и человечеству, посвятив себе работе...

— Ну, ну, — поощрял заинтересованный профессор.

— Работе более практической, более осуществимой.

— Вы будете удовлетворены, и очень скоро. Ваша открытость мне по душе, но я попытаюсь все-таки вас обратиться в мою веру. В сущности, что такое жизнь? В чем существенная разница между органической и неорганической материей?

Зоммервиль указал, что обе эти материи, такие различные в своих внешних проявлениях, в действительности ведут себя одинаково. Живая клетка, будь она животная или растительная, беспрестанно заимствует у окружающей среды, атом за атомом, те химические элементы, которые входят в ее состав. Со своей стороны, кристалл образуется в пересыщенном растворе, привлекая и скопляя вокруг себя те молекулы, которые окружающая его масса держит в свободном состоянии. Следовательно, образование и превращение как живой клетки, так и неживого тела — кристалла, идет за счет окружающей среды, и процесс этого явления совершенно одинаковый как для клетки, так и для кристалла.

— Вы допускаете, не так ли, эту аналогию между тем, что я назову живым миром и миром химическим? Хорошо. Дальше, вам неизвестно, что существуют бактерии, не-

посредственно заимствующие питательные элементы из неорганических веществ, и что существуют микробы, питающиеся исключительно камнем, который они разлагают.

— Совершенно верно, — подтвердил Жюльен с возрастающим увлечением. — Европейский *Nitroso monas*, *Nitrobacter*...

— Вот именно. Эти бактерии суть самые первичные существа, которые нам известны, и геология дает нам доказательство того, что эти микроскопические клетки жили на нашей планете за миллионы лет до появления растений. Значит, если вы верите в универсальность эволюции, вы принуждены допустить, что эти простейшие существа — потомуки еще более простых существ. Тогда звено за звеном вы должны прийти к такому первичному состоянию, в котором жизнь представляет собой только ряд реакций между отдельными молекулами. Это первая стадия жизни; жизнь химическая. Жизнь зародилась на голой земле в виде случайных комбинаций, произошедших под влиянием солнечного тепла, властелина и распределителя энергии.

— Теория очень интересная, — прошептал лаборант, колеблемый в своем скептицизме.

— И грандиозная! — воскликнула молодая девушка, упиавшаяся словами ученого. — Она открывает неизмеримые горизонты!

— Возможно... — согласился профессор с заметным смущением. — Признаюсь, у меня не хватило постоянства. Занявшись этой проблемой, глубокой, как пропасть, я отступил. Закружилась голова. Я рано или поздно вернусь к этим работам. Как раз в поисках доказательств, я наткнулся на поразительную вещь. Я бы не решился говорить перед посторонними о своем новом открытии, которое еще далеко не доведено до конца, но вам я принужден изложить его принципы, потому что на вас обоих будет лежать обязанность методически контролировать мои опыты. Дело вот в чем...

Прежде всего, он напомнил о том, что при настоящем состоянии науки точный состав растительной и живой клетки неизвестен, и что, кроме элементов химических, кото-

рые она содержит и которые удалось установить, в ней существуют еще неизвестные элементы, действие которых влияет либо на весь организм, либо только на часть его.

— Это то, что мы называем энзимы и гормоны, — подтвердил Жюльен. — Их состав неизвестен. К этой же категории относится змеиный яд, который разносит смерть по всему организму.

— Да, вы в курсе. Прекрасно! Я открыл один из таких таинственных элементов, имеющий своим назначением омоложение животной клетки. Если я у молодой обезьяны отниму орган, в котором вырабатываются эти энзимы, животное сейчас же проявит все признаки старости. И обратно — если я введу некоторое количество этих энзимов в организм старой обезьяны, признаки старости исчезнут.

— Ведь это вечная юность! — воскликнула в энтузиазме Алинъ.

— Вы качаете головой, Мутэ? В моей лаборатории есть кое-что, способное вас заинтриговать... Я не говорю — убедить. Нет еще! Пойдемте со мной.

Глава IV

Лаборатория в джунглях

— Хотите знать мои впечатления? — спросил вполголо-са Жюльен, задержав Алинь внизу лестницы, на которую уже успел подняться Зоммервиль.

Она нетерпеливо подернула плечами, но он не обиделся.

— Он очень умный человек, но ему многого не хватает, чтобы сделаться великим ученым.

— Многого не хватает? Вы не имеете права так говорить! Чего не хватает?

— Постоянства, например. Человек, который...

— Вы идете? — послышался голос Зоммервиля.

— Да, да, идем! — ответила Алинь.

Но Жюльен настойчиво удержал ее за руку.

— Ученый, который трижды за несколько лет меняет поле своей деятельности, — это мотылек, порхающий над клумбой. Надо остановиться над одним цветком и извлечь из него весь нектар.

Она яростно обернулась к нему и проговорила сквозь зубы:

— А вам вот чего недостает — веры!

Ученый, поджидавший их на площадке, дал несколько предварительных объяснений. Он ограничился тем, что поправил совершенно разрушенную крышу этого этажа, разделенного флибустьерами когда-то на два огромных помещения. До сих пор он занимал только одно из них, оставив другое для устройства лаборатории. Узкое окно, проделанное в стене, выходило на восток и слабо освещало площадку. Не доходящая до потолка перегородка отделяла пространство между лестницей и другой стеной. Он не сразу толкнул тяжелую дверь из толстых досок красного дерева.

— Я должен вас предупредить, Мутэ, что вы увидите далеко не образцовую лабораторию. Если вы человек порядка и системы, вы, конечно, будете возмущены.

— Профессор, — сказал, улыбаясь, Жюльен, — я твердо помню, что мы находимся на одинокой скале посреди океана, в значительном количестве миль от Коллеж де Франс и Сорбонны.

— Вот это правильно!

Просторный, как деревенская церковь, зал имел с каждой стороны по пять окон, сделанных из бывших бойниц. Огромные, грубо обтесанные балки, почерневшие от времени и непогоды, поддерживали крышу, пестрящую заплатами. Повсюду, без малейшего стремления к порядку и симметрии, стояли простые столы и полки, загруженные инструментами и аппаратами. Чувствительные весы под стеклянным колоколом находились в соседстве с грязной чашкой. На спинках стульев валялись запачканные салфетки.

— Хорошо, что я вас предупредил, — сознался ученый с гримасой, рассмеившей Алинь и Жюльена. — Не понимаю, как я мог работать при таком разгроме.

Его слова потонули в грохоте молотка. В глубине огромного зала какой-то человек проделывал отверстие в стене. Зоммервиль объяснил, что там пройдет труба, распределяющая воду по всему корпусу.

— Вы еще не знаете нашего Ляромье, Алинь? Оригинальное существо, которое я подобрал в море. Это беглый каторжник. О, не пугайтесь, это каторжник, сознавшийся в своей вине и раскаявшийся в ней. Это бесценный человек. Он очень усерден, несмотря на свой угрюмый нрав. Эй, Ляромье!

Человек быстро поднял голову, окаймленную черной щетиной, бросил дикий взгляд и снова принялся пробивать стену.

— Мне кажется, он не произносит и десяти слов в день. Славный человек! Он может сделать своими руками что угодно, но подвержен меланхолии, а это иногда бывает разительно... А вот мои воспитанники. Мы попадаем в нечто похожее на зверинец.

Пять просторных клеток, из которых каждая была разделена надвое, вытянулись вдоль стены. Ученый остановился перед средней клеткой, занятой двумя обезьянами.

— Подойдите, Мутэ, — пригласил Шарль, — и подумайте хорошенько, прежде чем ответить на мой вопрос. Я хочу вам наметить общие принципы моих изысканий. Вглядитесь хорошенько в этих обезьян и скажите, какая из них, по вашему, старше.

Одна из обезьян-капуцинов прыгала по клетке, останавливаясь и бесстрашно заглядывая в лицо посетителям, потом снова принималась за свои выходки, испуская тонкий птичий писк, в то время как другая, забившись в солому, мрачным взглядом следила за упражнениями своего сожителя.

— Если принять за критерий проявление физической резвости, — сказал Жюльен, — то будет очевидно, что этот маленький акробат производит впечатление молодого, в то время как другая, как видно, уже доживает свой век.

Ученый улыбнулся,

— Вы тоже с этим согласны, Алинь?

— Да, ведь контраст бросается в глаза.

— Несомненно, — подтвердил лаборант, — но, если вы мне позволите высказаться откровенно...

— Я несколько забегу вперед. Главное в том, что я принужден брать таких животных, возраст которых точно определился. Эти обе обезьяны доставлены мне вместе с другими, погибшими после опытов, одним миссионером, отцом Тулузэ, который живет у индейцев на Твердом Берегу. Тулузэ умен и наблюдателен, и для оценки возраста этих обезьян он основывался на прорастании их зубов: два года и семь лет. Это значительная разница, потому что, по его мнению, долговечность этого вида обезьян равняется двенадцати годам.

— Значит, — добавил Жюльен, — обезьяна, скачущая с такой резвостью, до вашего вмешательства была почти старушкой?

— Почти старушкой. Это верно; в то время как в другой жизнь была ключом. Мне достаточно было взять у более молодой бесконечно малое количество энзимов, обновляющих клетку, и ввести их в тело старшей обезьяны для того, чтобы заставить их обменяться ролями.

— Какое чудесное превращение! — воскликнула Алинь взволнованным голосом. — О, профессор, вы отомстите за себя, когда об этом узнает мир!

Он жестом пресек ее энтузиазм и прошептал:

— Надо подождать, слишком много неудач... Это первая пара, которая прожила больше десяти дней после операции... это еще не проверено до конца.

Жюльен, присевший на корточки, чтобы поближе разглядеть старую обезьяну, вскочил.

— Это страшно досадно, но интересно, если только новые опыты исправят первоначальный результат. Насколько я понял, остальные все умерли.

— Да, около тридцати... Это большой процент!

— Но ведь такой период нащупывания неизбежен, — встала Алинь.

Ученый покачал головой.

— Мне хотелось бы думать, что он уже окончен. Я нахожусь постоянно между верой и сомнениями. В тот момент, когда, казалось бы, я уже восторжествовал над последней трудностью, я наталкиваюсь на новые проблемы.

Ей были знакомы эти припадки подавленности, почти без перехода следующие за приступами воодушевления. Она порывисто схватила руку профессора.

— О, вы разрешите их, я не сомневаюсь! Вы уже у самой цели! Перед вами чудесное открытие, ничто не может вас остановить на этой дороге! Наука будет вам обязана новой победой и новыми горизонтами.

Ее расширенные глаза сверкали, губы дрожали. Жюльен, отвернувшийся, чтобы скрыть улыбку, подумал:

«Секретарша умеет быть красивой, когда хочет!»

Он сделал вид, что страшно заинтересовался состарившейся обезьяной, в то время как Шарль, подняв руку девушки к своим губам, прошептал:

— Благодарю вас, Алинь... Да, я дойду до конца. Ничто не сможет меня отвлечь от этого, и я добьюсь победы!.. Спасибо, Линет!

Она тихонько отняла руку. Неспешно поднявшийся Жюльен завязал спор.

— В общем, насколько я понял, химическое вещество, которое должно омолодить клетки, заимствуется вами у желез внутренней секреции?

Ученый весело ударил его по плечу.

— На сегодня довольно, дорогой Мутэ! Я хотел только возбудить в вас интерес, а от изложения подробностей моих изысканий и моего плана действий я пока воздержусь. Устроим себе восьмидневный отдых. Если вы любите рыбную ловлю, охоту, морское купанье... Да, но все же я вам должен еще кое-что показать... Позвольте, почему не слышно Ляромье?

Они нашли бывшего каторжника в глубине залы. Он стоял на коленях перед водопроводной трубой, которую собирался запаять.

— Ляромье, где Дик?

Не подымая головы, не выпуская из рук трубы, которую он смазывал жиром, Ляромье проворчал:

— Гуляет.

— На площадке? Позови его!

Пока Ляромье открывал тяжелую дверь, соединявшую это помещение с башенной лестницей, Зоммервиль объяснил:

— Это собака негра Жозе-Марии. Старик живет на другом конце острова. Псу, по меньшей мере, двенадцать лет. Молодая сука, использованная для этого опыта, умерла третьего дня. Поглядите на Дика и скажите мне: похоже ли его поведение на поведение старого животного?

Ученый предложил проект, приведший в восторг Алинь: после полудня, когда спадет жара, они отправятся к отшельнику, захватив с собой собаку.

— Я с волнением думаю о том впечатлении, которое произведет на старика-негра превращение, произошедшее с собакой. Это будет для меня драгоценным доказательством. Ну, Мутэ, ваше мнение?

Предшествуемая веселым лаем, огромная собака с короткой каштановой шерстью бурно ворвалась в зал и, описывая круги среди столов, кинулась к ученому, положив свои лапы к нему на грудь, потом закружилась в безумном беге.

— Факт! Этот бывший старик брызжет молодостью.

— Не так ли? — спросил ученый с сияющим лицом. — Мы покажем Дика старому хозяину. Я хотел бы обождать еще несколько дней, но мне не терпится; хочется поскорее проверить впечатление.

Когда Огюст пришел разбудить ученого, привыкшего спать два часа после завтрака, часы показывали уже три, а термометр стоял на 34 градусах, несмотря на то, что комната была закрыта ставнями. Должно быть, снаружи зной был невыносимый, но мулат уверял, что, благодаря ветру, было вовсе не так жарко, и его жена тоже собиралась пойти к негру, чтобы купить у него фрукты и овощи.

— Мадемуазель Ромэн уже на террасе? — спросил профессор.

— О, мушье, — с ужасом воскликнул негр, — мамзель совсем не спит!

Ученый улыбнулся, вспомнив возмущение Алинь, когда он посоветовал ей подчиниться обычаю жарких стран и предаться сиесте. Однако, спустя полчаса после того, как он напрасно искал ее возле дома, он догадался, что и Алинь не устояла против сна. По его приказанию мадам Маренго постучала в дверь молодой девушки. Алинь смущенно созналась, что она заснула над книжкой.

— Принудительная сиеста, — шутливо заметил Зоммервиль.

Вся компания отправилась в дорогу и гуськом пошла по тропинке, описывающей невероятные извивы через густые джунгли. Шествие возглавляли Маренго и Атали Куку с корзинами на головах, покрытых пестрыми платками. За ними шел Жюльен с псом. Алинь с ученым образовали арьергард и шли так близко друг к другу, что могли говорить почти шепотом.

Она на каждом шагу приходила в экстаз от малейшего пустяка: от необычайно изрезанного листка, от былинки, гнувшейся под тяжестью насекомого, от полчища муравьев, берущих приступом пальму. Маленькая лягушка с зеленой спинкой, усыпанной золотыми блестками, вызвала целую бурю восторга.

— Я не знал, что вы так влюблены в природу!

— Она воодушевляет меня!

— О, молодость, наивная молодость, прелестная молодость!

Две синие бабочки, тесно слившись, кружились в солнечном луче, осыпавшем их блестками.

— Вечный и верховный закон природы, великий закон, властвующий над жизнью и управляющий ею! — воскликнул профессор.

Она остановилась перед стволом, через который надо было перешагнуть и, повернувшись к нему, спросила, смеясь:

— Вы не допускаете, профессор, что можно уклониться от этого закона?

Он помог ей влезть на ствол и возразил:

— Я констатирую, но не допускаю.

— Вы *не допускаете*, — повторила она с деланным возмущением, — но ведь вы первым пожертвовали любовью ради науки.

Взобравшись на мшистое дерево, задорно скрестив руки, выпрямив стройные плечи, с живым улыбающимся лицом, обрамленным упрямыми прядями волос, она своим женственным видом давала наглядное опровержение той враждебной и презрительной манере, с которой она говорила о любви. Подавляя свое волнение, он шутливо ответил:

— Если бы мой возраст давал на это право, я позавидовал бы тому, кто сорвет тот прекрасный плод, который представляете собой вы, молодая ученая!

Она легко соскочила со ствола и вдруг остановилась, заметив жест Жюльена Мутэ, призывавший хранить молчание.

Джунгли внезапно заканчивались нагромождением скал. С того места, где остановились Жюльен и негритянки, можно было видеть луг, полого спускающийся к берегу. В нескольких шагах от трех хижин, теснившихся возле осыпавшейся скалы, старый негр чистил колосья маиса, придавая своему телу ритмичное качание из стороны в сторону. С его губ срывалось в такт качанию какое-то прерывистое журчание. Животные окружили отшельника кольцом. Алинь на-

считала десять обезьян, грациозных созданий с белыми лицами, сидевших на земле перед кучей шкурок от бананов, остатков пышного пиршества. Птицы с черным и золотым оперением, из которых одна садилась иногда на плечо старику, наслаждались зернами маиса. Два агути, грызуны величиной с кошку, перебегали от хижины к хижине и получали потешные пощечины от обезьян, когда подходили обнюхивать собравшиеся возле них объедки. Целая стая изумрудно-зеленых игуан, ящериц длиною в метр, кишела рядом с обезьянами, которых не трогало такое соседство.

— Не правда ли, и в цирке столько не увидишь? — প্রশেপতাল Зоммервиль на ухо Алинь.

— Как это трогательно! — сказала она серьезным тоном.

— Он вот так кормит своими крохами всех жителей леса. В общем, он и работает и сеет только для того, чтобы их прокормить. Последние два года я стал отправлять ему провизию, а до этого, если ему хотелось поест мяса, он со слезами просил разрешения у кого-нибудь из своих питомцев перерезать ему горло.

— Бедняга!

— Это неправдоподобно, не так ли? Но Огюст с женой видели это своими глазами.

— Во всяком случае, — заметил лаборант, — тут есть чем заполнить ваш зверинец.

— Ну, это было бы святотатством! — возмутилась молодая девушка.

— Это совершенно невозможно, — добавил Зоммервиль. — Жозе Мария даст скорее себя изрубить в мелкие куски, чем расстанется с одним из своих друзей. О, я пробовал, я много раз предлагал ему!

Пес внезапно рванул поводок и бросился вперед с громким лаем. Очарование было нарушено, звери разбежались.

Алинь подошла к хижинам последней. Это видение золотого века — легендарного рая, в котором человек и животное мирно жили бок о бок, не убивая друг друга, — нарушало ее представления о реальном мире.

Между тем, Дик, резвясь, как молодая собака, прыгал вокруг своего хозяина, следящего за его выходками недовер-

чивым взглядом. Дик останавливался только для того, чтобы лизнуть руки, лицо, колени, все, что попадалось ему под язык, и снова принимался за свой бурный бег. На лице старика-негра сияла радость изумления и надежды. Он скрестил свои узловатые пальцы в молитвенном жесте и губы, издавшие детский смех, зашептали какие-то слова.

Ученый, с тревогой следивший за его движениями, дернул мадам Маренго за рукав.

— Я хотел бы знать, что он такое говорит.

Негритянка прислушалась и перевела:

— Он говорит, что белые французы великие колдуны, они могут возвращать молодость животным. О, послушайте этого сумасшедшего старика. Он спрашивает, можете ли вы ему продать то лекарство, которое вы дали собаке.

— Ах, вот как? Он спрашивает? — повторил Зоммервиль, выдерживая умоляющий взгляд старика. — Скажи ему, дочь моя, что действие моего лекарства еще не проверено, но, так как щитовидные железы имеют одинаковый химический состав у всех млекопитающих...

Он внезапно, по тупой mine негритянки, заметил, что говорит непонятными словами.

— Просто скажи ему, что мы еще поболтаем об этом. Да, скажи, что мы посмотрим.

Глава V

В ожидании отца Тулузэ

— Постарайтесь выразиться не слишком точно и, не впадая в шаблон, найти такую фразу, которая позволила бы понять, что я сейчас занимаюсь разрешением биологической проблемы, представляющей глубокий интерес и что я, как видно, нахожусь на верном пути. Вы поняли, Алинь?

— Хорошо, я исправлю это место.

— Да-да, только это.

Шарль Зоммервиль, склонившийся над столом, чтобы прочитать эту фразу, вздрогнул и выпрямился, потому что прядка упрямых волос коснулась его виска. Он улыбнулся и, опрокинувшись в качалку, не спускал глаз с молодой девушки, перо которой бежало по бумаге. Сцена эта происходила в комнате с голыми стенами, в которой стол, этажерка с книгами и несколько стульев составляли всю обстановку кабинета. Со времени приезда Алинь и Жюльена прошло десять дней, но праздный период еще продолжался. Приняться за работу можно было только после получения химических препаратов, заказанных в Нью-Йорке, и при условии, что миссионер доставит животных, годных для опытов,

— Когда мы закончим это письмо, — проговорил Зоммервиль между двумя затылками, — зной уже спадет. Я предлагаю идти купаться. Вода будет такая же приятная, как вчера. Вы вознаграждены, Алинь?

— Но ведь если будем писать всего по два три письма в день, мы никогда не покончим с этой корреспонденцией!

— Как я люблю, когда вы меня браните! Не смотрите с таким гневным видом на эту связку бумаг! Письма, отложенные в ящик, сами на себя отвечают. Вы сегодня тоже были у Жозе-Мари? У вас это превратилось в паломничество.

— Очаровательная прогулка, и этот старик меня ужасно интересуется. Представьте себе, я начинаю понимать его жар-

гон! Когда я дала ему цыпленка и бисквит, он просил меня передать вам благодарность. Вы для него какой-то полубог под названием «великий белый».

— Упоминал он о моем волшебном лекарстве? Как он его называет?

— Бедняга убежден, что вы можете ему вернуть молодость так же, как вернули его собаке. Я, конечно, стараюсь не поддерживать его надежд.

— Да, конечно!

Потом, внезапно сорвавшись и взволнованно шагая по комнате, ученый прошептал:

— Кто знает, кто знает! После моих ближайших опытов... Я теперь вижу гораздо яснее. Если результаты будут благоприятны...

— Профессор, — с жаром воскликнула Алинь, — я горячо убеждена в том, что они будут благоприятны, и даже Мутэ, который склонен к скептицизму, заявляет, что ваша теория совершенно верна.

Зоммервиль вдруг успокоился.

— Мне нравится в Мутэ его критический дух. Я люблю и поддерживаю критику, если она справедлива. Кстати, окажите мне услугу. О, это не спешно. Дело вот в чем: ведь вы слышали наши споры с Мутэ, продолжавшиеся день и ночь, и, я уверен, что вы все поняли, не так ли?

— Я полагаю, что поняла.

— Не можете ли вы написать какую-нибудь сотню слов о настоящем состоянии моих работ?

Она сделала испуганный жест, рассмешивший его.

— О, это не для академии! Как можно менее научно. Вы делаете маленький, ясный, удобопонятный доклад, а я займусь подробностями. Этой услуги я прошу от имени моего сына.

— Бедняжка! — вырвалось у нее.

Но она тут же поправилась:

— Месье Анри хочет знать...

— Алинь, я предпочитаю прямые слова. Да, это бедное дитя достойно сожаления. Без матери — но это, может быть, для него и лучше, — и, увы, без отца, который занимается

своим сыном только урывками. Что делать? Судьба!

Он провел рукой по лбу, как бы отгоняя тяжелые воспоминания.

Тепло склонившись к нему, Алинь мягким голосом произнесла:

— Профессор, наука — ваше великое утешение.

— Да, правда, мое утешение и мой тиран. Итак, вы понимаете, чего я жду от вас и от вашего ясного ума? Анри в каждом письме просит, чтобы я рассказал ему о своих работах.

— Я могу сделать черновик, набросок... — сказала она неуверенно.

Он ударил кулаком по столу так, что подскочила чернильница, и весело заявил:

— Мы это отредактируем вместе. Это дело двадцати минут. А потом пойдем за Мутэ, в котором открылась душа рыболова. Я начинаю, дорогой друг.

— Это будет очень интересно, — согласилась она, избавившись от смущения, и приготовилась писать.

Он закурил сигару, уселся в кресло и продиктовал:

— Изучение эндокринных желез — пишите лучше: желез внутренней секреции — находится еще в начальной стадии. Только в 1891 году Броун-Секар и д'Арсонваль опубликовали свои работы о вытяжках из этих желез и об их применении для подкожных впрыскиваний, как о терапевтическом методе. Начало ясное?

— Анри знает, что такое внутренняя секреция?

— Гм... гм... Да, пожалуй, скобка не будет излишней. Напишем так: если некоторые железы, как например слезные, выделяют свою секрецию наружу, то есть и другие, которые выделяют ее непосредственно в кровь и этим изменяют ее химический состав. Перечислим главные железы внутренней секреции: щитовидная, помещенная возле гортани, и тимус у основания шеи; потом плексус...

— О! — воскликнула, улыбаясь, секретарша.

— Я вам говорил, что я ударяюсь в подробности. Ладно, напишите вместо «плексус» — «и тому подобное». Функции этих органов далеко не вполне еще исследованы; между тем,

существуют доказательства, что они выделяют микроскопические тела, называемые энзимами или гормонами, химический состав которых неизвестен, но которые оказывают действие на другие органы, иногда расположенные на значительных расстояниях, и не прибегают для этого к помощи нервной системы. Привести пример?

— Опыт Миронова, мне кажется, достаточно ясен.

— Великолепно. В качестве примера приведем классический опыт Миронова. Известно, что у всех млекопитающих молочные железы начинают работать только через несколько дней после разрешения от родов, но, если предварительно перерезать нервы, ведущие к молочной железе козы, выделение молока произойдет в любое время и так же обильно, как у нормального животного. Другой пример, еще более показательный, предлагает нам случай с обезьяной Роза-Жозеф. Когда Роза сделалась матерью...

— Гм... — произнесла Алинь. — Анри еще слишком молод.

— Да, вы правы. Зачеркните. Эти микроскопические организмы, живущие собственной жизнью, играют роль возбуждителей. Уже давно подозревали, что одна и та же железа производит несколько категорий этих организмов. Шарль Зоммервиль считает возможным доказать, что щитовидная железа производит не менее трех субстанций, из которых одна, которую он назвал ферментом «Жи», как видно, обладает способностью возбуждать к деятельности и омолаживать клетки во всех частях тела. Но я не хочу слишком утвердительно высказываться об этом.

— Но нужно изложить результаты опытов над собаками и обезьянами; ведь они очень показательны.

— Давайте, изложим. На чем вы остановились?

Непокорный локон на ее виске снова задел его. Она смотрела на него своим открытым вопросительным взглядом, и он заменял слова, которые просились на его язык, первыми попавшимися незначительными фразами.

— Дорогой друг, у вас тут локон, о котором я не могу сказать ничего плохого, потому что он принадлежит вам, но он смущает мой покой. Не будете ли вы так великодушны

и не заставите ли вы этот локон лечь на место, когда мы работаем с вами?

— Клянусь, я уберу его.

— Вы, конечно, вправе смеяться над моим легкомыслием. Волосы красивой особы касаются моего лица, и я сейчас же забываю то, что мне нужно сказать;

— Не закончить ли нам доклад? — напомнила она, не угадывая его волнения.

— Алинь, вы из тех женщин, которые требуют к себе уважения и даже преклонения. Таких женщин почитают и им завидуют. Завидуют их непроницаемости, которая составляет большую силу.

Она, наконец, поняла и слегка нахмурила брови.

— Я так же, как и вы, профессор, полагаю, что обладаю этой силой, но она еще не подвергалась испытанию, и я не знаю, реальна она или фиктивна.

Он долго глядел на нее, не отвечая, и, наконец, освободившись от наваждения, вернул себе спокойствие и даже хорошее расположение духа:

— Дайте мне руку, Алинь, и скажите, что не находите меня смешным. Я вдвое старше вас и чуть не сделал вам признание. Припишите приступ этого сентиментального безумия моему долгому одиночеству. Я ужасно зол на себя за то, что не умею состариться.

— Но ведь это тоже сила...

— Да... Но сила отрицательная, которая с молодостью имеет только одно общее — опасные иллюзии... — произнес он несколько грустно.

Она украдкой бросила на него сострадательный взгляд. Стук в дверь нарушил молчание. Жюльен Мутэ вошел, извиняясь.

— Я позволил себе прийти сказать вам о прибытии миссионера; его лодка уже на виду.

— Отец Тулузэ? Вы уверены? — весело вскричал Зоммервиль.

— Огюст узнал его издали по его длинной черной бороде. Обе пироги пересекли уже черту рифов, и через десять минут...

— Вы увидите замечательного человека, — прервал его ученый, — таящегося под совершенно скромной внешностью.

Он взял свою панаму и поспешно вышел из комнаты, преследуемый лукавым взглядом лаборанта, который сейчас же обратился к Алинь.

— Уверяю вас, я ясновидящий. Держу пари, что патрон вам только что признавался в своей страсти (она пожала плечами) и что вы его вежливенько посадили на место.

— Вы глупы.

— Значит, перспектива сделаться мадам Зоммервиль вас не очень манит?

— Когда дело до этого дойдет, я у вас спрошу совета.

Алинь нашла ученого у подножья скалы, где собрался весь персонал замка. Обе пироги, — огромные, выточенные внутри стволы — уже обходили последние камни под управлением индейцев, работавших веслами или шестами. Мускулистые полуголые тела индейцев блестели на солнце. Среднюю часть занимали пальмы, образующие навес, защищавший пассажиров от солнца. Позади навеса стоял человек с черной длинной бородой, в выцветшей заплатанной сутане, и махал в воздухе соломенной шляпой, истрепанной от непогоды.

Огюст и обе негритянки яростно выкрикивали приветствия, поглощаемые шумом прилива.

Наконец, пироги прошли опасное место и достигли скалы, служившей опорой мосткам. Шарль Зоммервиль протянул руку миссионеру, помогая ему сойти на берег.

— Я очень рад вас видеть, отец Тулузэ. Путешествие не слишком утомило вас?

— Да, пожалуй, — проговорил миссионер, с усилием выпрямляя члены. — Мы сегодня плаваем с утра, и я немножко озяб, но море было очень милостиво.

Знакомя Алинь с аббатом, Зоммервиль прибавил:

— Алинь — дочь моего старого друга, согласившаяся мне помогать в качестве секретаря.

Миссионер снял шляпу и улыбнулся, оправляя сутану, в которой не доставало многих пуговиц.

— Надеюсь, мадемуазель простит мне мой ужасный вид?

— Здесь никто не следит за модой, — сказала Алинь, улыбаясь.

Алинь с любопытством следила за работой индейцев. Широкоплечие, коренастые, с круглыми безбородыми лицами, вокруг которых падали черные гладкие волосы, индейцы вместо всякой одежды носили лоскуток полотна, повязанный вокруг бедер. Казалось, без всякого усилия, молча и бесстрастно подымали они тяжелые деревянные ящички-клетки, в которых видны были обезьяны и другие животные.

Отец Тулузэ внезапно сжал кулаки и остановился посреди мостков, выкрикивая слова на неизвестном языке в сторону одной из пирог, откуда только что выглянули три женщины, также мало одетые, как их спутники.

— Как видно, никогда в жизни мне не удастся цивилизовать этих дур! — воскликнул он, с жестом отчаяния подымая руки к небу. — Я разоряюсь на них, покупая им коленкор. Пока они в лесу, они держат себя прилично; как только они приближаются к венесуэльской деревне, они сразу снимают с себя платья, считая себя в них смешными, а поскольку это все, что они имеют на теле, вы легко можете себе представить, как это меня бесит, когда я появляюсь с ними перед посторонними. Поставьте себя на мое место, доктор Шарль!

Обернувшись, он увидел, что Зоммервиль и Жюльен умирают со смеху, и его ярость сразу растаяла.

— Заметьте себе, что эти создания в смысле целомудрия стоят выше других женщин. Я журю их, но мирюсь с обстоятельствами. Ведь эти люди так близки к природе. Кроме того, как только вы заставляете какой-нибудь первобытный народ носить одежду, вы подвергаете его легочным заболеваниям. Так что я не слишком настаиваю. Я закрываю глаза.

— А я открываю свои, — засмеялся Жюльен Мутэ. В это время Зоммервиль и миссионер стали подыматься по тропинке. — Эти жительницы девственных лесов как будто высечены резцом.

Три молодые женщины — у одной из них грудной ребенок был подвешен на платке, обматывавшем шею — складывали на берег походную утварь: чугунный котелок, несколько деревянных подносов, длинные ножи и большие четырехугольники из тонкой и мягкой коры, заменяющие индейцам постель. Женщины были ниже ростом и менее коренасты, чем мужчины, но так же бесстрастны, как и они. Несколько раз они проходили мимо Жюльена, не обращая на него ни малейшего внимания, хотя он и выпрямился во весь рост и поглаживал свою красивую коричневую бороду.

— Они недурны, но я не думаю, чтобы они блистали умом, — заключил он разочарованно.

Индианки расположились у подножья скалы и собирались разложить костер. Алинъ остановилась перед ними и склонилась над новорожденным, привешенным к шее матери. Дикарка улыбнулась ей и, прижимая ребенка к груди, горделивым жестом дала понять:

— Он мой, это моя вещь!

И, продолжая пантомиму, показывая на подруг, объяснила:

— Они не матери, они — ничто, а я мать, я королева.

Бездетные женщины склонили головы, как бы подавленные ее презрением.

Молодая девушка погладила спинку маленького краснокожего и задумчиво направилась к тропинке. Под влиянием насмешек этой дикарки над бесплодием ее подруг, мысль о естественном и социальном значении материнства, без которого женщина представляет собой несовершенный и паразитствующий организм в смене поколений, заняла ее всецело.

Глава VI

Белая и красная магия

— Вы меня простите, доктор Шарль, — говорил отец Тулузэ на следующий день после своего приезда. — Я становлюсь лентяем. Да, мне всего сорок три года, а желудок у меня уж расстроен, и я жду припадков ревматизма.

— А между тем, вас нельзя упрекнуть в чревоугодии.

— Крайности сходятся, доктор. Вот уже пятнадцать лет, как я живу среди индейцев и питаюсь дичью, кореньями и дикими плодами. Я устал от этого. Бывают ночи, когда я греховно мечтаю о мясном. Мне стыдно в этом сознаться.

В то время, как ученый наблюдал за переносом ящиков и размещением животных в лаборатории, отец Тулузэ бичевал себя за другой грех: сладострастие. После обедни, которую он отслужил в комнате, занятой накануне, он снова лег в постель и с наслаждением отдавался давно неиспытанному удовольствию: растянуться на мягкой и чистой постели.

Огюст Маренго, пришедший звать аббата к завтраку, нашел его погруженным в глубокий сон. Он тщетно позвал его два-три раза и, наконец, решился тихонько потянуть его за воротник рубашки. Кусочек полотна остался в руках негра. Он почесал в затылке, но мысль о том, что его жена сумеет поправить беду, придала ему решимости, и он легонько потряс спящего за плечо.

— Все уже ждут? Правда? Неужели я спал? Давай скорее одеваться! Мои кальсоны. Да, это мои кальсоны.

В приступе безумного смеха он опрокинулся на подушку. Оцепеневший мулат стоял перед ним и помахивал в воздухе какой-то тряпкой, испещренной бесчисленными дырками.

— Они были новыми в свое время, дитя мое, но найдика в этом мире что-нибудь вечное!

Когда аббат, наконец, вышел на террасу, оправляя заплатанную сутану, Шарль Зоммервиль выбралил его за опоз-

дание. Отцу Тулузэ не оставили «адвоката» — тропический плод, который подается в виде закуски. Ему придется на остальных блюдах — оладьях из рыбы и рагу из ящериц. Меню дополняли вареные бананы, мелкий черный горох, рис в свином сале и бисквит вместо хлеба. Зоммервиль то и дело наполнял стакан отца Тулузэ.

— Выпьем за вашу успешную охоту. На этот раз вы меня избаловали. Восемнадцать обезьян, из которых четыре крупной породы, двенадцать агути, четыре двутробки — это больше, чем я ожидал. У вас хватит на приданое для всех ваших прихожанок.

За столом засмеялись. Чокаясь с ученым, миссионер сказал:

— Пью за вашу щедрость, доктор Шарль, — вы неверующий, но вы делаете добро церкви, так широко вознаграждая меня за труды.

— Вы преувеличиваете, отец Тулузэ. Я обязан вам гораздо большим. Без вас мои работы остались бы незаконченными. Я надеюсь, что в следующий раз вы мне привезете новый транспорт обезьян. Я предпочитаю крупную породу, обезьян-ревунов. Я заплачу за них вдвое: по 200 франков.

И, обратившись к Жюльену Мутэ, он добавил:

— Вы увидите, что они гораздо интереснее для опытов, так как у них чрезмерно развита щитовидная железа и форма ее напоминает ту же железу у человека.

Миссионер взволновался.

— Доктор Шарль, облегчите мою совесть, обещайте мне не причинять зла этим животным. Разве мы имеем право?..

— Я мог бы вам ответить, что наука дает нам на это все права. В особенности пожертвовать жизнью нескольких животных для улучшения человеческой жизни. Я успокою ваше чувствительное сердце и скажу вам, что у меня нет никакого намерения мучить эти создания... но, сознайтесь, не вы ли первым обрадовались бы, если бы мои опыты привели к значительному сдвигу науки и прогресса?

— Счастье человечества оправдывает подобные жертвы, — мягко вставила Алинь.

Отец Тулузэ покачал головой и ответил с насмешливой улыбкой:

— Неужели человечество будет счастливее от того, что доктору Шарлю удастся доказать, что клетки, составляющие растительные и животные ткани, суть продукт химических реакций?

— Но дело вовсе не в этом, дорогой аббат, — воскликнул ученый, — вовсе не для этой цели наполнили вы мой зверинец. Я должен вас ввести в курс. Закурите сигару и глотните вот этого вина, пока я вам прочитаю лекцию о моем ферменте «Жи». Я хочу развернуть перед вами все значение моего нового открытия.

Избегая всяких химических терминов, он в нескольких фразах объяснил смысл своих опытов. Миссионер учтиво покачивал головой, желая показать, что следит за мыслью профессора, но отсутствие всякого энтузиазма в лице Тулузэ рассердило ученого.

— Мне кажется, дорогой аббат, вы ничего не поняли. Или мое изложение не настолько ясно?

— Нет, профессор. Я прекрасно понял, что вы открыли в каком-то органе какое-то вещество, роль которого заключается в том, чтобы оживить некоторые состарившиеся клетки. Я выражаюсь, как невежда, но это приблизительно так?

— Приблизительно, — согласился Зоммервиль. — Я не хотел вдаваться в подробности, но вы поняли, что это вещество, этот фермент есть возбудитель жизнедеятельности клетки, поставщик энергии. Если это вещество исчезает в теле какого-нибудь существа, клетки и, следовательно, ткани не обновляют своей энергии. Тогда-то и наступает старость — предвестник смерти.

— Да... — заметил священник. — И, обратно, если вы увеличиваете количество этого фермента, вы придаете телу силу молодости? Я не могу спорить с вами, профессор, но я боюсь, что подобные чудеса останутся навсегда мечтой.

— Но ведь я даю вам реальные и проверенные факты.

Алинь настойчиво вернула:

— Совершенно очевидно, что все религии запрещают верить в чудеса науки.

— Не знаю, откуда вы взяли это поучение, мадемуазель, — усмехнулся миссионер, — но уж разрешите мне не приходить в восторг от научных чудес, потому что я, живя среди первобытных людей, вижу своими глазами гораздо более ошеломляющие чудеса!

— Дайте образчик, — предложил Шарль Зоммервиль.

— Я вам дам их целое множество, — сказал, оживляясь, миссионер.

Он привел целый ряд странных фактов, заметив при этом, что все это видел своими глазами, а не передает с чужих слов. У племен, живущих вдали от цивилизованных государств, в глубине недоступных лесов, заклинатели духов обладают тайнами, которые передаются от отца к сыну. Они умеют извлекать из своих знаний чудовищные эффекты.

— Вы скажете мне, — продолжал миссионер, — что многие факты, которые я собираюсь вам изложить, могут быть объяснены гипнозом, но есть факты другого порядка, не поддающиеся подобному объяснению. Позвольте, доктор Шарль. Вы, конечно, имеете полное право гордиться своим открытием, но индейцы, не знающие химии и биологии, открыли тайны, несколько похожие на ваши. Я расскажу вам то немногое, что узнал об этом.

Аббату удалось проверить действие ужасного лекарства племени дарьенов на юго-востоке Панамской республики. Когда индеец хочет отомстить своему врагу, он подсыпает в его питье вещество, которое добывает у заклинателя духов. Физическое состояние человека остается совершенно нетронутым, но его мыслительные способности совершенно уничтожаются. Остается тело без души. Пассивный раб, отданный во власть своего преследователя.

— Средства, действующие на мозг, — заметил ученый, — известны уже издавна.

— Я с вами согласен, но здесь другое. Здесь человек теряет только некоторую часть своих душевных способностей, например, волю и совесть. А теперь, когда я вас послушал, мне кажется, я лучше начинаю понимать, что там происходит. Вы — материалисты — допускаете, что каждая наша умственная способность занимает определенную долю мозга.

Разве нельзя предположить, что поглощенный несчастным человеком яд содержит некоторый организм, способный развиться в том именно месте, где локализована, например, воля?

— Я не считаю это научно нелепым.

— Интересно знать, — вставил Жюльен, — известно ли противоядие?

— Не могу вам сказать точно, но вот явление, которое мне известно более близко. В отдаленных областях Венесуэлы, возле английско-гвианской границы, заклинатели духов обладают дьявольским секретом превращать людей в животных.

— Цирцея у краснокожих, — заметил Жюльен. — Они начитаны, эти дикари.

— Позвольте, здесь не над чем смеяться. Человек, выпивший этот яд, сейчас же теряет способность речи, которая заменяется нечленораздельными звуками. Через несколько дней он уже не умеет стоять на ногах; можно подумать, что он мертвецки пьян. И вот он начинает ходить на четвереньках, как животное, и ревет, как зверь. Ужасное зрелище!

Шарль Зоммервиль спросил со скептической улыбкой:

— Вы уверены, дорогой аббат, что это не были калеки от рождения? В медицинских книгах описываются подобные случаи.

— Я могу вам ответить категорически: речь идет о яде; противоядие тоже известно некоторым знающим людям. Человек, которого лечат этим противоядием, через некоторое время снова обретает способность говорить и сохранять равновесие. И я повторяю, эти дикари обладают поразительными тайнами, равняющимися чудесам науки.

— Но ведь наши чудеса можно контролировать! — запротестовала Алинь.

Миссионер улыбнулся.

— Вы заметили, мадемуазель, того индейца, который сегодня утром помогал мне служить обедню? Его имя Пабло, и он не заклинатель духов, но ему известны совершенно непонятные вещи. Если он согласится, я попрошу его показать свои чудеса. Мы пойдем с ним в лес, и вы увидите не-

вероятную вещь: по его приказанию змеи и ящерицы выйдут из своих нор и будут пресмыкаться у его ног.

— А если мы вас поймем на слове, дорогой аббат? — воскликнул ученый.

— Я от слова не откажусь и предлагаю назначить час.

— Я предлагаю произвести опыт сегодня после сиесты, — сказал Жюльен. — Я думаю, что сила вашего индейца представляет собой явление животного магнетизма, изучением которого я одно время увлекался.

— Хорошо, я скажу Пабло, чтобы он был готов. Вы увидите необыкновенное зрелище. Если только вы не боитесь самого вида змей.

— Я собирался вас спросить, отец, — прервал лаборант, изображая на лице комическое выражение ужаса, — можно ли смотреть на это издали? Даже заключенные в банки и спирт, эти противные животные вызывают у меня дрожь.

С четырех часов все были в назначенном месте, у подножья скалы, возле сложенных индейцами хижин из листьев. На очагах медленно жарились подвешенные на прутьях огромные рыбы. Две женщины сушили на углях свежие корни. Растянувшись на спинах, не замечая неудобства каменного ложа, мужчины мирно раскуривали свои маленькие длинные трубки. Сидя на корточках рядом с Пабло, с ребенком, привязанным к шее, молодая мать проделывала любопытную работу. Растрепав кончик сучка наподобие кисточки, она обмакивала его в красную глину, распушенную на устричной раковине, и чертила ею на лбу индейца изломанные линии; затем нарисовала по треугольнику на каждой щеке и обвела кружком подбородок. На кистях и руках она нарисовала браслеты такими же изломанными линиями. Точно так же изукрасила она бедра. Вся эта работа составляла заклинателя совершенно бесстрастным.

— Он вполне убежден в том, — сказал миссионер, — что эти рисунки действуют на змей. Его отец, его дед и все его предки, передававшие друг другу тайну заклинания змей, татуировали себя теми же знаками, которые тоже составляют часть наследства. Он один из всего племени умеет обращаться со змеями.

Выпрямившись, дикарь на мгновение сбросил свою бесстрастную маску и его лицо осветилось тихим смехом, обнажившим зубы и десны. В правой руке он держал пучок длинных красных перьев из хвоста ара. Медленным танцующим шагом он направился в лес.

Пройдя за опушку леса он концами перьев начертил на земле изломанные линии и круги, потом уселся на корточки и застыл.

— Если бы мы подошли поближе, — прошептал миссионер, — мы услышали бы певучее ворчание, которое он извлекает откуда-то из глотки без участия губ. А посмотрите — справа, позади пучка травы.

— Да, черная змея, а вот другая.

Индеец тихо помахивал пером, чертя круги в воздухе. Его грудь и голова ритмично покачивались. Алинь прошептала, что она слышит его напев. С вершины скалы, на которую они взобрались, Жюльен насчитал восемь пресмыкающихся.

— Это еще ничего, — сказал священник, — надо им дать время собраться. Вы замечаете, как напряжены его черты и как по лбу катится пот? Он сейчас схватит змей руками. Позвольте, что он делает?

Индеец вдруг вскочил на ноги, и змеи скрылись в траве. Откуда-то взялись два человека с диким видом, с блуждающими глазами, с ножами за поясом, с ружьями в руках. Они не сразу подошли к лужайке. Наконец тот, который был выше ростом, подошел к группе.

— Мы потерпели крушение, — сказал он прерывающимся голосом, — и подышаем от голода и жажды.

— Милости просим к нам, — сказал Зоммервиль и позвал Ляромье, державшегося в отдалении. — Займись ими и дай им все, что нужно.

— Вы очень добры, — поблагодарил человек, к которому присоединился его товарищ. — Мы отправились из Карупано...

Он начал рассказывать про крушение. Ляромье, не спускавший с них глаз со времени их появления, постарался очутиться позади этих двух пришельцев. Он вдруг пригнулся и

обеими руками схватился за ружья, касавшиеся прикладами земли. Рассказчик схватился за нож, повернулся, но отступил под диким взглядом Ляромье.

— Крушение, да? — проревел Ляромье.

— А что же?

— Каторжники!

— Да нет же, черт возьми!

— Каторжники, и ты и он! Отдайте вот это!

Властным движением он отобрал у них кинжалы; в эту минуту прибежала запыхавшаяся мадам Маренго. Она яростно потрясала кулаками.

— А, вот они, каналы! Можно ли так обижать людей?

В то время, как она собирала маис на плантации Жозе-Марии, эти люди, высадившись из своей пироги, напали на старого негра и стащили у него всю провизию. Дик, защищая своего хозяина, яростно бросался на них.

— С голоду ведь... — сказал, опустив голову, молодой.

Другой протестовал с тем же покорным видом, заговорив на правильном французском языке:

— Мы вовсе не хотели причинить ему зла. Правильно, мы с каторги, но мы невинно осужденные и теперь хотели бы одного: честно заработать себе на хлеб.

— Позволь, дочь моя, расскажи нам подробности, подробности! Значит, Дик яростно бросился на них? Ты в этом уверена? Ты это сама видела? Алинь, Мутэ, вы слышите? Вы понимаете, что это значит? Яростно бросился на них!

Шарль весело подозвал отца Тулузэ:

— Видите, дорогой аббат, вот они, чудеса науки! Эта старая дряхлая собака до моего лечения способна была только вяло передвигать ноги, а сейчас она снова сделалась молодой и задорной! Она способна кусаться! А, славное животное! Она бросилась на них! Славный пес!

Глава VII

В пасти акулы

Прошла целая неделя со времени приезда отца Тулузэ, и он снова готовился уехать. Оба каторжника, помещенные в одной из башен, платили за гостеприимство тем, что расчищали тропинку, по которой подымались к замку. Большим событием этой недели было прибытие химических материалов из Нью-Йорка, и новая лаборатория уже была почти устроена. Жюльен в это утро был занят анализом крови двух обезьян, оперированных накануне.

— Мне иногда кажется, что я достиг несомненного успеха, — утверждал Шарль Зоммервиль, стоя с Алинь у одной из больших клеток. — В общем, если столько несчастных случаев произошло в течение моих первых опытов, то в этом виновата не сама операция. Вы могли уже убедиться, что она совершенно безобидна.

— Она не задевает никакой жизненно важной части тела и заканчивается в такое короткое время.

— Я должен сознаться, что это совершенно новое достижение. Раньше мне недоставало точности и смелости.

— Ведь даже трудно допустить, — сказала молодая девушка, склоняясь над клеткой, — что эти обезьяны вчера подверглись операции.

— Не правда ли, — сказал Зоммервиль, вытирая пот с лица, — какая невероятная жара? Ведь всего только восемь часов утра.

— Я собиралась вас спросить, почему сегодня так тяжело дышать?

Они раскрыли все пять окон, выходящих на восток, откуда виден был весь океан за пределами кораллового кольца. Шарль Зоммервиль заметил, что море имеет совершенно необыкновенный вид. Оно едва колебалось и было усеяно правильными белыми точками, располагавшимися в бесконечные ряды вплоть до самого горизонта. Небо из голубого превратилось в желтое. Стаи морских птиц улетали на

запад.

— Странно, — пробормотал ученый, рассматривавший море в бинокль. — Как зловеще... Взгляните на этот бледно-желтый цвет, приобретающий медный оттенок... И как тяжело дышать!

— Действительно, можно задохнуться. Спустимся вниз. Может быть, там прохладнее.

Они прошли через восточную террасу и, перегнувшись через перила, с удивлением заметили, что волны лижут подножье скалы, несмотря на то, что час прилива давно прошел. Белые точки на море стали более частыми и заметными. Их густые ряды протянулись в образцовом порядке. Можно было подумать, что это симметричные петли бесконечного невода, растянутого по поверхности спокойно-го моря. Казалось, двигались одни эти петли. Стаи птиц — пеликаны, бакланы, фрегаты — молча летели тяжелым усталым полетом.

Гильермо Мюр появился на террасе, разыскивая Ляромье, чтобы поместить в надежное место моторную лодку. Он кратко предупредил:

— Готовится буря!

Белые точки теперь определились. Каждая из них изображала пирамидальную вершину холма, только что родившегося из зыби и превратившегося в волну, высота и объем которой росли с минуты на минуту. Первые ряды этой орды погибали, разбиваясь о коралловое кольцо. Шедший за ними ряд возобновлял атаку с новой яростью. Скалы выдерживали бешеную осаду. Превратившись в горы, волны неистово разбивались о препятствия, сменяясь еще более высокими и яростными волнами, перекатывавшимися через преграды рифов и подступавшими уже к подножью скалы. Под мрачным небом без крика сновали пеликаны. Море ревело. В воздухе ни малейшего движения.

— Я подавлена, — прошептала молодая девушка. — Эти великие силы природы.. Человек ничто перед стихией.

— Возможно, что в тысяче миль отсюда произошло извержение подводного вулкана. Океан вышел из равновесия.

Все еще продолжая расти в высоту и в ширь, водяные горы принялись со всего размаха нападать на скалу. Они с ужасным шумом разбивались о ее подножье и слышно было, как грохочут вырванные из дна рифы. Столбы пенистой воды достигали площадки замка и стены его дрожали, как от ударов тарана, под градом осколков скал, вырванных морем из их ложа.

— Ужасно! — воскликнула Алинь.

— Вам страшно?

— Сама не знаю... Я думаю о несчастных морях... О, какая волна!

Потребность в защите заставила ее придвинуться к ученому, который удержал ее руку в своей.

— Как охотно философствуешь перед такой грандиозной картиной... Только те, кто находит убежище в ненарушимой и разделенной любви, могут не обращать внимания на бури... Такого убежища, увы, недостает мне!..

— Посмотрите, какая гора поднимается! Она поглотит все!

— Она разобьется, как все другие.

— Страшно!

Он обнял ее за талию и притянул к себе, забавляясь ее волнением.

— Успокойтесь, для нас это только зрелище.

Чувствуя ее возле себя, он уже не отталкивал больше тех видений, которые так часто заполняли его бессонные часы. Он украдкой изучал ее, в то время как она не отрывалась глазами от волн:

«Неужели мой безумный сон осуществим?... — думал он. — Неужели ее умственный энтузиазм может преобразиться в любовь?..»

При каждом ударе, сотрясавшем скалу, она вздрагивала и отдавалась объятию, тогда как он искал успокоения в дьявольском грохоте канонады. Наступил момент, когда его охватило какое-то оцепенение; она, в свою очередь, замечталась о том убежище, которое создается слиянием двух сердец, растворившихся в единой воле... Созерцая трагическую битву, они, сами того не зная, играли друг для друга роль

символов. Она — символ Женщины и Любви, он — Мужчины и той покровительственной силы, к которой инстинктивно взывала слабость женщины...

На террасе появились миссионер, Жюльен и Огюст с обеими негритянками. Все испытывали такую же потребность близости друг к другу и, обмениваясь впечатлениями, чувствовали себя менее одинокими перед лицом катастрофы. Между тем, ярость волн уже ослабевала и лазурь неба прорывалась сквозь желтые тучи. Сильно подул восточный ветер и обезглавил высокие волны, бросившиеся в последний раз на преграду рифов.

Вдруг Огюст, указывая на горизонт, закричал:

— Корабль!

Зоммервиль, вооружившись биноклем, подтвердил:

— Это шхуна... Она покинута. Мачта сломана.

— Брошенная шхуна? — спросил Тулузэ. — Подождите, мне кажется, я вижу, да-да, вижу, там кто-то есть!

Шхуна быстро приближалась под напором волн. У всех сердце сжалось от волнения. Через несколько секунд корабль разобьется о кольцо рифов.

— О, — воскликнул священник, тоже вооруженный биноклем, — трудно что-нибудь сказать, но я вижу на борту парня, которого ничто не испугает.

Алинь тоже разглядела человека с багром в руках. Как бы готовый к прыжку, он не спускал спокойного взгляда с подводных камней.

— Еще три минуты... Самое большее четыре... — считал ученый.

Наступили тревожные мгновения. Теперь даже невооруженным глазом видны были подробности. Люди на борту уцепились, за что только могли. Один только человек с багром, казалось, не робел перед стихией. Он был высок ростом и, должно быть, молод. Ветер трепал темные пряди его волос. Его безбородое лицо дышало дикой энергией. Вместо всякой одежды на нем были рубаша и панталоны.

— Только чудо может их спасти! — прошептал чей-то голос.

— Приготовимся помочь им!..

- Спустимся вниз!...
- Смотрите, они гибнут!

Поднятая волной шхуна неслась на камни... Но удар багра внезапно отклонил ее в сторону, и она проскользнула между двумя рифами, за которыми море казалось уже успокоенным.

- Чудо! — воскликнул кто-то.
- Спасены.

Тревога рассеялась... Внезапно шхуна остановилась. Наткнувшись на невидимую скалу, она накренилась, вздрогнула, накренилась еще больше и стала тонуть...

С подножья скалы, где собрались все обитатели замка, видны были обломки, несомые волной. Возле них горсточка людей — не видно было ни голов, ни рук — ухватившихся за выступ рифа. Возможно, они повернулись лицом к острову, их уста вызывают на помощь, но крики заглушаются грохотом волн.

— Неужели мы им дадим погибнуть на наших глазах? Неужели ничего нельзя сделать?

— Увы, ничего, Алинь... Пирогу индейцев разобьет в щепки.

— Посмотрите на эту волну! Чудовищная волна, она поглощает их...

Водяная гора бешено ударилась о камни и рассыпалась брызгами. Не разжались ли уже судорожные пальцы? Под пенистой массой не видно людей. Не удержались, должно быть...

Алинь ломала руки. Негритянки испускали пронзительные крики. Мужчины не отрывали глаз от людей, погибающих под волнами. Вдруг кто-то закричал:

- Кто-то плывет! А вот другой!
- Я вижу троих-четверых.

Из-под воды появились руки, головы. Какая яростная борьба со смертью, какое горячее желание жить! Приблизят ли их к берегу отчаянные усилия или отступающая волна отрежет их от спасения?.. Невозможно судить на таком расстоянии.

— Мне кажется, там женщина, — прошептал Зоммервилль, глядевший в бинокль.

Он повторил с возрастающим волнением:

— Да, молодая женщина... белокурая... Ее держит мужчина...

Послышавшийся позади них ужасный крик заставил их вздрогнуть. Все повернулись к Огюсту, который с верхушки скалы указывал рукой на какую-то точку:

— Акулы!

— Акулы?

Проницательный взор мулата разглядел блестящие на солнце серовато-стальные треугольники, державшиеся на поверхности волн: это были спинные плавники акул-людоедов. Акулы издали почуяли добычу и искали ее. Стоя на скале, Огюст испускал крики, жестикулировал, махал платком, ревел благим матом... Привлечет ли он внимание несчастных? Даст ли он им понять, что им грозит еще более ужасная смерть?.. Может быть, они успеют тогда укрыться на скале?..

— Кажется, они заметили сигналы... — сказал профессор, направляя бинокль. — Тот, кто держит женщину, обернулся... Да... Они увидели акул. Какой ужас!... Смогут ли они спастись?... Я вижу плавники... Три... Четыре... Пять... Смотрите, Алинь!... Смотрите!...

Он передал бинокль девушке... Она подавила крик ужаса, вызванный подъемом волны. С волной вместе всплыло тело молодого человека с черными волосами и белокурая голова женщины. Подымается и опускается рука, яростно рассекая волну... Дальше, на расстоянии, два утопленника, сталкиваемые и швыряемые волной. Она опустила бинокль, закрыла глаза.

— Ах, опять акула...

Вдали, позади самого далекого пловца, ближайший из треугольников внезапно ложится плашмя; на поверхности воды появляется удлиненное белое пятно. Чудовищная рыба приготовилась к атаке. Ужасная пасть раскрылась под пеной черной дырой. Две руки зовут на помощь. Все исчезает под волной, — и через мгновение ужасная сцена повторяет-

ся снова еще ближе к парализованным свидетелям: наклоняющийся треугольник, — появляющаяся на поверхности чудовищная голова — судорожный взмах рук — водоворот кипящей пены... Прожорливое море порозовело от крови обеих жертв...

Рассекая воду широким методическим и яростным движением, оставшийся в живых несколько раз бросил назад быстрый взгляд. Успеет ли он достигнуть скалы, которую наметил? Белокурая ноша замедляет его движения. Хочет-ся крикнуть ему о тщетности его безумной попытки. Если он выпустит золотые косы, намотанные на его левую руку, он уклонится от акулы, которая несется прямо на него. Смертельная тоска вырывает крики из судорожно сжатого горла: они погибли! — чудовище нагонит их через мгновение!

Он это хорошо знает, он вытаскивает из-за пояса морской нож и, бросив быстрый взгляд назад, на плавник, который режет волну в двадцати метрах от него, — он внезапно ныряет...

— Что он хочет сделать?

— Перехитрить акулу.

— Ударить ее кинжалом, как делают индейцы...

Проходит минута ужасного ожидания. Вдруг обе головы неожиданно появляются возле скалы, там, где их вовсе не искали глаза. Обнаженными руками, по которым течет зигзагами кровь, человек подымает женщину и толкает ее на скалу, на которую влезает и сам. Ветки кораллов разорвали их одежду.

— Какая отвaga!

— Герой!

— Вы видите там акулу? Ее плавник описывает круг.

Утвердившись на своих полуголых ногах, молодой моряк вытянулся, набрал в грудь воздуха, размял члены и, не выпуская из виду ужасный треугольник, который кружился на поверхности воды в поисках ускользнувшей добычи, взявшись за нож, послал рукой привет тем, кто был свидетелем его торжества над смертью. Волна бушует, женщина скользит, — несется по поверхности — погружается...

— О, на этот раз он ее оставит!...

Он дал время акуле подойти ближе. Потом нырнул с ножом в зубы... Ужас захватывает дух. Все взгляды направлены на водоворот, в котором кружится пловец и серо-стальной плавник, бурящий волну. Наконец, возле ближайшей скалы, под взмахом голубоватой пены вынырнули сначала черная голова, потом белокурая. Человек напрягает последние силы, таща за собой свою ношу. Когти кораллов оставили на них одни лохмотья.

— Мужайтесь, мужайтесь! — раздаются голоса, стараясь перекрыть шум волн.

Он отвечает усталым движением.

Он повернул голову в направлении акулы и веселым жестом показал, что чудовище обратилось в бегство... Но волна ударила им в спину. В одну секунду смела их со скалы... Они wypлывают еще ближе к берегу, и на этот раз кораллы оставили себе даже лохмотья. Стоя на скале, обвитой водорослями, в трагической раме гневного моря, он держал на руках окровавленное, безжизненное тело. Высоко закинув голову, он, улыбаясь, гордо поднял к небу свою розово-белокурую ношу, которую собирались у него похитить море и его чудовища. Надменно попирая ярость волн, с неведомой женщиной на руках, он был так мужественен, она так грациозно-женственна, что глаз не мог оторваться от их наготы...

Укрепив на плече свою ношу, то переплывая, то обходя рифы, он приблизился к скале и вот, наконец, схватился за конец веревки, которую ему бросали много раз. Наконец он на земле, оглушенный приветствиями. Он спотыкается. Все руки протягиваются, чтоб поддержать его. Он благодарит одним словом, и это слово — французское. Пытается улыбнуться, но силы истощились. Хриплый звук вылетает из груди. Вот он покачнулся, готовый выпустить свою ношу, которую Жюльен вместе с мулатом подхватывают и тихонько кладут на землю. Взмолнованный Шарль Зоммервиль протягивает руку потерпевшему.

— Какое мужество! Я никогда не видел такой трагической картины!

— Позвольте мне вас обнять, друг мой! — воскликнул миссионер. — Мы переживали вместе с вами всю эту борьбу со смертью.

Поборов свою нерешительность, Алинь подошла, и ее энтузиазм выразился в пылких словах:

— Какое в вас было величие! Вы герой! Какая безумная преданность! Вырвать женщину из рук такой ужасной смерти. Как это красиво!

— Ваша жена, — заявил ученый, — может гордиться вами!

Молодой человек изумленно взглянул на них. Он сбросил с себя усталость, тихонько отстранил миссионера, готового поддержать его, и, вытирая рукой струйку крови на гладком лице, спросил:

— Моя жена? Моя жена?

— Как! — произнесла Алинь в изумлении.

— Как! — повторил Зоммервиль. — Эта особа?.. Молодая женщина...

— Я даже не знаю ее имени, — сказал моряк, пытаясь улыбнуться. — Это богатая дамочка. Да, как видно, богатая. Она по-царски заплатила за проезд на моей шхуне. Я посадил ее сегодня утром, чтобы довести до... Простите!

Бледный, но все еще сохраняющий самообладание, он не переставал улыбаться, но ноги подкосились, и он упал бы, не поддержи его священник и ученый.

— Обморок, — сказал отец Тулузэ. — Серьезных ран нет, только поверхностные царапины. Он скоро придет в себя.

— Состояние молодой женщины гораздо серьезнее. У нее, несомненно, асфиксия. Надо о ней позаботиться.

Все они направились к женщине, оставив Алинь возле недвижимого тела моряка. Она опустилась на колени и, быстро собрав песок горкой, приподняла его голову, устроила ее повыше, потом спустилась к морю, желая намочить платок в воде.

«Богатая дамочка» — эти слова все еще раздавались в ее ушах, и она возмутилась от какой-то мысли, способной пересилить ее волнение. «Для героя он выражается несколько вульгарно...»

Снова опустившись на колени, она обмыла кровь со лба

и тела молодого капитана.

— Бедняга... Но, кажется, ему лучше.

Надоедливая фраза начинала ее преследовать. «Кажется, богатая дамочка». Какая нелепость! Чтобы отогнать ее, она принуждала себя вызывать в воображении картину трагического сражения: разнузданную стихию, акул, пожирающих на ее глазах людей, героя, так самоотверженно спасающего спутницу.

Он даже не знает ее имени! Собственный педантизм возмутил ее. Неужели грубый язык моряка может бросить тень на красоту его подвига? Что за мелочность!

Подымаясь с берега и выжимая платок, который она снова намочила, она внимательнее остановилась на бледном лице, начинавшем оживать. Черные волосы обрамляли широкий лоб и тонкие правильные черты. Под золотистым заггаром лицо его напоминало античную статую. Под белой кожей виднелись мускулы атлета... Она странным образом теряла свою волю. Растерянная, она оперлась о скалу, видя на лице моряка возвращающуюся жизнь...

Глава VIII

Симптомы и прелюдии

Несмотря на утомление, вызванное двухдневным уходом за потерпевшими, Алинь проснулась вполне бодрая и в хорошем расположении духа. С утра до вечера она бегала из одной комнаты в другую, распределяя лекарства и хинин, записывая температуру под руководством аббата, который обладал солидными знаниями в медицине. Еще этой ночью, прежде чем уйти к себе, она перевязала раны моряка. Они воспалились, но миссионер не выразил никакого беспокойства: каждая царапина, причиненная живыми кораллами, представляющими собой колонии организмов, сопровождается воспалением.

— Два-три дня отдыха, и наши больные встанут на ноги, но пройдут недели и даже месяцы, прежде чем раны моряка вполне зарубцуются...

Слова аббата звучали еще в ее ушах, и она не старалась разобраться, радует ее или печалит перспектива ухаживать за раненым еще несколько недель. Конечно, она не могла не сознаться себе в том, что сочла его симпатичным. Мужество и самоотверженность окружали его ореолом, который внушал ей уважение и восторг. Но она находила множество причин для того, чтобы эта симпатия не превратилась в дружбу.

«Он славный малый», — заключила она, принимая обычный душ.

В промежутках между приступами лихорадки она собирала некоторые краткие сведения о его жизни и планах. Рожденный на диком берегу Морбигана, там, где океан — великая ненависть и великая любовь, — Жан Лармор после пятилетней службы в военном флоте и получения офицерского чина уступает желанию броситься головой в приключения, уезжает в Венесуэлу, зарабатывает несколько тысяч франков в компании экспорта кофе, делается незави-

симым, покупает шхуну и плавает вдоль венесуэльского берега у Малых Антильских островов.

В тридцать два года он уже, казалось, был на пути к богатству, и вдруг эта катастрофа. Несмотря на свой опыт, он попадает во власть стихии, справиться с которой не дано человеку. Все его богатство погибло. Плоды пятилетнего труда и борьбы с опасностью.

— Пустяки, начну сначала, — говорил он, — я молод и силен.

Будучи связан с туземными индейцами, он знал о существовании золотоносных песков и собирался отправиться на их поиски, как только встанет на ноги, готовый на борьбу с хищными зверями и дикими племенами, населяющими страну.

— Девушке, которую я люблю, я принесу богатство и счастье.

Она улыбалась, вспоминая слова моряка, и думала:

«Она, эта девушка, конечно, будет из Бретани. Будет сильна и красива... Иначе он не полюбит».

Она задержалась перед зеркалом в поисках ноной прически, которую старалась сложить из своих красивых каштановых волос, обычно так строго зачесанных. Она проделала несколько опытов, то спуская, то подымая косы, натянула несколько пышных прядей на виски и уши, освободила затылок и улыбнулась своему изображению, заметно похорошевшему от этих наивных уловок. В это время мадам Маренго принесла черный кофе и бисквиты. Она поторопилась зачесать волосы по-старому, стараясь не глядеть на негритянку и как будто боясь, что та уличит ее в кокетстве.

«Я себя не узнаю, — подумала она. — Неужели я сделалась такой легкомысленной? Что за ребячество!»

Недовольная собой, она решила, что моряк занимает слишком много места в ее мыслях. Разве может женщина, подобно ей отдавшаяся науке, интересоваться человеком, имеющим в своем активе одну только физическую красоту и отвагу? Их судьбы разделены пропастью, созданной образованием и воспитанием.

В эту минуту, по настоянию моряка, миссионер служил обедню в его комнате и давал ему причастие. К ней вернулись спокойствие и уверенность. Атеизм будет всегда стоять стеною между ней и набожным бретонцем.

Жюльен Мутэ, допивавший кофе на террасе, поднялся навстречу Зоммервиллю.

— Ничего нового сегодня? — спросил ученый, усаживаясь за стол, за которым прислуживал Огюст.

— Ничего, профессор, — извинился лаборант. — Я только сегодня сумею начать мой анализ. Волнение этих последних двух дней...

— Дорогой Мутэ, я совершенно не имел в виду наши опыты, — весело прервал Зоммервиль, обмакивая бисквит в чашке с кофе. — Должен сознаться, что я даже об этом не думал.

— Я надеюсь, что первый анализ — кровь обеих обезьян — будет закончен после полудня.

— Великолечно... Вы еще не видели мадемуазель Алинь? Она, конечно, вам сообщила, как здоровье молодой женщины?

— Нет, право, я ее не видел. Что касается моего анализа, я был бы очень рад, если бы вы мне точно...

— Все, что хотите, дорогой Мутэ. Ужасно досадно, что у нас еще нет никаких известий о больных. Я надеюсь, что эта крошка хорошо провела ночь. Вам уже известно, что ее зовут мисс Элен и что она из Калифорнии?

— Вот это интересно. Гильермо Мюр вчера говорил, что она испанка, а Алинь слышала от нее, что она из французской Канады.

Ученый погрозил Жюльену пальцем.

— Мутэ, вы слишком интересуетесь потерпевшей. Надо понаблюдать за вами.

Он сделал знак мулату, прося наполнить чашку, выпил глоток и заметил тоном, которому старался придать как можно больше равнодушия:

— Кажется, она жила у своего дяди, богатого плантатора в Венесуэле, которого убили какие-то бандиты. Ей удалось убежать с приличной суммой денег и на шхуне этого храброго молодца она собиралась отправиться на остров Тринидад. Верите вы в эту историю, Мутэ?

— Гм... гм... Если молодая женщина рассказывает вам историю, в которой есть дядя, то это требует расследования,

— Я такого же мнения. Во всяком случае, она не совсем банальна. Она говорит по-французски, по-английски и по-испански, как если бы каждый из этих языков был ее родным.

— Таинственная женщина!

— Таково и мое впечатление. У этой крошки должны быть тайны,

— О, — заметил Жюльен, прищурив глаза, — она уже нам открыла некоторые из них и достаточно приятные.

— Мутэ, я, к сожалению, должен констатировать, что вы озорник!

Увидев спускающуюся вниз мадам Маренго, они затихли. Ученый подозвал негритянку. Она только что вышла из комнаты мисс Элен, которая чувствовала себя настолько здоровой, что выразила желание выйти на террасу и очень рассердилась, когда узнала, что на этом острове нет щипцов для завивки волос.

— Катастрофа, которая превосходит крушение! — заметил Жюльен.

— Может быть, Алинь поможет как-нибудь, — вставил Зоммервиль. — Пусть хорошенько поищет на дне своих сундуков.

— Завиваться!.. Она, такой враг кокетства! Скорее уж можно обратиться к дикаркам отца Тулузэ.

Негритянка, смеясь, рассказала, в каком виде появилась перед ними новая гостья. Белье, предложенное ей мадемуазель Алинь, падало с плеч, потому что было вдвое больше ее, а вопрос о платье был совершенно неразрешим.

— Видите, Мутэ, какие мы ослы! — воскликнул ученый. — Могли ли мы предвидеть, сколько осложнений внесет в

нашу жизнь крохотная женщина, свалившаяся к нам неизвестно откуда!

— Не послать ли Гильермо в ближайший порт за бельем...

— ...и щипцами для волос. Я вижу, Мутэ, вы увлекаетесь!.. Так нет же. Я пальцем о палец не ударю для того, чтобы задержать здесь эту молодую особу. Ее продолжительное присутствие среди нас может только повредить нашей работе. Впрочем, я спокоен. Как только она поправится, она сама с нами распрощается.

— Женщины из всего умеют выпутываться, — заявил Жюльен Мутэ.

Несколько часов спустя события показали, что он был прав. Готовясь сесть за стол, Зоммервиль обсуждал с Алинь и Жюльеном опыт, занявший все утро, когда вдруг окно на втором этаже с шумом распахнулось. Появилась мальчишеская головка, обрамленная искусно завитыми белокурыми волосами, и смеющийся голос прокричал:

— Ку-ку, вот и я!

После минутного оцепенения раздался всеобщий хохот. Даже аббат держался за бока, все еще твердя, что больная совершила большую неосторожность. Зоммервиль, сделав самое серьезное лицо, подошел к окну, готовый сделать замечание, но его прервал дерзкий голос:

— Прежде всего, у меня нет никакой лихорадки, и я не желаю сохнуть в четырех стенах!

Красивое розовое личико высунулось еще больше, улыбка обнажила мелкие жемчужные зубки.

— Вы были бы очень милы, если б мне дали маленькое местечко за столом, чтобы я могла в компании позавтракать, поболтать и посмеяться. Не можете же вы мне в этом отказать, не правда ли?

С помощью стула она влезла на окно и под крики радостного изумления появилась перед зрителями, задрапированная в одно из платьев мадам Маренго. Чтобы приспособить к своей маленькой фигурке широкое платье, она опоясалась цветным фуляром. Рукава свисали до колен, и, если бы не своеобразная красота, она казалась бы карикатурой.

— Прыгнуть? — спросила она, погружая свой насмешливый взгляд в глаза ученого.

— Но ведь это безумие!

Он поймал ее на лету и удержал ее на минутку в объятиях, прежде чем осторожно поставить на землю.

— Вы берете людей силой, мисс Элен.

— Уверяю вас, что я совершенно не похожа на завоевательницу, — возразила она, комически потрясая пустыми рукавами.

— Я не могу сказать, что этот туалет вам к лицу.

— О, ведь сейчас март, месяц карнавала. Предположим, что я на маскараде.

Ее усадили между Алинь и аббатом. Вскоре ее болтовня вытеснила всякий другой разговор. Она как можно выше засучила свои нелепые рукава, которые попадали в соус, и Зоммервиль часто взглядывал на гибкие движения ее красивых рук. На пальцах сверкали четыре дорогих кольца, из которых одно было украшено огромным алмазом. Жюльен, изучавший ее украдкой, спрашивал себя: не представляют ли эти перстни такое же количество приключений? Он никак не мог определить ее возраст, который, однако, скорее приближался к тридцати, чем к двадцати годам, несмотря на ее мальчишеские манеры.

«Она так же умна, как красива, — решил он. — Это женщина рассудка, которая очень хорошо умеет разыгрывать женщину сердца».

От него не ускользнули ее проделки. Иногда, встречая взгляд Зоммервиля и как будто не ища его, она сейчас же со смиренным видом опускала ресницы. Она умела искусно изображать любые чувства. Когда их глаза встречались, она вдруг обрывала банальную фразу и словно с трудом находила потерянную нить разговора, в то время как профессор поглаживал усы, скрывая улыбку.

«Клюет!» — подумал Жюльен, следивший за маневром в качестве любителя.

Она очень ловко перескакивала с одной темы на другую, как только испытывала затруднение поддерживать общий разговор.

Аббат упомянул о своей связи с одним влиятельным лицом в Венесуэле, которое, как он полагал, могло помочь ей войти во владение имуществом ее несчастного дяди. Она пробормотала благодарность, показывая, что воспоминание об этой драме вызывает в ее душе ужасный кошмар.

— ...Мне вернут мое богатство, — прошептала она взволнованным голосом, — но кто вернет мне моего обожаемого дядю?

Присутствующие были тронуты до слез, за исключением Жюльена, который любовался игрой бриллианта, пока мисс Элен вытирала платочком слезы. Шарль Зоммервиль старался утешить ее: разве нет у нее в Калифорнии других родных? И еще она говорила о старой тетке, живущей в Париже. Она может найти у нее приют и вернуться к семейным радостям. Она покачала своей красивой головкой и принялась рассказывать историю о старой тетке, которая ей никогда не простит того, что она последовала за старым дядей в эту невозможную страну; мило опуская ресницы под растроганным взглядом ученого, она выразила горячее желание отдохнуть и побыть в уединении.

— Если бы я не боялась вам надоесть... Мне хотелось бы остаться здесь на несколько недель среди людей, которые ко мне так хорошо относятся и внушают мне такую глубокую симпатию.

С очаровательной миной она взяла за руку Алинь, которая поднялась, собираясь навестить своего больного.

— Мадемуазель, вступитесь за меня, вы имеете такое большое влияние! Я не помещаю вам работать. Я совсем сокращусь! Всего только несколько недель.

«Она очень сильна», — подумал Жюльен.

— Должен вам сознаться, мисс Элен, — произнес мало уверенным голосом ученый, — ваше желание и трогает меня, и смущает. Я никогда не мог предположить... Честное слово, я, напротив, думал, что вы поспешите убежать с этого пустынного острова. Здесь мало развлечений. Когда вы проведете несколько дней на этой скале, где занимаются одними скучными вещами...

— О, я по вашему тону вижу, что вы отклоняете мою просьбу!

— Что вам пришло в голову! Наоборот, я восхищен!

— Если хотите знать мое мнение, — вмешался миссионер, — я думаю, что длительный отдых вдаль от городского шума необходим нашей гостье после ужасных испытаний, пережитых ею.

Зоммервиль забыл даже про часы сиесты. Когда аббат удалился, намереваясь закончить приготовления к отъезду, мисс Элен проявила желание полюбоваться видом с балюстрады, и ученый предложил ей свою руку. Она была ниже его плеча и Жюльен, закулив вторую сигару, проводил их веселым взглядом. Он видел, как она споткнулась о камень и потеряла башмачок к большой радости Зоммервиля, который нагнулся, чтобы надеть туфлю на ее маленькую босую ножку. Расчищавшие угол террасы беглые каторжники подмигивали вслед парочке. Жюльен заметил, что Мюр, Ляромье и даже Огюст под разными предложениями проходили через площадку.

Он усмехнулся в бороду:

— Она всех зажгла.

Ученый вскоре вернулся: выздоравливающая хотела расположиться отдохнуть возле балюстрады. Собираясь отнести туда два стула, он взял сигару и сознался Жюльену:

— Она просто очаровательна!

— И так естественна, так наивна, — сказал лаборант, не моргнув глазом.

Сзади на площадке появилась новая пара: Жан Лармор, весь в белом, с обвязанным лбом, тяжело опирался на руку Алинь и на трость. Она шла рядом с ним, гордясь своим большим и почти равняясь с ним ростом. Они вполголоса о чем-то говорили, смеясь.

— Дорогой Мутэ, — продолжал Зоммервиль, не замечая их, — если со мной когда-нибудь случится несчастье и я из-меню науке ради любви, то ответственность за это будет нести женщина вроде вот этой. Нужно быть из камня, а я, увы, из плоти. Счастливы, дорогой Мутэ, счастливы смертные, не поддающиеся чувству.

Он вдруг заговорил другим тоном:

— А вот и наш герой. Какой приятный сюрприз! Да вы воскресли!

Он подошел к моряку и тепло пожал его руку, потом обратил нерешительный взгляд в сторону молодой девушки. Мысль, что она могла слышать конец его странной исповеди, убивала его. Он скрыл свое смущение шуткой.

— Я говорил с месье Мутэ о его сентиментальных теориях. Мутэ ужасен... Ах, наш больной стоит. Вот качалка протягивает ему руки.

Он сейчас же удалился, унося два стула, в то время как Алинь с помощью Жюльена устраивала Жана Лармора. Кресло покачнулось и больной ухватился за руку девушки.

— Я не привык к этим штукам, — извинился он весело.

Это прикосновение заставило Алинь слегка покраснеть. Жюльен, наблюдавший за ней украдкой, лукаво покачал головой:

— Я вам не нужен, не правда ли? Я забыл свои спички.

Она осталась одна с молодым бретонцем, который, откинувшись на спинку качалки, полузакрыв глаза. Время от времени он бросал короткую фразу.

— Как приятно чувствовать, что ты еще живешь.

— Да, вы вернулись издалека.

— О, это не впервые.

Он бросил благодарный взгляд на свою сестру милосердия и уснул с детской улыбкой на губах.

Глава IX

Покоренные сердца

Аббата Тулузэ, уехавшего всего две недели тому назад, очень удивили бы перемены, происшедшие в жизни маленькой колонии, если б он нечаянно высадился на скалах Пьедрады. Трудолюбивый улей превратился в светский курорт с игрой в теннис, площадку для которого устроили на террасе Ляромье с двумя каторжниками. Фонограф, привезенный Гильермо Мюром из Порт-оф-Спэн, за обедом визгливо исполнял банальную программу кафе-шантанов, а по вечерам играл танцы, и мисс Элен весело обучала Жюльена затейливым движениям современных танцев в присутствии забавляющегося этой картиной ученого.

Моторная лодка в два приема восстановила гардероб пострадавшей, выполнив также все ее заказы по парфюмерной части. В следующий раз должна быть привезена мебель, которая превратит ее комнату в будуар, и Мюр постарается пригласить обойщика.

— Она, кажется, собирается здесь устроиться на всю жизнь, — говорил Жюльен, желая подразнить Алинь.

Та пожимала плечами, не допуская мысли, что это затянется. Она издавна знала капризный характер ученого, знала, что эти капризы мимолетны, как вспышка соломы: завтра он отбросит игрушку и вернется к своей единственной страсти — науке... Но завтра обманывало ее, и каждый протекавший день глубже задевал спокойствие ее души.

Жюльен относился к создавшемуся положению по-философски.

— Наш патрон — замечательное существо. С какой стати противиться отдыху, который он нам устраивает?

И когда она жаловалась на то, что работа заброшена в самом начале, он вышучивал ее.

— Не понимаю, чего вы ноете? Я — другое дело: у меня никаких других развлечений, кроме ужения рыбы и гаван

патрона, а вы — у вас есть возможность флиртовать с нашим героем, с нашим красавцем-капитаном!

— Я даже не стану отрицать, так это нелепо.

— Хе-хе. Я вам предсказывал, что и вы поддадитесь обаянию мужчины!

— Вы с ума сошли! Оттого, что я оказываю услуги Лармору, как больному...

— Позвольте! Не позже, как вчера, за обедом, его рука как бы нечаянно коснулась вашей, потянувшись за бисквитом. При свете фонарей я заметил, как вы вздрогнули и покраснели!

— Какая фантазия!

— Впрочем, надо отдать ему справедливость. Это славный малый. И совсем не такой простой, как я предполагал по его грубой речи. Он говорит мало, но очень хорошо; доказательство того, что он быстро приспособился к среде и что он умен. Неужели наш герой женоненавистник? У него такой холодный вид. Вам должно быть известно, презирает он женщин или их боится?

— Откуда я это могу знать?

— Я наблюдал, каким равнодушным взглядом он отвечает на глазки нашей прекрасной волшебницы, которая, как видно, поклялась покорить здесь всех мужчин. По темпераменту или по профессии, она обладает тайной тех обещающих взглядов, что пробуждают в нас зверя... Все поддаются этому, даже наши беглые каторжники: вчера они подрались из-за того, что она улыбнулась им издали, и каждый из них принял эту улыбку на свой счет. Когда я говорю обо всех, я забываю об одном исключении: о Жане Ларморе. Ага! Ага! Вы взволнованы! Милая льдинка!

— Вы мне надоели!

Она повернулась спиной и вышла из лаборатории, встретив на площадке лестницы Шарля Зоммервиля, который ласково взял ее за руку.

— Ничего нового, Алинь?

— Ничего, — кратко ответила она, высвободив свою руку.

— Куда вы так бежите?

— На перевязку.

— Из-за этого славного Лармора вас теперь не видишь совсем.

Она, не отвечая, бросила на него суровый взгляд. Он поглядел ей вслед, покачал головой, нервно потирая руки, и прошел в лабораторию.

— Ничего нового, Мутэ? — повторил он.

— Ничего особенного, профессор, за исключением того, что мы с Алинь заметили, что Ляромье пренебрегает своими обязанностями. Он еще не кормил сегодня обезьян.

— При его добросовестности — это совершенно непонятно. Скажите вот что, Мутэ: я только что встретил Алинь и у меня осталось впечатление, что она на кого-то очень сердита.

— Да, у нее уже несколько дней плохое настроение.

— Отчего бы это?

— Оттого, что она не умеет философски относиться ко многим вещам.

Ученый, направившийся было к клеткам, вернулся назад. С деланно-веселым взглядом и написанным на лице сильным смущением он остановился перед Жюльеном.

— Вы, конечно, понимаете, что я сказал неправду. Я прекрасно понимаю, что с ней, и принимаю на свой счет упреки, которые читаю в ее глазах. Уединившись на этом острове, я верил, что буду защищен от плотских увлечений. Я должен был удовлетвориться дружбой, которую питаю к Алинь, и теми иллюзиями, что она мне доставила, и мне этого было бы достаточно, если бы судьба не подкинула мне эту женщину. Наконец, будем справедливы: ведь не я же ее искал?

— И зачем только Лармору пришло в голову спасти ее от акул!

— Да, вам легко шутить, потому что это вас не задевает, а я попался, и здорово! О, я не принимаю эту историю всерьез, как Алинь, которая думает, что я пожертвовал наукой ради любви! Это просто каприз. Слабость. И заметьте, что я не обманываюсь. Она играет роль бескорыстной, покинутой девочки, сентиментальной женщины, которая стремится только к единению душ. Да, мой друг, она мне бросает такие слова! Но это мошенница, которая счета не знает

своим приключениям.

— Как она хорошо одета теперь, между тем как тогда вся ее одежда состояла из волос и четырех колец.

— Вы попали в точку! Именно это видение преследует меня. Сознайтесь, что и вас тоже! Но это совсем другое. В пятьдесят лет такие чувства вас тиранят сильнее. Ее глаза сводят меня с ума. Она отняла у меня сон. У меня нет никакого желания работать. Мне стыдно вам в этом признаться.

— Ну что ж, лекарство под рукой.

— Вам легко говорить! Я вижу, вы не отдаете себе отчета в том, в какое я попал безвыходное положение! Она воображает, что я влюблен в Алинь, и знаете, во что она меня вовлекает?

— Она хочет заставить вас жениться?

— Мошенница об этом еще не говорит, но она дает мне понять, что уступит мне только тогда, когда я расстанусь с Алинь.

— Скажите, пожалуйста!

— Вы понимаете, что в этом пункте я не уступлю.

— Разрешите мне посоветовать вам другое средство.

— Я его не вижу.

— Отправьте ее восвояси.

— У меня не хватает воли. Однако, как-нибудь придется выйти из этого положения... Тише, Мутэ.

Он приложил палец к губам. Алинь возвращалась с корзинкой, наполненной плодами. Он похвалил ее нарочито веселым тоном. Хорошо, что она позаботилась о бедных обезьянах. Ляромье уже несколько дней пренебрегает этой обязанностью. Ему на все лады повторяли, что успех опыта зависит от состояния здоровья этих животных, а он заставляет их поститься. Однако, болтовня профессора не находила отклика: Алинь раздавала корм, как бы не замечая его присутствия. Тем не менее, он, подойдя к ней, продолжал:

— Мы должны их поддерживать в возможно лучшем состоянии. Я рассчитываю, что через несколько дней мы вернемся к нашим работам.

Она закрыла клетку и бросила на него негодующий взгляд, который он не в силах был выдержать.

— Я думаю, — сказала она дрожащим от волнения голосом, — что лучше выпустить этих животных на свободу.

— Что вы этим хотите сказать, дорогая Алинь? Вы что-то такое вообразили? Итак, вы предполагаете?

Она с горечью проговорила:

— Вы разбили мой идеал. Моя вера в науку колеблется. Вера в вас уже исчезла.

— Вы жестоки, Алинь, — мягко запротестовал он.

— Я до сих пор думала, что наука может наполнить жизнь. Я ужасно ошиблась.

Он напряженно улыбнулся,

— Позвольте, это неразумно. За такую мимолетную слабость, обычную для всех мужчин...

— А, мимолетную.

— Я вас слишком люблю. Вы мне внушаете слишком глубокое уважение, чтоб я говорил об этих вещах в вашем присутствии. Поверьте мне, я эту женщину несколько не уважаю.

Она взволнованно возразила:

— Тогда зачем же вы даете ей посягать на ваш гений? Каким образом женщина, недостойная вас, может вас сокрушить с пути, который обещал вам такую известность!

— Но я вам повторяю, что вы приписываете ей больше влияния, чем она имеет в действительности! Я сумею взять себя в руки, когда захочу. Ученые и невежды в смысле инстинкта — одинаковы.

— Но ведь существует дисциплина духа!

— Да, я согласен, дорогая Алинь, и это даже единственное преимущество человеческого рода. Я хотел бы обладать им в высшей степени. Вы чувствуете, я сознаю свои слабости. Я очень огорчен. Будьте ко мне снисходительны!

Она поглядела на него глазами, в которых стояли слезы.

— Будьте сильнее, профессор! — умоляла она в порыве волнения. — Подумайте, куда ведет вас эта женщина. Страхните этот гипноз!

— Я постараюсь! Обещаю вам. Я понимаю, что она опасна и что надо избегать ее. Спросите у Мутэ, искренне ли я

это говорю.

— Это так и есть, — подтвердил молодой человек, с удовольствием прерывая тяготившую его сцену. — Я уверен, что если бы вы могли освободиться от этого наваждения хотя бы на несколько дней...

— Ладно! Кончено! — энергично сказал Зоммервиль. — Я вам объявляю, что перестаю быть под башмаком у этого создания, что я уезжаю завтра утром, а через неделю возвращаюсь исцеленным. Я знаю, что эта женщина — искательница приключений, и, зная это, я все-таки не находил в себе мужества порвать и поставить ее на свое место. И подумать только, что мой сын может приехать не сегодня-завтра! Нечего сказать, хорошо? Неужели я никогда не сумею состариться? Выставлять напоказ перед сыном свой блуд!.. Ах, нет! Нет!..

Он шагал по лаборатории, заложив руки за спину. Остановившись, он ударил кулаком по столу так, что стекло задребезжало.

— Я вам говорю, что уеду завтра утром! Завтра утром! — ревел он.

Алинь, сияя, схватила его за руку.

— Я знала, что наука восторжествует!

И Жюльен в энтузиазме, заставившем его забыть обычно соблюдаемое им расстояние, схватил другую руку профессора.

— Смею ли я...

— Спасибо, спасибо, — повторял ученый, отвечая им пожатием.

Он настолько овладел собой после этой резкой вспышки, что сейчас же занялся приготовлениями к отъезду. Гильермо Мюр должен был приготовить моторную лодку до темноты. Огюсту было сказано принести чемоданы и положить туда все, что нужно на время недельного отсутствия. Где проведет он свой курс лечения? Вероятнее всего, в Порт-оф-Спэн; это красивый город с красивыми тенистыми улицами и парками. Возможно, что он поедет внутрь острова осмотреть знаменитые залежи асфальта.

— Я буду вам присылать радиogramмы, милая Алинь, — пообещал он. — Я буду вас держать в курсе. Самое важное то, дорогие друзья, чтобы я приехал исцеленным и чтобы мы сразу могли взяться за работу. Как хорошо, как увлекательно сражаться с природой и вырывать у нее тайны. О, мы их вырвем! Будьте уверены!

— Мы уже на пути к этому, профессор! — воскликнул Жюльен Мутэ.

— Я надеюсь!

— А я в этом абсолютно убеждена! — с силой сказала Алинь. — Теперь, когда вы снова такой же, как прежде, нет таких препятствий, которых мы не могли бы одолеть!

Он посоветовал им держать втайне его отъезд. Вдруг с террасы раздался пронзительный крик и вопли. Они бросились к окну и увидели странную сцену. Жан Лармор стоял возле качалки; несколько дальше, около тропинки, перегнувшись через перила и не отрывая глаз от какого-то зрелища, стояла Элен. Мюр, Ляромье, Маренго и негритянки бегали и кричали:

— Они зарежут друг друга!

— Ах, какие звери!

— Помешайте им! Что за дикари!..

Когда Зоммервиль, Жюльен и бежавшая за ними Алинь достигли тропинки, драма уже подходила к концу. Окровавленные каторжники валялись на земле, и один из них, более молодой, хрипел; глубокая рана зияла на его лбу.

— Я совершенно не знаю, как это произошло, — сказал Жан Лармор. — Десять минут тому назад они мирно работали бок о бок. Мадам (он указал на Элен, которая ответила улыбкой) вышла и облокотилась на перила, а я растянулся в качалке. Несколько минут спустя разразился спор, и дуэль эта произошла на глазах у мадам.

— Да, — подтвердила Элен, стряхивая пепел с папиросы, — не думая ничего плохого, я поздоровалась с ними...

— Ну конечно, — проворчал Жюльен.

— И тогда, не знаю почему, они стали бить друг друга лопатами.

Закуривая новую папиросу, она добавила:

— Я, право, еще до сих пор взволнована.

Склонившись над умирающим, Зоммервиль прошептал:

— С этим покончено... Другой просто без сознания. Что вы скажете, капитан?

Жан Лармор, с минуту изучавший лицо раненого, сказал:

— Странно, чем больше я смотрю, тем больше я узнаю эти черты. Да-да, начинаю вспоминать... Я встретил этого человека среди индейцев на Ориноко... Беглый каторжник, занимавшийся убийствами и грабежом. «Браво»... Он был известен под этим именем. Кстати, я могу это проверить. На левой руке у него должен быть шрам... Да, так и есть... Теперь я понимаю, почему он отворачивал голову, заведя меня. Я стрелял в него однажды, защищая честь одной молодой дикарки. Этого негодяя не надо было оставлять в живых.

— Неприятнее всего то, — сказал Шарль Зоммервиль, обменявшись взглядом с Алинь, — что мой договор обязывает меня извещать правительство Венесуэлы о любом преступлении, совершенном на острове. Мюр, приготовьте сегодня вечером лодку. Мы поедем на рассвете в Капурано...

Под золотыми стрелами утра Алинь внезапно проснулась. Тело и душа ее были погружены в какое-то блаженство. Мысли ее обретали форму, и она облокотилась на подушку, улыбаясь будущему, расписанному красками зари. Наука давала ей победу над инстинктом. Ее учитель поборол в себе припадок слабости. Но, как назло, благородные черты молодого моряка выступали на первом плане всех ее видений, и, стремясь отделаться от этого наваждения, она соскочила с постели.

Нет, нет, нет!.. Никогда любовь не заставит ее отречься от науки.

«Может быть, я успею сбежать на берег и проводить лодку, — подумала она. — Я пожелаю ему счастливого пути».

Закончив туалет, она бросилась из комнаты, воспламененная энтузиазмом. На террасе она заметила Жюльена и бросила ему, не замедляя шага:

— Вы пойдете со мной?

Но он остановил ее на месте грубым и злым смехом:

— Ха-ха-ха, вы хотите проститься с раскаявшимся грешником? Напрасно, он блаженствует в веселой компании! Ха-ха-ха! Он может похвастать тем, как он нас провел!

— Как? — пролепетала она, уничтоженная.

— Он уехал вместе с Элен.

— Уехал вместе?

— Да, можете удивляться, сколько вам угодно. Она сегодня ночью оставалась в его комнате. Я видел, как они рано утром оттуда вышли. Он поглядел на меня взглядом, в котором я прочитал стыд. И вот, они справляют сейчас свой медовый месяц. Нечего сказать! Что с вами, Алинь, вам дурно? Бедная Алинь!

Она опустила на стул.

Глава X

Иллюминированный лес

Три дня прошло со времени отъезда Гильермо Мюра. Вернувшись, он привез письмо, полное плачевных признаний профессора, который проклинал свое безумие, жалко выпрашивал прощения у Алинь, клялся, что скоро вернется, освобожденный навсегда от искательницы приключений. Мюр объяснил свое долгое отсутствие: в пути мисс Элен потребовала, чтобы «Форверт» взял курс на Порт-оф-Спэн, так как она не хочет высаживаться в Капурано, где, по ее словам, убийцы ее дяди будут покушаться на ее жизнь.

— Так я и поверил, — смеялся Жюльен. — Она, должно быть, когда-то кутила в этом городе.

В противоположность Алинь, он охотно мирился с капризами судьбы: с гаванами профессора, с ужением рыбы, с уроками негритянского языка, которому его обучала Атали Куку. Из чувства человечности он вместе с Алинь делал перевязки каторжнику, который, очевидно, упрямо хотел жить. Иногда, по утрам, он исчезал, унося с собой удочки. Обедая на берегу тем, что ему приносила любезная негритянка, и возвращался наверх только к ужину.

— Вы меня извините за то, что я не составлю вам компанию? — спрашивал он иногда с серьезным видом молодую девушку и бретонца, которых он изучал, как психолог, но намеренно не нарушал их *tête-à-tête*. Уже почти вполне исцелившийся, Жан Лармор держался теперь совершенно иначе. Менее молчаливый, он искал общества Алинь и, видя ее печальной, пытался рассеять ее грусть, пускаясь в воспоминания о своих приключениях или рассказывая о своей семье, о детстве, о планах.

— Нас пять сыновей и четыре дочери. Я четвертый, остальные плавают или работают со стариками на земле, которая в трех милях от крепости Этель. Красивые у нас места! Надо видеть реку с высоты висячего моста, когда прилив

превращает ее в кипящий поток! Это надо видеть. Художники приезжают даже из Парижа.

Он иногда останавливался на полуслове и ждал одобрения. Он чувствовал ее настолько выше себя по образованию и воспитанию, что боялся ей надоесть своей исповедью.

— Я вернусь домой, но еще не скоро, совсем не скоро. Ведь я теперь все потерял. Я приценился к красивому белому домику, возвышающемуся на холме, точно мельница. Его, наверное, продадут теперь...

— Найдется другой красивый домик.

— Да, это не то, что моя шхуна! И вот, в тридцать два года я без гроша! А я-то хотел рано жениться.

Он говорил о будущем, о земле, из которой он вырвет ее золотые сокровища, и она чувствовала, что в ней загорается тревога. Она не смела смотреть в глаза своему собственному будущему. Что готовила жизнь ей? Одиноким женщиной без семьи, без близких родных? Бегство ученого разбило ее научный идеал. По размышлению дело представлялось ей еще хуже. Она должна будет скоро вернуться во Францию и снова завязнуть в посредственной обыденной работе. Но ее тревога растворялась в энтузиазме Жана Лармора, который воспламенялся всякий раз, когда говорил о предстоящей ему борьбе.

— Через два года я сделаюсь миллионером, если только меня не сожрут ягуары... Но они меня не сожрут. Хорошо, что я потерпел крушение. Все равно я бы продал шхуну, чтобы заняться только золотом. Набираешь лопату земли, бросаешь ее в корыто, промываешь все это водой, пока не останется один только гравий, — и, если вы на дне не найдете на сотню франков золота, то только потому, что не набрали полной лопаты. Вы можете вашей лопатой зарабатывать по тысяче франков в день и, конечно, в десять или двадцать раз больше, если у вас американские приспособления. Вы улыбаетесь, мадемуазель. А между тем, я не лгу.

Он часто возвращался к теме женитьбы. Несколько прорвавшихся слов позволяли угадывать в его прошлом идиллии, может быть, связи с молодыми дикарками, но воображение его было занято женщиной его будущего. По опи-

саниям, она была так не похожа на Алинь, что, слишком хорошо сознавая пропасть, отделявшую его от молодой девушки, он мог говорить с ней об этом, как с сестрой:

— Я хочу, чтоб она была хорошей хозяйкой. Даже если я ей принесу богатства, надо, чтоб она умела готовить и обходиться без прислуги. Я хочу, чтобы она не пугалась опасности, была хорошей матерью и принесла мне хороших детей. Какая у нее будет наружность? Право, я еще даже не придумал, но я хотел бы, чтоб она была похожа на вас. Я хочу сказать, такая же рослая, так же хорошо сложена, с красивым лицом и зубами. Мне кажется, что вы считаете меня слишком требовательным, мадемуазель?

Ночью, после таких разговоров, Алинь спала беспокойным сном. Она чувствовала какую-то безысходность, против которой не в силах была бороться. Да, пропасть, отделявшая ее от Жана Лармора, от единственного человека, голос, взгляд, присутствие которого заставляли сильнее биться ее сердце — эта пропасть была непреодолимой...

— ... Скажите мне, мадемуазель, — заговорил он однажды, шутя, — какого человека вы назвали бы своим мужем?

Этот вопрос застал ее врасплох. Внезапно забившееся сердце чуть не крикнуло: «Тебя, Жан, или никого!» Она так побледнела, что он поднялся с качалки и, схватив ее белые тонкие руки своими грубыми руками моряка, воскликнул:

— Простите, я так груб и невоспитан!.. Я должен был понять, что причину вам неприятность. Уверяю вас, что я не старался узнать ваши тайны...

— Насколько я вас поняла, — возразила она горячо, — вы ошибаетесь, я одна, совершенно одна во всем мире со времени смерти моих родителей.

Он все еще не понимал, почему она побледнела. Он тихонько высвободил ее горячие руки и прошептал:

— Я спрашиваю себя, чем я вас мог огорчить, говоря о том, кого вы полюбите?

Она храбро выдержала его взгляд и отвернулась. Он заметил слезу на ее длинных ресницах. Тогда он понял. Понял и испытал радость, смешанную с горечью от сознания тех препятствий, которые его рассудок нагромождал меж-

ду ним и ею. Он не нашелся и ничего не ответил. Только еще нежнее сжал горячие руки. Охватившая их грусть не вылилась в слова. В наступающей ночи они молча прислушивались к биению сердец.

Вместе с возвращением сил Жан Лармор испытывал потребность их растратить. Он уже ходил без трости и в присутствии Алинь забавлялся тем, что ворочал огромные камни, которые он отшвыривал далеко от площадки, — для того, чтобы размять мускулы, говорил он. Со дня на день их прогулки в лес делались все продолжительнее. Или же они отправлялись к Жюльену Мутэ, который построил себе хижину у подножья скалы, где он занимался ужением. Там же он брал уроки негритянского языка, когда начался сезон дождей.

Алинь не видела старика-негра со времени отъезда учебного и искательницы приключений, и идея экскурсии возникла совершенно неожиданно. В широких местах тропинки они шли рядом и обменивались незначительными фразами, как товарищи, которыми они старались быть и оставаться по какому-то молчаливому соглашению. Они даже не испытывали злобы к судьбе. Рано или поздно они расстанутся друг с другом. Он — для того, чтобы снова окунуться в свои приключения, она — чтобы вернуться к своим книгам и ретортам. Они сохраняют друг о друге хорошие воспоминания, может быть, нежные — вот и все; это будет восхитительный сон, о котором еще вспоминаешь в минуту пробуждения, но который должен в конце концов затуманиться и совершенно потонуть в бездне забвения...

— ...Знаете, эти джунгли просто смешны. Я хотел бы вас повести в настоящий девственный лес, где деревья так густы, что посредине дня там полная ночь. А какие деревья! Десять человек не обнимут их ствола, взявшись за руки и составив цепь.

— Как там должно быть хорошо! Неужели вы ничего не боитесь в этих огромных лесах?

— Нет, не боюсь. Там себя чувствуешь так, как будто пред тобой глубокая тайна. Есть леса, по которым можно ходить месяцы и годы и не дойти до конца.

Ствол, лежащий поперек тропинки, задержал молодую девушку, шедшую впереди... На этом месте она когда-то уверяла Шарля Зоммервиля, что пожертвует ради науки любовью. Печальное воспоминание! Теперь измена ученого казалась ей менее гнусной, и ее собственная слабость выдвигала власть сердца над рассудком, власть пылкой страсти над холодным разумом.

— Помочь вам, мадемуазель?

Тем же жестом, как тогда Зоммервиль, он вежливо подержал ее за локоть, в то время как она подымалась на огромный ствол.

— Вы легки, как перышко. Мне кажется, вы созданы для приключений в тех огромных лесах. Вы были бы совершенной дикаркой, если продеть вам золотое кольцо в нос.

Она, повернувшись к нему лицом, разразилась смехом, но вдруг крик ужаса сорвался с ее уст:

— Ах! Осторожно, осторожно!..

Он инстинктивно отскочил в сторону. Все остальное произошло с молниеносной быстротой. Из дупла дерева вылезла небольшая змея. Она свернулась спиралью, высоко подняла голову и была в полной боевой готовности. Вот-вот она вытянется и укусит. Не дав Лармору опомниться, Алинь бросилась к змее и растоптала ее каблуками. Он смотрел на нее с восторгом.

— Вы знаете, немногие мужчины вели бы себя так храбро со змеей, укус которой смертелен.

Ее бледное лицо осветилось улыбкой.

— Я боялась, что она бросится на вас.

Они продолжали путь в молчании. Шагов через двадцать она слышала позади себя его слова:

— Вы отважны, мадемуазель Алинь, отважны в опасности! Вы необыкновенная женщина!

Она не отвечала. В ее душе звучала опьяняющая песня...

С верхушки скалы они увидели Жозе-Марию и его животных и остановились, восхищенные зрелищем. Обезьяна, сидя на спине старика, нежно перебирала его длинную шевелюру. На груди у негра приютилась обезьяна-мать с маленьким детенышем и грызла колос маиса, который она

защищала ловкими движениями от жадных агути. Птицы в бархатном и золотом оперении цеплялись за босые ноги старика, а он, качаясь, беспрерывно напевал однообразную песню.

— Какая чудесная картина, не правда ли? — прошептала она.

— Этот негр велик и добр. В доброте истинное величие и истинная красота,—серьезно сказал он.

Измученная, она обернулась к нему и сейчас же лицо ее засияло — ее изумило, что человек с его воспитанием так просто и ясно высказал такую возвышенную мысль. Она гордилась и радовалась этому открытию.

— Вы выражаетесь, как поэт! — сказала она.

Он рассмеялся смехом, от которого разбежался весь зверинец.

— В первый раз мне делают подобный комплимент. Вы мне вскружите голову.

Разминая обессиленные ноги, Жозе-Мария с трудом поднялся с пенька, чтобы собрать разбежавшихся животных. Его взгляд переходил с молодой девушки, выкладывавшей из корзинки провизию, на моряка. Жан Лармор разобрал некоторые слова, сказанные стариком.

— Насколько я понял, мадемуазель, ваш старый друг думает, что мы супруги. Не правда ли, это интересно?

Она усмехнулась и опустила глаза на скамейку, скрывая залившую лицо краску. И тем же неестественным тоном он снова перевел мимику и жаргон старика.

— Что он такое говорит? Он меня уже знает... Вы ему говорили обо мне? Теперь я понимаю, почему он нас поженил.

Она, улыбаясь, прошептала:

— Это простой человек.

Старик принялся есть, отдавая лучшие куски Дику. Прежде, чем вкусить вино, принесенное ему, он пролил небольшое количество на землю для мертвецов и перед каждым глотком возобновлял этот обряд.

Им захотелось посмотреть плантации, которые полоγο спускались к прибрежным скалам среди рядов банановых

деревьев. Безупречная синева неба на горизонте прорезалась темной полосой, и они принуждены были сократить свою прогулку. По расчету моряка, гроза на острове должна была разразиться через час. Но он ошибся. Вихрь налетел с фантастической быстротой и первые капли застигли их уже на пороге хижины, где с тревогой поджидал старый негр.

Ливень был настолько силен, что хижина сейчас же очутилась в воде. Целых полчаса они забавлялись, как дети, даже не подумав взглянуть на часы. Судя по ударам грома, гроза уже удалялась. Они могли бы вернуться домой к ужину, если бы поторопились. Но дождь не прекращался, и они угостились диким медом, который старик подал им на листе банана с лепешкой из муки сахарного тростника. Тьма сгустилась еще больше. Наступила ночь. При свете воскового факела они заметили, что отшельник подмел угол своей хижины и вытащил подстилку из тростника и шерстяное покрывало, заботливо расстелив их на земле.

— Он уже готовится лечь, — заметил шепотом Лармор, — а дьявольский дождь и не думает переставать.

— Он уже менее силен, — сказала девушка, вставая. — Пора идти.

— Да ведь через несколько шагов вы промокнете до костей, — весело сопротивлялся он. — Гораздо благоразумнее будет подождать.

Старик жестом показал им, что его приготовления окончены и предложил им занять эту постель. Как, это ложе было предназначено для них? Они стояли в оцепенении перед этой обширной грубой постелью, приготовленной для них — фиктивных супругов... Других на их месте такое происшествие рассмешило бы, но им было не до шуток, ибо старик отрыл им природу и глубину их собственных чувств.

Жан негодующим жестом отверг это предложение, в то время как Алинь, охваченная странным недомоганием, храбро пыталась стряхнуть с себя усталость. Жан, наконец, обернулся к ней и сдавленным голосом предложил:

— Если хотите, пойдем... Дождь, кажется, теперь стал слабее.

Он зажег восковую свечу, взятую у старика, и держался

впереди, останавливаясь каждое мгновение, чтобы осветить для Алинь какую-нибудь колючую лиану или скользкое место. Он первым нарушил молчание, предупреждая ее о каплях, грозящих скатиться с ветвей и погасить факел, или о камнях, катящихся под ноги. Но в его словах уже не было прежней искренности. Брачная постель, так резко нарушившая целомудрие их рождающейся любви, испортила ему настроение. Смысл его досадливой брани не мог ускользнуть от молодой девушки, потому что их мысли проделали одинаковый путь.

— Дикарь!

— Его надо простить... — вступилась она. — В простоте своей души он думал, что так лучше.

— Вы правы, — согласился он, внезапно смягчившись, — он думал, что так лучше. Вам должно быть странно, что я так вскипел?

Он остановился и весело вспомнил:

— Значит, он в самом деле принял нас за супругов?

Когда он обернулся к Алинь, мокрая ветка задела свечу и она погасла. Они испустили крик ужаса, сейчас же сменившийся взрывом хохота.

— Вот так положение! Посреди ночи, посреди леса, ни одной спички! Да ведь это катастрофа! Вы не слишком боитесь, Алинь?

— Нет, не слишком.

— Я слышу, вы смеетесь... Но вижу столько же, сколько в трубе. Где вы?

Руки их встретились впотьмах и пальцы задержались в пальцах. Он взял ее за руку и увлек за собой, нащупывая свободной рукой препятствия. Было очень трудно взбираться по скользкой тропинке, и они вскоре принуждены были отдохнуть на каменном уступе. Под деревьями зажигалась иллюминация. Светляки, несущие на головах и брюшках яркие фонарики, стаями вылетали из-под коры старых деревьев и в безумной пляске носились над землей, создавая вихрь серебряных молний. Тьма расступилась, за темной завесой кустарника фосфорный свет бактерий окутывал светлым саваном мертвые деревья. Один светлячок заиграл

своими алмазами на корсаже Алинь. Они молча двигались среди густого тумана, опьяненного горячим запахом цветов. Она держалась за полы его пиджака, в то время как он шел впереди, вытянув обе руки. Вдруг она отпустила его, испустив крик боли.. Ранена? Нет, вывихнула ногу. Он обнял ее за талию, и они медленно продолжали взбираться вверх, но каждый шаг вырывал у нее стон. Тогда, не говоря ни слова, не дав ей времени опомниться, он взял ее на руки.

— Это безумие! Я слишком тяжела! Не можете же вы...

— Замолчите! — прикрикнул он. — Не сопротивляйтесь! Вы легки, как цветок. Если я устану, мы отдохнем. Вообразите, что вы на руках старшего брата.

Прижавшись к его груди, охватив руками его шею, она отдалась сладкому оцепенению. Когда он опускал голову под мокрой веткой, она чувствовала на своей горячей щеке ласку его дыхания. Она понимала, что наступит мгновение, когда ищущие друг друга уста соединятся. Глаза ее закрылись. Все существо покорилося. Она всей душой и телом ждала поцелуя, который отдаст ее этому человеку, такому сильному, отважному и доброму. И мгновение пришло. Жан остановился, страстно прижал ее к себе и поднял к своим губам... И внезапно, разжав объятия, он отвернул голову и прошептал:

— Простите, простите, Алинь... Я обезумел! Я забылся!

— Жан! — воскликнула она в слезах

— Я всего только моряк. Проезжий. Человек, которого море поглощает в часы гнева.

— Жан!.. Жан!.. О, Жан! — зывал ее прерывающийся голос.

— Нет, оставь... Не искушай меня... Сжался, Алинь!

Он тихонько положил ее на старый ствол, преграждавший дорогу, и сел возле нее. Она рыдала, и его сердце тоже сжала тоска. Он гладил рукой ее волосы и мгновениями прижимал к ее губам.

— Вы когда-нибудь будете вспоминать эти часы опьянения и в мыслях своих будете мне благодарны. Вы подумаете о бедном моряке, который однажды встретился вам

на пути, но в вашей жизни не совершил ничего непоправимого...

Над влажной травой светляки сплетали огненные хороводы, капли дождя вспыхивали внезапно, освещенные их крохотными фонариками. Мшистая кора стволов была осыпана сверкающими искрами. Вверху, между ветвями деревьев, в небе, омытом дождем, тоже мерцали алмазы. Цикады напевали свои однообразные песни. Вдали раздавался клекот ночных птиц. Слышен был грохот моря в его неустанной борьбе со скалами.

Как ребенок, уставший от слез, она уснула на груди молодого человека. Задумавшись, он устремил глаза к мерцающим звездам. Затем осторожно разбудил ее. Сверху прозвучал жалобный крик:

— Мамзель! Мамзель! Где вы? Где вы?

Глава XI

После перерыва

Жан Лармор, наслаждавшийся свежестью утра, увидел с террасы Алинь и Жюльена, шедших в направлении северной башни, и скоро присоединился к ним в нижнем зале, где раздавались стоны каторжника. Его раны — два укола кинжалом в плечо и в бедро — уже заживали, но лихорадка и кашель не проходили.

— Эль Браво! — сказал моряк. — Не похоже, что ты скоро отправишься в ад.

Он называл его Эль Браво (свирепый) — именем, которое дали бандиту индейцы с Ориноко. Среди них он совершил немало преступлений в течение пяти лет, протекших со времени его бегства с каторги.

— Эль Браво не издохнет таким образом, капитан, — усмехнулся больной, приподымаясь на кровати.

— Чем ты занимался до каторги?

— Заведовал протокольной частью.

— Вот погоди, явится за тобой венесуэльская полиция! Получишь свои двенадцать пуль в спину.

— Тринадцать, — поправил каторжник. — Ваша еще сидит в моем теле.

На террасе трое друзей встретили Ляромье, который принес им радиограмму: ожидаемый уже несколько дней Шарль Зоммервиль выедет на «Форверте» после полудня.

— Объявляю пари! — воскликнул Жюльен. — Ставлю сто против одного, что патрон вернется не один. Вы хмурите брови, мадемуазель Алинь? Наивное дитя. Я вам говорю, что, если кто-нибудь из них бросит другого, то это будет она. Я психолог, поверьте!

— Вспомните, — слабо протестовала девушка, — ту решимость, которую выражало последнее письмо...

— Ну что, держите пари, да или нет?.. Нет?.. А вы, капитан Лармор? Да ну же, дайте мне выиграть несколько луи!

— Простите меня, — ответил Жан с напряженной улыбкой. — Я не умею забавляться такими вещами. Для меня любить и страдать — одно и то же.

— Благородный герой, вы мрачно смотрите на вещи! Слышите, Алинь? Любить и страдать...

Алинь медленно удалялась от них.

— Я вас прошу... — проговорил Лармор взволнованным голосом, схватив Жюльена за руку.

Он удалился в другую сторону. Веселый лаборант проводил их насмешливой улыбкой.

— Быть влюбленным, как видно, вовсе не забавно!

Около четырех часов после полудня на горизонте показалась серенькая точка, которую давно уже высматривал Маренго. Алинь и Жан спускались вниз по тропинке и шли рядом, обмениваясь незначительными словами. Со времени их прогулки прошла неделя. Не избегая друг друга, они, однако, ни единым намеком не касались своих признаний. На крутых переходах он шел впереди и в помощь ей протягивал обе руки. Тогда огонь его темных глаз смягчался под ясным взглядом девушки.

— Отчего вы на меня так смотрите? — спросила она внезапно.

— Чтобы лучше запомнить цвет ваших глаз на будущее, когда со мной будет только ваш образ.

— Вы меня приводите в отчаяние, Жан!.. Не говорите мне, что дни моего счастья сочтены!

— Я не могу дольше здесь оставаться, Алинь. Нужно выкинуть к этой мысли.

В своей печали она забыла о катере и о человеке, которого она возносила выше всех до той минуты, пока он не изменил их общему идеалу. С подножья скалы она заметила лавирующий между скал катер и с дрожью в голосе проговорила:

— Я остаюсь ужасно одинокой...

— Знаете, — издали закричал Жюльен, заметив их, — у нас снова будет весело! Патрон везет гостей. Это невообразимо.

Он передал бинокль молодой девушке и захохотал.

— Я не вижу среди них дамы, но она наверняка там. Не может быть, что она его так бросила.

Алинь подавила восклицание, не опуская бинокля. Он торжествовал.

— Я вам говорил, что обворожительная Элен к нам вернется. Кто знает, может быть, этот толстый человек — ее венесуэльский дядя? У нас теперь будет семейный дом.

— Неужели я ошибаюсь...— прошептала она, не выпуская из виду лодки. — Там молодой человек, страшно похожий... Неужели это Анри?

— Сын патрона? Ну, это вполне вероятно. Ведь его ждали со дня на день... Как же так? Не может быть, что крошка на лодке. Не привезет же он ее вместе с сыном!

Алинь вернула ему бинокль.

Он сразу же начал извергать комические проклятия, приводившие в шумный восторг Огюста и его негритянок. Нет, он этого не мог переварить. Сын и любовница рядом! И папаша возле них, размахивающий панамой, посылающий привет Пьедраде и колонистам острова!

— Ну что ж, — сказал Жюльен, вкладывая бинокль в футляр. — Я не вижу причины портить себе кровь. Может быть, мой взгляд на воспитание уже устарел.

Жан Лармор улыбался. Огюст и негритянки тряслись от смеха. Даже Алинь заразилась безумным весельем Атали-Куку. И Зоммервиль, вместо суровых лиц, которые рисовала ему его беспокойная совесть, встретил веселые улыбки. Он первым выскочил на мостки и пожал руки троих друзей, справляясь об их здоровье. Не дав им времени ответить, он сказал отрывисто и вполголоса:

— Я вам все объясню. Вы увидите, я не мог действовать иначе. Впрочем, мадам Хэммонд всего на несколько дней. Вы запомните? Полковник Хэммонд, австралиец, оставил бедняжку вдовой. Я вам все расскажу. Мы не поняли ее. Несколько свободные манеры, но это честная женщина, пережившая много горя. Она вас так любит, Алинь. Она говорит только о вас. Одним словом, вы хорошо запомнили имя? Миссис или мадам Хэммонд. Это, конечно, не имеет значения. Пожалуй, миссис Хэммонд более почтительно, вви-

ду моего сына. Дорогое дитя, какой сюрприз!.. Я гулял по набережной с... миссис Хэммонд и вдруг причаливает пакетбот... Осторожно!.. Вы запомнили?

— Yes, sir — mistress Hammond! — как можно торжественнее сказал Жюльен, подымая руки, точно для клятвы.

Зоммервиль, не поняв насмешки, вернулся к катеру. Лаборант шепнул своим друзьям:

— Вы заметили его странный взгляд и отрывистый голос? Надо было бы предупредить вдову Хэммонд, что ее новый жених — кандидат в сумасшедшие. А, вот и сын! Какой милый мальчик! Атлетическое сложение. Тонкие черты, умные глаза. Очень мил!

В два прыжка Анри очутился возле них и снял шляпу.

— Вы, должно быть, не узнаете меня, мадемуазель? Это было так давно.

— Какой сюрприз, Анри! — сказала Алинь, улыбаясь. — Я очень рада видеть вас снова.

— Мне так хотелось поскорее обнять отца! Поэтому, как только дядя решился... Вы не знаете моего дядю Гарольда?

Гарольд уронил спой монокль, галантно поклонился и поднес руку Алинь к губам. Он носил белый, прекрасно сшитый костюм и ростом был несколько выше брата. Будучи старше его на два-три года, он упорнее его защищался от приступов старости, крася усы и волосы и сдерживая тисками корсета увеличивающуюся с возрастом тучность. Платок, которым он вытирал лоб, издавал благоухание будуара. Жюльен оценил его двумя словами, шепнув на ухо моряку:

— Старый кутила.

— Месье Лармор, — сказала Алинь, представляя ему юного путешественника, — месье Анри Зоммервиль горит желанием с вами познакомиться.

Молодой человек схватил руку Лармора. Глаза его горели. Черты выражали сильный восторг.

— Какой чудесный подвиг вы совершили... Мне рассказывали отец и миссис Хэммонд. Акулы и буря! И вы трижды, четырежды рисковали жизнью для того, чтобы спасти незнакомую женщину! Как это прекрасно!

В то время, как Анри так горячо выражал свой восторг, дядя, поправив монокль, с любопытством посмотрел на моряка, потом протянул ему руку и сказал:

— А, так это вы герой! Поздравляю! Мы вам обязаны такой драгоценной жизнью! Миссис Хэммонд очаровательная женщина! Вы заслужили орден Почетного Легиона. Искренне говорю вам.

Зоммервиль уже подходил вместе с Элен, элегантно преобразенной городским костюмом. Не давая никому времени прийти в себя, она бросилась на шею Алинь, горячо приветствовала своего спасителя, ответила гримасой избалованного ребенка на «миссис Хэммонд», сказанное Жюльеном, бросила веселое приветствие мулату и негритянкам и объявила, что умирает от голода и жажды. Ученый извинился: ему нужно было поговорить с Алинь и Жюльеном. Пусть Гарольд предложит свою помощь молодой женщине. Анри не захотел отставать от отца, и Мутэ принужден был идти один. От его уха не ускользнул шепот и сдавленный смех последней пары.

— Нельзя сказать, что здесь безумно весело.

— О, здесь сельский покой, очень удобный для любви.

— Никогда вы меня не заставите поверить, что вы влюблены в моего брата. Он так неинтересен.

— Но он обожает меня!

— Как и все те, кого вы околдовали. Я, например. Что вы собираетесь здесь делать? Среди его дохлых зверей?

— Что за вопрос! Я сделаюсь госпожой Зоммервиль.

— Но ведь со мной вы добьетесь того же самого, чертенок! Более того: вы получите Париж и Довиль. Ведь здесь вы испортите себе жизнь. Вы слишком умны для этого.

— Надо же положить конец. Кроме того, я обожаю Шарля.

— Он должен был вам признаться, что он почти разорен!

— Что за шутки!

— Чтобы купить этот остров и устроиться на нем, он истратил больше четырех миллионов. Это безумец. Не знаю, осталось ли у него триста или четыреста франков...

Поскольку Элен хранила молчание, Жюльен решил, что она осматривает пейзаж или взвешивает красноречивые цифры. Усмехаясь в свою темную бороду, он ускорил шаг и нагнал Жана.

— Редкостная женщина! Она вертит Зоммервилями, как хочет.

Он подошел к передней группе, где Шарль Зоммервиль, нежно опираясь на руку сына, пытался воодушевиться новыми планами, которые он излагал молодой девушке. После этих нескольких недель перерыва, он готов был окунуться в работу с удесятеренной энергией и с удивительной ясностью ума. По его словам, ему нужны были два-три месяца для завершения проверки своего открытия. Тогда он сможет безбоязненно бросить вызов ученому миру и широкой публике.

— Ах, Мутэ, я уверен, что вы оправдаете меня! Мы не должны без конца сидеть на этом острове! Мозг для вполне плодотворной деятельности требует интеллектуального окружения. Я слишком поздно понял ту непростительную ошибку, которую совершил, поселившись на этой скале под предлогом, что найду здесь среду, подобную первобытному миру. Вы согласны со мной, Мутэ? Не лучше ли устроить лабораторию в окрестностях Парижа? Алинь, представьте себе Пастера на острове Пьедрада. Наука отстала бы на целый век!

Он много говорил о яростном желании снова погрузиться в работу, которое он почувствовал со времени приезда. Ему захотелось сейчас же, сию же минуту увидеть обезьян, несмотря на усталость и возражения Элен; та с видом избалованного ребенка требовала, чтобы все тотчас сели за стол. Забывая о том, что сын его шел впереди вместе с Алинь, профессор отдался внезапной вспышке гнева.

— Я не позволю ей думать, что она может мной командовать! Я не люблю, когда меня раздражают! Если она вздумает мешать мне работать, пусть убирается вон, Мутэ! Пусть убирается вон сейчас же!

Жюльен, изучая его украдкой, покачал головой. Но возбуждение ученого быстро приняло другой оборот. Стоя перед

клетками, он прервал Алинь, дававшую объяснения Анри, и стал излагать свою новую программу; он сделал это так подробно, что целое показалось бессвязным. Во всем этом хаосе фраз определенно проявлялась одна мысль — окончательное заключение из опытов можно будет вывести только тогда, когда операции подвергнутся человеческие существа. Он, наконец, дал конкретное выражение своему душевному беспокойству.

— Если бы мы жили в более цивилизованную эпоху, правительства предоставляли бы в мое распоряжение приговоренных к смерти. Это был бы самый рациональный способ изучения тайны жизни.

После ужина, когда Зоммервиль с сыном о чем-то беседовали, а Элен показывала дяде предназначенную для него комнату, Жюльен подошел к Алинь и Жану, прогуливающимся вдоль балюстрады,

— Я вам не помешаю?.. Простите меня, но я должен вам излить всю душу. Мне хотелось бы знать, Алинь, верите ли вы в искренность патрона, когда он с таким жаром говорит о своих работах?

— Увы, у меня впечатление, что он совсем неуравновешен.

— Вот именно! Через пять минут после того, как он восхвалял чары и добродетель вдовушки, он говорит, что нужно выбросить ее вон. Мне кажется, что она его еще пленяет, но все-таки работа может взять верх. Вы видели, как он снова увлекся перед клетками обезьян? Итак, его терзают две страсти: наука и то, что я не решаюсь назвать любовью. И сюда еще примешивается третье чувство: сын.

— Он к нему глубоко привязан. Может быть, в этом будет его спасение.

— Вы не заметили интересную сцену. Она хотела вставить словечко в их разговор с сыном, и он закрыл ей рот взглядом, который ясно говорил: оставьте нас в покое. Тогда, сооротив глазки старому красавцу, который только и ждет возможности перенять наследство, она поднялась из-за стола.

На третий день утром Алинь, несшая лекарство Эль Бра-

во, встретила искавшего ее Жана.

— Я хочу с вами проститься...

— Как!.. — с трудом проговорила она и побледнела.

— О, только на двадцать четыре часа, — весело заявил он. — Месье Шарль просил меня повести «Форверт» вместо Мюра, который болен лихорадкой. Вы ни за что не угадаете, кого я увожу: мисс Элен и месье Гарольда.

По нескольким словам, вырвавшимся у ученого, Жан понял, что посреди ночи по какому-то пустому поводу разыгрался скандал. Женщина жаловалась, что профессор не обращает на нее внимания из-за сына. После долгой ссоры они решили сделать передышку. Она в компании Гарольда отправится в Порт-оф-Спэн и будет там ждать отъезда Анри, который через две-три недели должен уехать во Францию.

— Я полагаю, что вернусь завтра утром. У вас нет никаких поручений, покупок?

— Предисловие к разлуке, — сказала она грустно.

— Надо с этим мириться, Алинь. Я теряю время. Я грызу себя. Бездеятельность ужасно меня тяготит. Меня зовет лес, золото; золото, которое сделает меня богачом... И тогда, кто знает...

— Вы забудете меня. Другая женщина легче найдет путь к вашему сердцу.

— Алинь, вы огорчаете меня. Нельзя обречь белую женщину на жизнь дикаря, которую я собираюсь вести. Вы это поймете, Алинь.

Часом позже она спустилась вниз. Жан с помощью матроса приводил в порядок катер и испытывал мотор. Они пробовали обмануть друг друга, обмениваясь банальными словами о состоянии погоды. Услышав чьи-то голоса, она бросилась в бегство и скрылась за скалой, где никто не мог увидеть ее слез.

— Вы, конечно, постараетесь отлучиться на день или два, дорогой друг, — ворковала Элен, пока Гарольд помогал Огюсту передавать чемоданы матросу. — Вдали от вас я умру от тоски.

— Я постараюсь, дорогая, — уклончиво обещал Зоммервиль.

Только пройдя через кольцо рифов, Лармор обернулся к острову и замахал шляпой. Алинь с заплаканными глазами следила за исчезающим в голубом просторе катером. Она уже предчувствовала свое будущее одиночество. В один из ближайших дней он исчезнет навсегда за этим безбрежным морем — человек, которого она избрала, которого любила.

Ученый прошел мимо нее, бормоча какие-то слова...

Глава XII

Наука — высшее утешение

Взобравшись на скалу, Алинь долго еще смотрела на горизонт, скрывший от нее катер. Но с энергией молодого существа она попыталась победить свое горе и вернуться в действительный мир после тщетного полета в царство мечты.

«Вы поймете, Алинь...»

О, да. В моряке говорит голос разума. Ведь он отправится искать счастья в дикие края. Никогда она не сможет приспособиться к суровому существованию искателя золота, к лишениям и опасностям этой жизни. Таким образом, их любовь была тупиком, из которого ей повелевала во что бы то ни стало выйти еще не уснувшая энергия.

— Многие, как и я, предавались таким химерам и исцелялись. Я исцелюсь.

Приняв это решение, она успокоилась, бросила последний взгляд на туманный горизонт, за которым исчезал силуэт «Форверта», и улыбнулась, собираясь испытать свои новые силы. Но ее горло сжалось, глаза увлажнились при мысли о крушении прекрасной мечты. Собственные слезы возмутили ее и она побежала по тропинке, громко повторяя:

— Я исцелюсь! Я исцелюсь!

Очувтившись в лаборатории рядом с Зоммервилем, она убедилась, что он переживает то же или, по крайней мере, о пришел к такому же решению, которое выразил даже в похожих словах. Он пробовал объяснить свое состояние Жюльену:

— ...Пятьдесят лет — не такая уж старость. Почему же я так цепляюсь за эту старческую любовь? Позор! Но я исцелюсь! Я хочу исцелиться, слышите, Мутэ? Я хочу исцелиться, и я исцелюсь!

Не откладывая, все трое принялись за работу, сопоставляя наблюдения о состоянии здоровья животных, записанные в течение двух месяцев. Завтра утром они должны бы-

ли начать новую серию опытов. На этот раз они собирались пересадить фермент «Жи» от одного вида обезьян другому, тогда как до сих пор они наблюдали за животными только одного вида. Но неожиданное событие перевернуло их планы.

Мадам Маренго нашла старого негра в ужасном состоянии. Разбитый ревматизмом, он не мог подняться со своего ложа, не мог приготовить себе поесть. Решено было перенести его в замок. Для Алинь это было источником развлечения, делом, в котором она могла разрядить свою энергию. Она решила поместить старого отшельника в комнате, разделявшей обе лаборатории, и, лично занявшись этим, поручила Ляромье устроить носилки, а затем снабдила их одеялом и подушками.

Поднявшись с раннего утра, она почувствовала, что уже может думать о Жане без тоски в душе. Она стала во главе экспедиции, состоявшей из мужчин острова — Жюльена, Анри, Огюста и Ляромье; последний захватил с собой носилки. Рядом с Алинь шел Анри, и она забавлялась его замечаниями и вырывавшимися у него при виде леса криками восторга, почти забывая ночную прогулку прошлой недели. Это было уже далеким воспоминанием, сном, безличным видением. Но старый ствол, на котором она рыдала в объятиях Жана, восторжествовал над этой странной иллюзией, и ее бодрость колебалась... Вот под этой веткой она почувствовала, как прикоснулись его губы к ее волосам, на этой скале, где они отдыхали, их руки в красноречивом жестикулировании обменялись клятвой. Нет, нет, никогда она не исцелится, никогда...

— ...Вы мне не отвечаете, мадемуазель? Неинтересно говорить одному.

— Простите меня, Анри, я немножко устала.

Но она скоро справилась с собой и в поредевшем лесу ускорила шаг, горя нетерпением отдать содержимое своей корзинки старому негру. Она нашла его в хижине в обществе Дика: из всех животных, которых он кормил в дни изолирования, одна только собака осталась верна ему в несчастье. Огюсту пришлось его долго уговаривать на своем жаргоне,

чтобы заставить его решиться бросить уголок джунглей, вспаханный его руками, куда негр, бывший раб, бежал от человеческой злобы и где протекла его скромная жизнь, слитая с природой. Он хотел знать, даст ли ему «великий белый» того волшебного лекарства, от которого пес его снова сделался молод, и когда Алинь улыбкой подтвердила ответ мулата, он охотно лег на носилки. Одной только девушке доверил он свое сокровище: старую, как мир, гитару.

Старый негр не расставался с мыслью, освещенной огнем радости его похудевшие черты, и мучил Огюста вопросами об этом волшебном лекарстве, от которого так наивно ожидал чудес.

— Посмотри, старая собака прыгает на шею. «Великий белый» дал ей лекарство, теперь она молодая.

— Вот увидишь, — повторял мулат, — белый колдун выше всех колдунов.

Стоило больших усилий заставить Жозе-Марию надеть белье, прежде чем лечь на белые простыни — роскошь, что он не знал за свои три четверти века.

Не выходявший с утра из своей лаборатории Зоммервиль показался только после полудня. Огюст уже много раз кричал ему через дверь, что обед стынет. Дик порывисто бросился ему под ноги и вывел его из задумчивости; ученый захотел поприветствовать старика-негра, с полузакрытыми глазами смаковавшего бульон, которым Алинь поила его с ложки.

Отшельник услышал шаги и обернулся. Глаза его загорелись набожным блеском. Он поднял руки, как бы умоляя профессора согласиться на его просьбу. На его слова, переведенные Огюстом, ученый ответил улыбкой. Спускаясь вместе с Алинь с лестницы, он серьезно проговорил:

— Вера этого человека так глубока, что его стоило бы спасти. Если мой метод хорош для животных, он должен работать и на людях. Это лишь вопрос анатомии. Вы согласны со мной, Алинь?

— Конечно, — сказала она машинально, неспособная уже испытывать прежнее воодушевление.

Заботы о Жозе-Мари и Эль Браво, которого трясла лихо-

радка, заняли у Алинь весь вечер, и она даже не успела дожидаться на террасе возвращения лодки. Спустившаяся ночь принесла тревогу, так как Жан еще не вернулся; ложась в постель, она испугалась бессонных часов, которые ей предстояли. Но молодость и усталость взяли верх, и утром она корила себя за то, что смогла заснуть, несмотря на беспокоившее ее долгое отсутствие моряка.

«Странно, как быстро привыкаешь, — думала она. — Но ведь я хотела исцелиться».

Однако, когда Огюст вскоре возвестил, что «Форверт» показался на горизонте, забившееся сердце подсказало молодой девушке, что исцеление это было ненадежным. Впервые в жизни она сочинила невинную ложь и исчезла из лаборатории под предлогом визита к больным; она обошла вокруг всего здания, чтобы не столкнуться с Анри, который несомненно навязался бы ей в спутники — и быстро побежала вниз по тропинке.

— Надеюсь, что мое отсутствие никого не беспокоило, мадемуазель? — весело крикнул ей моряк, причаливая к берегу. — О, у меня новости, вы будете поражены.

Она нашла его преобразившимся, светившимся какой-то радостью, причину которой ей хотелось поскорее узнать. Несомненно, такое действие оказало морское путешествие после долгой вынужденной праздности. Он прыгнул на мостки, порывисто обнял ее и с необычным для него красноречием начал рассказывать.

— Как вы думаете, кого я встретил в Порт-оф-Спэн после того, как ссадил моих пассажиров? Ни за что не отгадайте, Алинь. Отца Тулузэ собственной персоной. Но этот отец Тулузэ был совершенно неузнаваем! Он похудел, пожелтел и искал специалиста по болезням печени. Врач посоветовал ему переменить климат. Поездка во Францию может восстановить его здоровье.

Они обедали вместе вчера вечером, и Жан стал исповедоваться миссионеру в своих проектах и заботах. Где достать две-три тысячи франков на экипировку, покупку лодки, оружия, необходимых инструментов и провианта?

— Подумайте, какое счастье, Алинь! Аббат только что про-

дал золотого порошка на двадцать тысяч франков. Он одолжил мне четыре тысячи, которые я верну ему по возвращении во Францию, и это еще не все! Этот чудный человек дарит мне большую пирогу — скоро он пришлет ее с индейцами. Я вне себя от радости, Алинь!

— Я очень счастлива за вас, — сказала она с вымученной улыбкой — Вы видите, какой я сделалась благоразумной.

Он взял ее за обе руки, долго смотрел на нее и сказал серьезным голосом:

— Вы благоразумны и мужественны. Если такая женщина, как вы, согласна на дружбу с таким жалким существом, как я, то я могу только этим гордиться и чувствую, что это придаст мне неисчерпаемые силы.

С помощью матроса вытащил катер на берег и перенес его груз в хижины, устроенные индейцами отца Тулузэ у подножья скалы. Не переставая работать, он давал краткие объяснения молодой девушке, рассказывая ей о жизни искателя золота.

В ожидании аппарата для автоматического промывания золотоносного песка, выпisanного из Соединенных Штатов, все его оборудование составляли кирки, лопата и большие деревянные корыта. Плотничьи инструменты были необходимы для постройки хижины. Ружья — для добывания дичи. В девственном лесу нельзя сделать двух шагов без широкой сабли, которой рассекают лианы, что делают джунгли непроходимым — не говоря уже о том, что это лучшее оружие для защиты от диких кабанов.

Мешочки соли, пороха и свинца среди индейцев заменяют деньги, а консервы взяты на тот случай, когда не будет дичи. Гильза с динамитом, брошенная в хорошее место реки, может дать шестьдесят фунтов рыбы, а семена почти мгновенно созреют в девственной земле и дадут прекрасный урожай салата и редиса возле хижины.

О некоторых предметах он высказывался очень кратко, боясь испугать сердце женщины ужасами тропического леса. Был, например, флакон с противоядием от укуса змей: в тех местах они встречаются на каждом шагу и даже запол-

зают в хижины.

— Там есть такие, чей яд действует молниеносно, в семь секунд! Их называют «сиет-пазос» — «ваши счета покончены».

Этот кусок марли? Но там нельзя спать без покрывала из-за mosquitos, столь многочисленных, что их проглатываешь во время разговора, и еще больше из-за летучих мышей-вампиров: они вцепляются в нос или в ухо спящего и высасывают кровь, текущую из царапины. Этот бидон со скипидаром для того, чтобы каждое утро смазывать себя с головы до ног, иначе мириады «гарапата» будут бегать по вашей коже, выбирая местечко, чтобы вонзить свои хоботки.

— Жизнь лесного бродяги не очень-то весела, — сказал, улыбаясь, Лармор.

Очевидно, картина, нарисованная им, была достаточно выразительна — об этом говорило озабоченное лицо Алинь.

— Как можно жить среди этих ужасов?

— Привыкают. Именно благодаря этим ужасам, решительный человек может составить себе состояние в диких краях.

Когда они взобрались наверх, Огюст только заканчивал приготовления к завтраку. Жан торопился передать ученому почту; в ней были письма от Гарольда и миссионера. Профессор и Жюльен были заняты опытами в лаборатории; пришлось несколько раз постучать, прежде чем Зоммервиль ворчливо открыл дверь.

— Неужели нельзя добиться ни минуты покоя?

Схватив пакет, он снова закрыл дверь на ключ и швырнул письма на стол. Жюльен подобрал конверт, упавший на паркет, и протянул его профессору.

— Почерк моего брата, — равнодушно заметил тот. — Прочитаем потом.

Но, сразу раздумав, он разорвал конверт и с первых же строк издал какое-то рычание, предшествовавшее целому потоку брани: его брат был негодяем, а женщина — проституткой.

— Смотрите, Мутэ, смотрите, до чего может дойти человеческая низость.

Он властно настаивал.

— Да, да, я хочу, чтобы вы прочли, чтобы вы прочли вслух, я непременно этого хочу! Пусть льются на меня помои! Это будет началом моей кары. Читайте!

«Мой дорогой старик», — начал Жюльен.

— Дорогой старик! Бандит!

«Когда капитан Лармор передаст тебе эти строки, мы будем уже на пути в Европу. Мы — это, конечно, Элен и твой несчастный брат, обезумевший от любви. Ты сам знаешь, как она пленительна. Поэтому ты не будешь сердиться на меня за то, что я потерял голову. Наоборот...»

— Вот это жемчужина! Жемчужина в навозе!

«Наоборот, ты должен быть мне благодарен, потому что она потянула бы тебя в роковую бездну, тебя — великого ученого, от которого человечество ждет благодеяний, в то время как в моей любовной карьере будет только одной победой больше. Эта крошка порочна и забавна. Там, где ты имел бы глупость жениться, я просто глупо позабавлюсь».

— Одинаково циничны, и он и она!

«Ты будешь благодарить меня. Относительно Анри я придумал следующее: Тулузэ, которого я здесь встретил, скоро поедет в Европу и может взять его с собой. Это будет прекрасно. Как видишь, я обо всем подумал. Итак, тепло жму твою руку...».

— Вы забыли постскрипtum, переверните страницу.

И Жюльен перевернул:

«Элен соскочила с постели, желая видеть, что я пишу. Она хотела прибавить несколько слов, но я воспротивился этому из боязни тебя оскорбить. Она шлет тебе свои добрые воспоминания»,

— Ну, что скажете, Мутэ?

— Постскрипtum замечательный.

— Скажите лучше, гнусный. Заметьте, что я говорю совершенно хладнокровно. Вы сейчас убедитесь, что я успокоился после первой вспышки гнева. Я только жалею, что имею братом круглого дурака: он хвастает тем, что отбил у меня девчонку, а сам красит бороду и волосы, стараясь ка-

заться моложе. Однако, как бы глуп он ни был, он говорит правду — он оказал мне услугу. Он освободил меня от этого создания, от которого я сам не сумел избавиться. Вы не отец, Мутэ, поэтому вы не можете понять, какое смущение я испытывал, навязывая общество этой авантюристке моему обожаемому сыну.

Жюльен, сдерживая улыбку, тонко заметил:

— Я вполне понимаю, что вы теперь чувствуете себя лучше.

— Не правда ли, это заметно? И подумать только, что я мог избрать для своего ребенка подобную мать! Это подло...

Позвонили к завтраку. Он отослал Жюльена, прося его прислать два яйца и бисквиты. Одна из обезьян, оперированная накануне, утром умерла, и ученый хотел вскрыть ее немедленно. Профессор вышел из лаборатории поздно ночью и все следующие дни завтракал и обедал у себя наверху. Его видели только за ужином. Все старались его развлечь: Анри — своей сыновней нежностью, Жюльен — комическими рассказами. Одной лишь Алинь удалось извлечь из него несколько слов о текущей работе и намеченных опытах. Это были внезапно, как вспышка, вырвавшиеся слова:

— ...Хватит с меня работать над животными!.. Мне теперь нужен человек! Я готов! Окончательно готов!

Однажды вечером, когда заговорили о близком приезде отца Тулузэ, обещавшего привезти новый транспорт животных и на обратном пути захватить Анри в Порт-оф-Спэн, профессор стукнул кулаком по столу и воскликнул:

— Прислал бы он мне дикарей вместо животных! Да, или нет, наконец. Добился я чего-нибудь или нет? И подумать, что у меня под рукой такой чудесный материал в лице этого старого негра, который с утра до вечера умоляет меня вернуть ему молодость! Это может привести в отчаяние.

Алинь и Жюльен знали причину его отчаяния. Как показывали последние опыты, способ лечения, примененный к животным одинакового вида, давал чудесные результаты, но влек за собой неудачи при невыполнении этого условия. Щитовидная железа обезьяны не ассимилировала фермент, извлеченный из железы грызуна, и попытка влекла

за собой серьезные осложнения. Следовательно, напрашивался вывод: чтобы обновить человеческие клетки, необходим человеческий фермент; чтобы вернуть человеку молодость, надо приговорить другого человека к преждевременной старости. И вот однажды, когда он спустился к ужину, шумный спор вывел его из задумчивости.

Браво ругал Огюста и требовал у него двойную порцию вина. Ученый сделал к ним несколько шагов, и в глазах его зажегся огонек, когда они встретились со свирепым взглядом бандита.

В этот вечер Зоммервиль удивил всех своим приподнятым настроением. Теперь он знал, из какого источника почерпнет фермент молодости...

Глава XIII

Старики, вот она, вечная юность!

— В сущности, — разворачивал ученый свою теорию перед Алинь, Жюльеном и сыном, присутствовавшим при дискуссии, — я считаю, что отныне имею право приложить мой метод к высшему животному, называемому человеком. Из тридцати объектов опыта, доставленных мне Тулузэ два месяца тому назад, погиб только один и вам известно, почему: мы привили ему фермент, взятый у существа другого вида. Следовательно, можно считать доказанным, что пересадка фермента «Жи», выполняемая в подходящих условиях и среди существ одинакового вида, не подвергает их риску смерти. Кроме того, мы имеем основания думать, что субъект, у которого взято небольшое количество этого фермента, с течением времени восстанавливает его путем усиленного питания. Этот пункт еще недостаточно обоснован научно, но мы имели случаи убедиться, что признаки старости склонны к ослабеванию у некоторых из субъектов, подвергнутых опыту.

— Это, действительно, очень интересное указание, — подтвердил Жюльен. — Как жаль, что эти ферменты не поддаются химическому анализу. Можно было бы облегчить их восстановление разумным подбором питательных веществ.

— Этот вопрос я предоставляю решать моим последователям. Я не хочу тратить свою энергию в погоне за несколькими целями. Передо мной твердо установленный факт: мой фермент служит возбудителем животной клетки и его действие вызывает всеобщее омоложение тела. Я не претендую на нечто неосуществимое: было бы безумно захотеть уничтожить смерть, которая есть не что иное, как одно из состояний материи. Я стремлюсь к другому: продлить жизнь. В хорошо организованном обществе мой метод позволит продолжить активность и существование полезных людей за счет людей бесполезных; у последних в этом мире будет только одна функция — производить фермент «Жи». Ну,

послушайте! Неужели вы задумались бы отнять молодость у такого чудовища, как Браво, и вернуть ее такому славному человеку, как Жозе-Мария! Я вас спрашиваю, Алинь?

Захваченная врасплох этим вопросом, она ответила не сразу.

— Я знаю, что сделала бы все, что угодно, чтобы вернуть здоровье старому негру.

— А я, папа, не колебался бы ни минуты, — воскликнул Анри, полный энтузиазма. — Если бы понадобилось немного моей молодости для какого-нибудь великого ученого, я бы пожертвовал собой.

— А вы, Мутэ? — серьезно спросил Зоммервиль. — Если бы вам пришлось делать выбор между здоровьем такого убийцы, как этот каторжник и старостью такого человека, как негр, на что бы вы решились?

Жюльен принял свирепый вид.

— Браво — злодей. Знаете, что он сделал на днях, когда я заботливо перевязывал ему раны? Он вытащил из моего кармана портсигар. Вот вам мой ответ.

Один только Анри усмехнулся этой шутке. Поглощенный своими мыслями ученый был неспособен шутить. Молодая девушка была под властью наваждения. Любовь дарила ей только горе и слезы, и она искала забвения в науке. Она думала, что силой воли она вернет себе прежний пыл, ту наивную веру, которую ей внушал гений учителя, когда она на его зов явилась сюда из Парижа. Благодаря своей настойчивости, она сумела сосредоточить всю внутреннюю энергию и снова увлеклась изысканиями Зоммервиля. Таким образом, предстоящий отъезд Жана не оставит ее безоружной. Наука снова захватит ее. Работа заставит ее забыть огорчения.

Вырываясь из лаборатории, она ухаживала за Жозе-Марией. Негра каждый день выносили на террасу, где для него было приготовлено кресло. Она больше не встречала Жана Лармора в часы трапез, так как он часто отлучался — то высматривал с вершины скалы пироги отца Тулузэ, то охотился в лесу с Анри, охотно проводившим время в его об-

щество. Однажды они встретили каторжника: тот рассматривал и собирал какие-то травы.

— Смотрите-ка, пожалуйста, Браво занимается ботаникой! — неожиданно произнес за его спиной Жан. — А я думал, он еще валяется в постели.

Браво насмешливо ответил:

— Я почувствовал, что покрываюсь плесенью, капитан.

— Ну, раз ты уже почти здоров, можешь убираться отсюда.

— Это вы так считаете, а вот патрон обо мне очень заботится. Он мне удвоил порцию вина, каждый день со мной болтает, как товарищ. Нет, капитан, теперь не время уезжать.

— И что же, ты для него собираешь этот букет?

— Конечно. У вас американский глаз, капитан Лармор, от вас ничего не скроешь.

— В особенности ложь, — сказал Жан, схватив пучок растений, которые каторжник складывал в виде букета. — Я мало понимаю в травах, но держу пари, что это ядовитые растения и что ты их великолепно изучил.

— Вот тоже!

— Хотел бы я иметь столько тысячных билетов, сколько ты отравил индейцев и испанцев.

— Ну, если вы верите в то, что вам про меня рассказывали, я не стану с вами спорить. Доброй прогулки, господа.

Уходя, Жан шепнул Анри:

— На месте вашего отца я избавился бы от этого бандита, выдав его венесуэльской полиции. Теперь, когда его силы восстановлены, он способен разгромить весь остров.

— Вы преувеличиваете, месье Лармор, — запротестовал молодой человек. — Во всяком случае, отец им сильно интересуется.

— Вот это меня удивляет. Как ученый человек может терпеть общество подобного скота?

— Мой отец очень добр. Он не любит видеть чужие страдания.

— И что меня еще больше удивляет, так это то, что он к внезапно начал сочувствовать этому бандиту, хотя месяца-

ми не замечал его существования.

— Да, месье Лармор, — довольно весело ответил Анри, — у моего отца несколько изменчивый нрав.

Несмотря на намеки, вырвавшиеся у ученого, ни Алинь, ни Жюльен не могли бы удовлетворить любопытство Жана. Они также находили объяснение внезапного интереса, который Зоммервиль начал проявлять к Браво, в его непостоянстве. Впрочем, с тех пор, как авантюристка исчезла из жизни ученого, он как будто снова овладел всей полнотой своих умственных способностей, и его манера обсуждать малейшие наблюдения в ходе опытов не давала его сотрудникам повода думать, что все его действия и все мысли были продиктованы одной только навязчивой идеей.

Эта тиранившая его идея была связана с шеей бандита — с этой железой, где он почерпнет фермент для омоложения старого негра. Все остальное не имело значения. Существовала одна только эта железа, из которой родится его слава и увенчает все его работы. Эта мысль преследовала его днем и ночью. Если он улыбался за столом, то не шутке Жюльена и не милой выходке сына, а раздумьям о победе, которую поможет ему одержать над врагами железа каторжника. Если он протягивал бандиту гавану или прерывал свой обед для того, чтобы отнести ему тарелку лакомств, все это внимание относилось не к человеку, а к железе, которую он рано или поздно извлечет.

Как хищник, выжидающий удобного момента, чтобы броситься на свою добычу, кружил он вокруг этого человека — с той разницей, что он с помощью рассудка подавлял свое нетерпение, уверенный, что момент настанет и надо быть наготове. Боясь преждевременно открыть свои планы и тем самым поставить их успех под сомнение, он старался объяснить свой интерес к каторжнику правдоподобными причинами.

— Ведь можно написать книгу о его приключениях!

Он любил повторять, что бандит представляет собой великолепный объект для психологических наблюдений и что он находил истинный отдых в анализе умственных способностей каторжника и в возможности, благодаря его испо-

веди, восстановить развитие преступных наклонностей в совершенно нормальной натуре и ее регресс в сторону совершенно первобытной бессознательности. Доводя до конца свою хитрость, он показывал записную книжку, куда якобы изо дня в день заносил заметки. Но между строк, которыми он забавлял слушателей, читая извлечения из записей, выступала щитовидная железа человека, вернувшегося в дикое состояние. Зоммервиль горел нетерпением, возмущенным вместе с ожиданием. Оно диктовало ему планы действия, которые он долго обдумывал и отбрасывал один за другим. Но приступы временного раздражения рассеивались под влиянием навязчивой идеи, настойчиво сверлившей его мозг.

— Час придет, час придет!.. Он должен настать.

Ему рисовалась тяжелая болезнь, что свалила бы каторжника и предоставила бы его скальпелю ученого. Но несчастный бродяга жирел у всех на глазах с тех пор, как зарубцевавшиеся раны позволили ему свободно бродить по лесу, откуда вместе с собранными травами он приносил ненасытный аппетит. Потом другая картина пленяла воображение ученого. Браво, во время какой-нибудь вылазки в лес, может укусить змея... Нет, каторжник сумеет избавиться от действия яда: по словам капитана, он изучил целебную силу трав во время долгого пребывания среди индейцев...

— Час настанет. Он должен настать.

Профессор облюбовал другой план. Вызвать болезнь, что свалит этого человека и потребует вмешательства скальпеля. Мольбы Жозе-Марии становились с каждым днем все настойчивее. Когда же Великий Белый вернет ему молодость, как вернул ее собаке? Всякий раз, когда он выходил на террасу, он слышал голос старика, требовавшего свою долю волшебного лекарства с детской верой в могущество ученого. Он обдумывал этот план со всех сторон и, наконец, одобрил его: искусственно вызванная болезнь доставит ему драгоценную секрецию этой железы, которую он начинал уже рассматривать как нечто свое, как свою собственность.

Но какова будет эта болезнь? Необходимо выбрать такую, что позволит применить хирургическое вмешательство и не повредит общему состоянию пациента. Сначала ему казалось, что он очень легко найдет решение, порывшись в памяти или перелистав медицинские книги, но вскоре убедился в том, что число болезней, отвечающих его требованиям, очень ограничено. Однако, он продолжал свои поиски и улыбался своим затруднениям, так как был уверен, что час настанет, что он уже близок.

Спускаясь из лаборатории, он всегда заходил к каторжнику, жившему в башне. Он всегда находил для него несколько любезных или шутливых слов и умел польстить его честолюбию. Профессор проявлял удивительную силу притворства, вовремя опуская ресницы и скрывая свирепый огонек, зажигавшийся в глазах. Но случалось, что он не соблюдал этих предосторожностей, и Браво, внезапно подняв голову, два раза подряд поймал на себе странный взгляд профессора, устремленный на его шею. Во второй раз ученый машинальным жестом провел рукой под подбородком, как будто застегивая воротник. Настойчивость этого взгляда начинала его раздражать.

— Вы не находите, что профессор немного рехнулся? — спросил он однажды Жюльена.

— Все великие люди полусумасшедшие, — заметил лаборант.

— Но почему он всегда смотрит на одно и то же место? Вот сюда — на горло.

— Наверное, какая-нибудь мелочь привлекает его рассеянный взгляд. Может быть, у вас есть какая-нибудь отметина... Может быть, родинка... Ну конечно, я угадал. У вас тут вздулся прыщик.

— Пустяк, — сказал Браво, проводя пальцем по левой стороне шеи, — укус москита.

— Возможно, но стафилококк, друг мой, уже расположился в нем и у вас вырастет фурункул!

— Что за гадость! Этот сумасшедший, верно, меня сглазил!

Когда Жюльен упомянул об этом событии за ужином, странный, удививший его огонек зажегся в глазах ученого. У него было такое ощущение, точно Зоммервиль изо всех сил сдерживает свою радость, пока разговор вертелся вокруг фурункула, который легко превращается в карбункул, требующий хирургического вмешательства. Когда Жюльен удалялся вместе с Жаном и Анри, чтобы полюбоваться фосфоресцирующим морем, он уловил краем уха слова, произнесенные возбужденным тоном:

— Я вам говорю, Алинь, что мы совершим великие дела. Я знал, что мой час настанет.

Его час настал. Он понял это на следующий день, принося каторжнику ежедневную дань гаванских сигар. Прыщик превратился в опухоль, красную у основания и фиолетовой у вершины. Профессор был уверен в своем диагнозе, так как десять лет назад сам страдал карбункулом. Он рассказал об этом случае бандиту.

— Разрез скальпелем и готово. Дело двух-трех минут — и всю боль как рукой снимет!

— Ну нет! — проворчал Браво. — Лучше я издохну, чем дам себя кромсать.

— Но ведь вас усыпят, вы ничего не почувствуете.

— Я попробую полечиться травами, мне это больше нравится.

Травы очень скоро ухудшили дело. Опухоль сделалась величиной с куриное яйцо, и бандит непрерывно стонал. Зоммервиль, навещавший его несколько раз в день, разжалобился и заявил, что эти стоны раздирают его душу. Он ласково уговаривал бандита, как бескорыстный друг, желающий положить конец его страданиям и вылечить его.

— Ведь это же неблагоприятно, друг мой, — из-за пустячной операции вы подвергаете себя риску смерти. Ведь такой карбункул, если его плохо лечить, приведет к заражению крови.

— Как жжет! — рычал бандит. — Как будто кто-то сверлит мне затылок.

— Это дело двух минут, самое большее. Я вас уверяю, что вы ничего не почувствуете. Я сам прошел через это.

Наконец, впавший от боли в отчаяние, бандит сам начал умолять об операции и план действий, созревший в мельчайших деталях, развернулся, как часовая пружина. Шарль Зоммервиль выразил желание поесть свежей рыбы, и Жюльен весело отправился на рыбную ловлю, что обычно занимало у него целый день. Оставшись наедине с Алинь, Зоммервиль сказал ей, что она может сообщить Жозе-Марии великую новость, так как в ближайший час он возьмет фермент молодости у каторжника, чтобы ввести его в организм старого негра. Он прочел в ее глазах отсутствие решимости и вспыхнул: чего она боится? У них на руках масса доказательств того, что пересадка ферментов, произведенная в хороших асептических условиях, не влечет за собой смерти оперированных. Бандит потеряет несколько лет своей молодости, потеряет свою силу — велика важность! А все преступления, которые он совершил! А человеческие жизни, которые он свирепо пожертвовал своим страстям!

Пока Маренго и Ляромье переносили ревившего от боли пациента на походную кровать, водворенную в лаборатории возле стола, где на белой скатерти были разложены инструменты и расставлены флаконы, Зоммервиль успел выйти на площадку и войти в комнату старого негра. Тот, приподнявшись на постели, целовал руки Алинь, тихонько отстраняя собаку, требовавшую свою долю ласки. Благодарность и радость светились во влажном взгляде, которым он глядел на Великого Белого, согласившегося вернуть ему молодость.

В сопровождении Алинь ученый вошел в лабораторию, где оставшийся в одиночестве Браво стонал от боли. Надевая белоснежный халат и готовясь к операции, он пытался отвлечь больного, рассказывая, какое облегчение несчастный испытает через несколько минут, когда проснется. Он бросил последний взгляд на приготовленные на столе инструменты и перевязочный материал и, попросив пациента лечь на бок, приблизил к его ноздрям пропитанный хлороформом тампон...

— Чисто сделано, — пробормотал профессор, покончив с карбункулом. — Теперь я себя вознагражу... Как я доволен,

что руки мои не дрожат!

Он снова старательно вымыл руки в спирте, не спуская глаз с горла, откуда он вырвет тайну жизни, это человеческое горло, преследовавшее его дни и ночи. Быстрыми и точными движениями скальпеля он обнажил щитовидную железу в основании гортани, отрезал кусочек от левой доли, положил его на блюдце, промыл рану и с помощью Алинь сделал перевязку, закутав шею толстым куском ваты.

— Чисто сделано, чисто сделано, — машинально повторял он.

Он взял драгоценное блюдце. Алинь, следовавшая за ним, держала обоими руками стеклянный поднос, на который он сложил инструменты. Открыв решительным движением дверь, ученый улыбнулся старому негру. Старик протянул к нему в молитве свои исхудавшие руки и не спускал с него зажженных горячей верой глаз.

Как бы желая засвидетельствовать действительность магического лекарства, излечившего его от дряхлости, Дик прыгал вокруг постели, угрожая опрокинуть, стол. По приказанию профессора, Алинь вывела пса из комнаты. В то время, как девушка протирала спиртом нижнюю часть подбородка и шею, старик с благодарным выражением бормотал какие-то слова. За дверью весело лаял пес. Понюхав хлороформ, старик запел свою любимую мелодию, те пять или шесть нот, что он обычно издавал своим дребезжащим голосом. Собака аккомпанировала ему лаем.

Когда негр затих, пес тоже умолк. Не выпуская руку старика и считая пульс, Алинь переводила глаза с хронометра на скальпель и на лицо спящего, улыбавшегося своей мечте...

Перед ней мгновенно встал образ негра, скачущего по джунглям и восхваляющего победу над старостью, и она, в свою очередь, с улыбкой смотрела на кровоточащую рану, в которой нарождалось чудо.

Ужасающий вой — мрачный вой собаки, заклинающей тьму и проклинаящей смерть — вдруг раздался за дверью. Какая-то тоска сжала сердце Алинь. Тоскливый, пронзительный вой не прерывался. Она вздрогнула — пальцы ее,

сжимавшие руку старика, не чувствовали больше биения пульса. Лицо старика все еще светилось тихой улыбкой. Тогда она стала отчаянно нащупывать пульс. И вдруг, потрясенная всем, воскликнула:

— Профессор, о, профессор!..

— Оставьте меня, — проворчал ученый, не отрываясь от работы.

— Профессор, он мертв!..

— Что за шутки! На вас действует проклятая собака! Я хорошо дозировал хлороформ и совершенно спокоен.

Однако, он приложил ухо к груди старика.

Сердце больше не билось!..

Сраженный, он не спускал глаз с лица негра, на котором застыла радостная улыбка.

Глава XIV

Призрак, улыбающийся во тьме

По просьбе Алинь, старый негр был похоронен возле его хижины, в том месте, где он раздавал свои скудные запасы лесным зверям.

Шарль Зоммервиль сопровождал кортеж, и все — кроме той, которая разделяла с ним его печальную тайну — были тронуты волнением, отразившимся в чертах и движениях ученого, когда он бросил горсть земли в могилу, где отшельник будет спать своим последним сном в тени пальм. Мюр, Ляромье и Жюльен опустили на колени возле мульты и негритянок, в то время как Жан Лармор читал молитву перед двумя ветками, связанными крестом. Не умея молиться, Алинь отдала последнюю дань слезами.

Напрасно на обратном пути Лармор пытался рассеять ее печаль. Улыбка, что послал ей негр на операционном столе, стала для нее отныне неизгладимым упреком. Эта улыбка непрерывно мучила и укоряла ее за лживую мечту, бросившую его — доверчивого и послушного — под лезвие ножа. Ничто больше не привязывало ее к жизни. Она вращалась в каком-то хаосе, где светилась только одна эта невыносимая улыбка. Разочарованная в науке и любви, испытывая страх перед будущим, где все дороги терялись во тьме, она впервые раз в жизни задумалась о конечном избавлении...

— Я очень огорчен, что вижу вас такой грустной, — настаивал Жан, расстроенный мрачным молчанием молодой девушки. — Надо примириться. Угаснуть в таком преклонном возрасте, как этот старик — разве это не завидный конец?

— Конец, которого я не дождусь, — прошептала она.

Потом, подняв на него странный взгляд, она решительным тоном произнесла:

— Когда пропадает радость жизни, единственный выход — добровольная смерть.

Он остановился, взволнованный ее словами, не осмеливаясь понять их.

— Алинъ, Алинъ, что вы хотите сказать? Я не могу поверить. Расставаться с жизнью из-за этого старика... Это непонятно.

— Для вас.

— Для меня, для всякого разумного существа. Вы страдаете, Алинъ, но вы ведь сильны и разумны. И сама мысль о самоубийстве должна вам казаться противной. Ведь это преступление — добровольно оставить жизнь.

Она не слушала. Когда он умолк, она высвободила руку и с внезапным порывом воскликнула:

— Я верила в вас, я верила в науку — больше я ни во что теперь не верю.

Но вскоре она опомнилась, подошла к Жюльену и напомнила, что надо перевязать каторжника. Ослабевший от двух операций Браво находился еще в состоянии, близком к оцепенению. На стук в дверь он полуоткрыл глаза и улыбнулся усталой улыбкой больного, переставшего страдать.

— Вы все-таки пришли, — прошептал он.

— Ну да, — сказал Жюльен. — Я же вам говорил, что мы идем хоронить бедного Жозе-Марию.

— Может быть... Когда этот старик закатил глаза?

— Вчера, в полдень.

— В то самое время, когда патрон резал мой нарыв? Вот повезло! Если бы негр издох часом раньше, меня оставили бы реветь до самого утра. Вот счастье, так счастье!

Когда Жюльен приготовился повернуть его на бок, чтобы снять повязку, он воспротивился.

— Нельзя ли отложить до вечера? Так хорошо лежать и ничего не чувствовать. Не трогайте меня. Не шевелите. Мне иногда кажется, что у меня такая же штука вот здесь.

Он указал рукой на переднюю часть шеи и пожаловался на жжение в этом месте.

— Странно, что там такое у меня в глотке? Я думаю, не ударил ли меня кто-нибудь ножом или мне это снилось?

— Под хлороформом, — заметил Жюльен, — люди испытывают странные галлюцинации. Всякое возможно, не прав-

да ли, мадемуазель?

Подняв глаза, Жюльен заметил, что молодая девушка отвернула голову, избегая глядеть на каторжника. Тот продолжал.

— Может быть. И это было бы для всех куда лучше, чем то, о чем я думаю. Я думаю, не раскромсали ли мне шею, пока я спал, как вы кромсаете ваших макак?

— Вы смеетесь!

С напряженным усилием больной приподнялся на локтях и заревел:

— Ничего смешного! Если так и было, я вас всех заставлю расплатиться! Вы узнаете кто такой Эль-Браво — Эль-Браво Свирепый! Если вы раскромсали мне шею...

Он упал на подушки, бросив гнусное проклятие, и потерял сознание.

Пользуясь этой минутой, Жюльен снял повязку, в то время как Алинь приготовилась промыть рану. Он едва сдержал крик и внимательно склонился над горлом больного, потом взглядом спросил молодую девушку: но она, пожав плечами, продолжала свои приготовления. Он прошептал:

— Значит, он был прав. Что это значит? Зачем оперировали горло без всякой надобности?

Он быстро наложил новую повязку и потянул Алинь из комнаты, бросив последний взгляд на каторжника, начинавшего приходить в чувство. Закрыв дверь, он остановил молодую девушку и сказал вполголоса:

— Запомните, что я вам скажу. Этот человек жестоко отомстит за себя. Я еще не понимаю, почему Зоммервиль разрезал ему горло; вероятно, для того, чтобы поближе увидеть в деятельном состоянии одну из этих щитовидных желез, на которой он помешался. Я вам предсказываю, что это любопытство дорого будет стоить кому-нибудь, если не всем, и я вам заявляю, что я не желаю быть одним из этих всех. С первой же лодкой я уберусь отсюда подальше.

Он снова остановился на лестнице.

— Сегодня утром, когда мы возвращались с похорон, Ляромье рассказал мне одну историю... Знаете ли вы, почему Браво с тем товарищем, которого он убил, причалили к это-

му острову под предлогом кораблекрушения? Они верили в существование сокровища флибустьеров. Это легенда, что переходит из уст в уста среди искателей приключений в Гвиане. Если бы они сохранили свое оружие, они не оставили бы никого из нас в живых. Вчера утром, роясь в вещах Браво, оставленных в башенной комнате, Ляромье нашел бумагу. На ней был грубый план замка. Кроме того, он нашел еще одну вещь: тетрадку, содержащую таинственные указания и рисунки растений. Вы понимаете, Алинь, куда это нас ведет? Вы понимаете?

Она пожала плечами, показывая, что ей все безразлично, даже смерть, на которую намекали слова Жюльена. Он возбужденно договорил:

— Бандиту известны самые ужасные тайны индейских колдунов, и я считаю его способным отравить из мести нас всех, если он узнает, что послужил предметом опыта. Во всяком случае, здесь начинает пахнуть бедой, и я вам повторяю, что немедленно подаю в отставку. Лучше уж я останусь какой-нибудь мелкой пешкой. Это не так шикарно, зато безопасно!

К нему снова вернулось хорошее расположение духа, и он спросил:

— А вы, Алинь? Не вечно же вы будете сидеть на этом острове?

Она покачала головой.

— Уверяю вас, что смерть не пугает меня.

— Меня тоже, черт возьми, но слишком рано отдаться ей на посмешище. Позвольте, не для того меня родила моя мать, чтобы я оставил свой прах на этой скале. Пока есть выбор, я предпочитаю Пер-Лашез.

После паузы он проворчал:

— Я лезу из кожи вон, шучу, а вы даже не усмехнетесь.

— Жизнь мне кажется такой враждебной.

— Жизнь враждебна? Зависит, с какого конца ее взять.

Он сердечно положил руки на плечи молодой девушки.

— Позвольте мне говорить с вами, как с товарищем, как с другом. Вот что. Мне кажется, вам надо бросить лабораторию и поступить на флот, ибо он любит вас, Жан Лар-

мор! И вы не презираете его. Да ну же, улыбнитесь!

Она отвернулась и прошептала:

— Это тоже мечта. Нас очень многое разделяет...

— И очень многое сближает. И последнее важнее первого. Хотите знать, что я думаю? Будь я Алинь Ромен, я хорошо знаю, что я бы сделал. И то же самое должна сделать такая разумная женщина, как вы, то есть самым глупым образом прыгнуть в пирог, которая скоро унесет Жана Лармора навстречу его судьбе, и тем самым понестись навстречу вашей судьбе, которая заключается в том, чтобы стать мадам Лармор!

— Мы совершенно разные люди!

— Как женщины любят все усложнять! Что же вы делаете? Вернуться во Францию?

— Я ничего не знаю. Я хочу оставить этот остров. Он мне противен. Я здесь слишком много страдала. Я здесь слишком страдаю.

— Я же начну с того, что подам в отставку и потребую свое жалованье.

Он отправился отыскивать Зоммервиля и, узнав от Огюста, накрывавшего на стол, что профессор заперся у себя в комнате вместе с сыном, решил, что поговорит о своих делах за обедом. Но Анри извинился за отца: утомленный ходьбой и волнениями этого утра, он испытывал потребность отдохнуть.

На самом деле Зоммервиль старался в одиночестве скрыть свою досаду. Уничтоженный плачевным концом своего опыта, он пытался подавить в себе жалость. Навеки уснувший старый негр, улыбавшийся надеждам на вечную молодость, терял свою индивидуальность и принимал вид безличного больного, которого врач не сумел излечить. Он силился раз и навсегда рассеять аргументами утрызения совести, чтобы свободно обдумать этот случай.

Причины провала казались ему чисто случайными. В сущности, будь у него под рукой было другое анестезирующее средство вместо хлороформа, например, закись азота, старик превосходно перенес бы операцию, которая сама по себе совершенно незначительна. Но не всегда же эти неуда-

чи будут преследовать его! Его час настанет. Он сумеет добиться окончательной победы, найдя среду более удобную, чем этот пустынный остров, где он ни за что не должен был поселиться...

Жюльен увидел ученого только на следующее утро, выходя из лаборатории после перевязки каторжника, снова развернувшего перед ним свои мстительные планы. Но Зоммервиль оборвал его с первых же слов.

— Вы не один уедете, дорогой Мутэ. Я тоже хочу покинуть этот нелепый остров, где захотел похоронить себя в минуту безумия. Меня зовет более широкое поле деятельности.

Жюльен упомянул о Франции и Париже.

— О, нет еще, — вставил ученый. — Я хочу вернуться в научную среду только с доказательствами и руках, только с неоспоримыми доказательствами. Я должен раздавить своих врагов и вернуться в расцвете славы. Этого я хочу во что бы то ни стало.

Он развернул план, который обдумывал с прошлого вечера. Он оставит остров и устроится в каком-нибудь городе на побережье, безразлично в каком, с единственным условием: в нем обязан иметься госпиталь.

— Мне незачем объяснять вам, Мутэ — вы в курсе моих работ, — что я здесь в плену у обстоятельств. Все они враждебны развитию моих мыслей и окончательному осуществлению моего открытия. Я везде найду стариков для омоложения, но щитовидные железы, что доставят мне фермент, я могу найти только в госпитале, снабженном помещением для вивисекции. Понятно?

— Да, действительно...

— Я нахожу смешным, что мне понадобилось случайное вмешательство карбункула, чтобы получить немного фермента. Как можно работать в подобных условиях!

Ученый начал жаловаться на свои неудачи. Жюльен не смог подавить волнения, когда внезапно понял, что между оперированным горлом каторжника и внезапной смертью старого негра существует связь. Ему вспомнилась подавленность Алинь, и он захотел узнать истину.

— Меня вчера не было весь день, и я не знал, что Браво подвергся...

Зоммервиль прервал его взрывом хохота, показавшегося Жюльену диким.

— Ха-ха... Дело было сделано чисто. Я начал с того, что удалил вас, потому что хотел остаться один и рассчитывал поразить вас результатами. Не будь этой неудачи, результаты были бы отличными. Я был наказан за свое доверие к хлороформу. Ведь я должен был знать, что сердце старика в плохом состоянии. Теперь я вижу, что мне нужен в качестве сотрудника опытный врач. Вот одно из тех многочисленных преимуществ, что даст мне город. Вы понимаете, Мутэ?

Жюльен пробормотал:

— Значит, старый негр...

— Погиб от ослабления сил под действием хлороформа, да. А между тем, все шло великолепно. Подумайте, как я был обескуражен, когда внезапно заметил, что привил железу молодости мертвецу. Не будь я так спокоен, не будь я уверен в том, что принесу человечеству одну из самых блестящих побед науки, было бы от чего с ума сойти.

Профессор заговорил о том, какие услуги он окажет человечеству, доказывая, что эти услуги стоят нескольких жизней. Не умея разобраться в своих чувствах, не зная, достоин ли профессор сожаления или возмущения, Жюльен испытывал потребность обмениваться впечатлениями с Алинь: ему казалось, что теперь он понимает, почему этот проклятый остров внушал молодой девушке такой ужас. Он искал ее на обеих террасах и увидел издали, как она медленно спускается по тропинке в обществе Жана Лармора. Он пошел за ними, не решаясь, однако, помешать им. Вдруг моряк обернулся на шум его шагов и подозвал его:

— Помогите мне, дорогой, — сказал он с принужденной улыбкой. — Вы, ученые, лучше умеете разбирать всякие трудные случаи. Но прежде всего — вы, конечно, знаете отчего умер Жозе-Мария?

— Я только что узнал об этом из уст его убийцы.

— Его убийцы! Слышите, Алинь? На нем одним ответ-

ственность за этот поступок. Поэтому, когда вы говорите об угрызениях совести только оттого, что вы присутствовали при этом, я уверяю вас — и месье Мутэ, конечно, такого же мнения, — что для вашего отчаяния нет причины.

— Я все еще вижу перед собой улыбку старика, — прошептала она, ломая руки. — Зачем соблазнила я его этой лживой мечтой!

— Но его наивная вера родилась оттого, что он увидел, как резвится его старый Дик! — воскликнул Жюльен. — Вы подали ему надежду, что он восстановит свою молодость. Я могу себе самому адресовать такой же упрек, но я этого не делаю. Мы можем винить себя только в одном: в том, что мы так увлеклись результатами зоммервилевских опытов над собаками и обезьянами, не дожидаясь, пока эти результаты покажут себя действительными или ложными; в том, что поверили в возможность чуда. Вот все, в чем мы можем себя упрекнуть. Мы поверили безумцу, которого приняли за творца.

Жан нежно взял молодую девушку за руку.

— Обещайте мне, что вы больше не будете предаваться отчаянию, Алинь. Я взываю к вашему рассудку, как друг, как брат.

Жюльен внимательно посмотрел на них, покачал головой и вдруг сказал:

— Вы не понимаете, до чего вы смешны!

И, так как они изумленно глядели на него, он сердитым тоном, за которым скрывал волнение, пояснил:

— Смешны. Прежде всего вы, Лармор, собирающийся искать счастья в какой-то дьявольской стране, населенной дикарями и дикими зверьми, куда женщина нашей расы никогда за вами не последует. А потом вы, Алинь. Вы не хотите понять истинной и единственной причины вашего отчаяния. Вы вбили себе в голову, что никогда не сделаетесь женой человека, которого вы любите! Вот что вас грызет!

Они не находили слов для ответа и смущенно отвернулись.

Через десять дней после смерти Жозе-Марии, в субботу вечером, перед ужином, когда ночь уже спустилась с облачного неба, Огюст вдруг прислушался и велел замолчать негритянке, любезничавшей с Жюльеном на креольском языке. Мулат выбралил ее непонятными словами, которые Жюльен, гордый своими филологическими познаниями, перевел для Жана и Алинь, прогуливавшихся по террасе в ожидании ужина:

— Он спрашивает у нее, не слышит ли она голоса внизу... Право, там как будто кого-то зовут.

Мулат все время напрягал слух и вдруг радостно закричал:

— Отец Тулузэ, отец Тулузэ вернулся!

— Не может быть! — воскликнули в один голос Жан и Жюльен.

Каждый взял по фонарю, висевшему над столом. Затем они бросились вниз по тропинке, уже окутанной тьмой. Не дойдя еще до подошвы скалы, они убедились, что слух мулата не обманул их. На берегу лежала пирога и возле нее при свете факела, который держал в руках миссионер, возились несколько индейцев. Аббат радостно обратился к ним:

— Да, это я, дети мои. Оставили вы мне чего-нибудь поесть? Мои дикари захотели убить огромную черепаху: моя несчастливая звезда заставила ее попасться нам навстречу. И вот, ловля этого чудовища задержала нас до поздней ночи. В моей пироге сейчас сто кило свежего мяса.

Он весело продолжал:

— В вашей пироге, капитан! Не правда ли, она достаточно велика и красива? Вы можете отчалить хотя бы сию минуту. Мои дикари в вашем распоряжении. Вы отправитесь завтра? Нет, завтра воскресенье... Лучше в понедельник.

— Конечно, в понедельник. Не знаю, как вам выразить свою благодарность! Вы мой спаситель!

— Пустяки. Я вам даю ее взаймы. Если вы разбогатеете, отошлете мне пирогу, нагруженную мешками золота. Ну что ж, пойдем наверх. По дороге вы мне сообщите все новости. Как поживает наш ученый? Его сын? Алинь?

Дорогой аббат узнал все, что происходит в замке. Анри Зоммервиль уже три дня в постели. У него сильные боли в голове и какое-то странное недомогание.

— По всей вероятности, болотная лихорадка?

— Не думаю, — сказал Жюльен. — Насколько я понял, температура у него нормальная. Алинь находит, что он говорит с трудом, хриплым голосом.

— Может быть, ангина?

— Ничего не известно. Зоммервиль-отец не показывался уже два дня.

— Одна Алинь имеет доступ в комнату, — добавил Жан.

— Вопрос еще, — заметил миссионер, — достаточно ли у Зоммервиля медицинских знаний?

— Я в этом теперь сильно сомневаюсь...

По тону Жюльена миссионер понял, что во время его отсутствия произошло что-то серьезное.

— Кто-нибудь умер?

— Жозе-Мария.

— Старый отшельник? Наверное, от старости. Ведь ему уже было лет восемьдесят. Отчего вы не отвечаете?.. А вы, Лармор?

— Это не моя тайна, — прошептал моряк.

Жюльен решил рассказать о плачевном опыте, о том, как каторжник подвергся двойной операции и как старый негр, улыбаясь в ожидании обещанного чуда, погиб под парами хлороформа.

— Как печально, — простонал аббат. — А другой? Как он вышел из этого дела?

— Слишком хорошо, — проворчал Мутэ. — Через два дня после операции он был на ногах. Вы увидите, как он бродит вокруг дома с глазами гиены, в которых можно прочитать дьявольскую ярость убийцы, еще не наметившего себе жертву..

— Эль Браво — это имя вам ничего не говорит, отец? — прервал Жан.

— Эль Браво? Душитель индейцев? — вздрогнул аббат. — Неужели он? Как вы не прогнали с острова этого злодея? Вы должны были предупредить Зоммервиля!

— Лармор предупредил его, — заметил Жюльен, — но подите, поговорите с человеком, который находится под властью навязчивой идеи!

Напрасно Жюльен старался развеселить общество, сидевшее за столом. На его выходки отвечали деланными улыбками, которые сейчас же пропадали в общей тревоге. Над Алинь и Жаном тяготела неизбежность разлуки; чувствуя, что какой-нибудь пустяк может переполнить чашу их страданий, они упорно избегали глядеть друг на друга. Но Тулузэ решил последовать примеру Жюльена и нарушить общее оцепенение. Он взялся за моряка.

— Как видно, мысль уехать через двое суток уже не приводит вас в такой безумный восторг, как раньше. У вас очень мрачный вид, мой друг Жан.

— Это только так кажется.

— Вы должны были быть веселее нас всех. Ведь в понедельник вы понесетесь навстречу жизни, полной приключений, а мы обречены на нитье здесь, на этой скале. Кстати, как вы назовете вашу прекрасную пирогу?

— «Надежда», — сказал Лармор, ища взгляда Алинь.

— Несколько банально, друг мой, надо придумать что-нибудь получше. Вот, мадемуазель Алинь нам поможет. Каюта из листвы придает этой красивой лодке нечто венецианское. Если бы вы женились и увозили с собой вашу жену, я предложил бы вам название «Свадебная гондола». Но ведь вы не увозите...

Он резко оборвал, заметив эффект, произведенный его невинной хитростью.

Мужчины, переглянувшись, вздрогнули, в то время как Алинь, побледневшая в свете фонарей, отвернулась, прижимая платок к губам.

— Простите, я, кажется, сказал что-то неподходящее? — смущенно произнес аббат. — В этом виноваты усталость и, может быть, вино, от которого я отвык... Право, я смущен.

Когда Жюльен и Жан успокоили его, он попросил Огюста отвести его в комнату, сказав, что увидит ученого утром.

Алинь ушла к себе. Всю ночь она не спала и встретила рассвет с мрачным небом, загроможденным низкими туча-

ми, почти свисающими на неподвижное серое море. Сердце было сдавлено бесконечной тоской.

— Последний день! — вздохнула она. — Неужели правда, что в моей жизни не будет больше солнца, неужели предстоит один только мрак?

Она пыталась вернуть себе хладнокровие, продолжая одеваться. Нельзя предаваться отчаянию в двадцать четыре года... Она постарается забыть... Всякая рана заживает... Напрасная попытка. Каждый новый повод наталкивал ее на вопрос, преследовавший ее со вчерашнего дня: когда она очутится завтра одна — когда Жан оставит ее — найдет ли она в себе силы сопротивляться желанию умереть, раствориться в небытии...

— Нет, нет, — отвергла она эту мысль, — надо найти в себе силы жить.

Утром на площадке, в халате, с обнаженной головой и блуждающими глазами, появился Зоммервиль и закричал издали:

— Аббат, я начинаю терять терпение! Бросьте вы ваши бесконечные молитвы, идите скорее к сыну, скорее...

Аббат знаком показал, что не может еще нарушить молчание, но Зоммервиль настаивал:

— Я вас прошу прийти сейчас же, повторяю вам, ради сына!

— Сейчас, — произнес Тулузэ, поспешив войти с Жаном в дом.

Подошедшему Жюльену, который хотел спросить о состоянии больного, ученый закричал:

— Меня оставляют одного вместо того, чтобы мне помочь.

Увидев священника, Зоммервиль потянул его за рукав и увлек за собой, взволнованно повторяя:

— Я не знаю, что с моим сыном, не знаю... Я ничего не могу найти в моих книгах!

На террасе образовалась группа. Переговариваясь вполголоса, никто не заметил ни физиономии Браво, высунувшейся из окна, ни его взгляда, в котором горели какие-то странные огоньки.

— Раньше он никого не впускал в комнату больного, — прошептал Жюльен, — а теперь упрекает нас в бездеятельности.

— Что могло случиться с молодым человеком?

— Вот аббат: он, наверное, нам все расскажет!

— Ужасно, — произнес сдавленным голосом Тулузэ. — Я предпочел бы ошибиться. Отравление. Индейский яд, действующий на отдельные доли мозга и, так сказать, превращающий человека в животное... Прежде чем сказать что-нибудь определенное, я хочу посоветоваться с индейцем Пабло.

— Я приведу его, — предложил Лармор, бросившись вниз по тропинке.

Глава XV

Человек-зверь

— Теперь я отчетливо вспоминаю ваш рассказ, — произнес несколько позже Жюльен, — и ваши слова еще звучат в моих ушах, настолько сильно он тогда подействовал на меня. Мы приходили в восторг от опытов Зоммервиля и кто-то из нас, кажется Алинъ, удивлялась, что вы не разделяете наш энтузиазм.

— Наш энтузиазм — дело прошлого, — горько сказала девушка.

— И вот, когда мы говорили о чудесах науки, вы, в противоположность этому, рассказали про индейцев, знающих растения, которые разрушают духовные способности. Человек превращается в тело без души.

— Это не тот случай, — прервал его миссионер. — Мне кажется, я упоминал вам и о другом... Да, конечно, человек, превращенный в животное. Несчастный, выпивший этот яд, сначала теряет способность к речи и произносит одни только нечленораздельные звуки, словно у него частичный паралич языка.

— Потом он теряет ощущение равновесия.

— Да-да, он перестает держаться на ногах, как будто тяжесть головы влечет его вниз.

— И, в конце концов, он начинает ходить на четвереньках, испуская рев — так, что ли?

— Да, рев и пронзительные крики, от которых мороз продирает по коже. Эти крики никогда не забудешь.

— И вы думаете, отец, — умоляюще спросила молодая девушка, — что бедное дитя...

— Пока симптомы сходятся только на этих нечленораздельных криках. Я не знаю в точности хода этой ужасной болезни, поражающей, без сомнения, определенные нервные центры, но Пабло сразу увидит, ошибаюсь я или нет.

После долгого молчания Жюльен спросил:

— Эти больные, должно быть, ужасно страдают?

Аббат Тулузэ ответил не сразу.

— Я вам еще не говорил, что именно в этой болезни ужаснее всего. Нет, жертва ее не страдает физически, но зато ясность ума и способность рассуждать, как видно, пропадают не сразу. И эти незабываемые крики, о которых я вам говорил, не похожие ни на животные, ни на человеческие, вернее всего выражают дикое отчаяние несчастного, — ибо, превращаясь в животное, он сохраняет чувства и переживания человека. Бедняга кончает тем, что бросается в воду или же его близкие из сострадания кладут конец его мучениям.

— Какой ужас, — простонала Алинь, вся дрожа.

— Не знаю, — вмешался Гильермо Мюр, — верно ли, что эти больные не страдают физически? В молодости я жил среди дикарей в венесуэльской Гвиане, где я скупал каучук. Я видел одну молодую женщину, пораженную этой болезнью, которую они называют «вахимахура». Я видел ее так, как вижу вас, и она кусала себе руки, рвала свое тело, как ягуар, простреленный пулей.

— Возможно, — согласился Тулузэ. — Как знать, что больные чувствуют, если они не могут говорить.

Наступило долгое тяжелое молчание, прерванное Жюльеном.

— Известна ли Зоммервилю природа этой болезни?

Миссионер, прежде чем ответить, сделал неопределенный жест.

— У меня не хватило мужества рассказать ему, что ждет его сына. Впрочем, я не могу утвердительно сказать, этой ли болезнью он болен. Кроме того, поставьте себя на мое место. Мне хотелось бы иметь возможность сказать ему, что болезнь излечима, но один только Пабло знает тайны своего племени... Почему он так долго не идет?

— Вот уже больше часа, как мы ждем Жана... — сказал Жюльен, вынимая часы.

— Только бы они не ушли на рыбную ловлю, — взмолился миссионер.

— Вы полагаете, что тогда они вернутся только к вечеру?

— Нет, Пабло человек осторожный. Он не станет утомлять себя накануне отъезда. Ведь они отправляются завтра на рассвете. Так они условились с Лармором.

— А если он отложил свой отъезд?

— Вы не знаете индейцев, месье Мутэ. Если бы Лармор попросил у него двадцать четыре часа отсрочки, он исчез бы, ни слова не говоря, со своими людьми и пирогой. Предложите ему целое состояние, он будет одинаково непреклонен.

Огюст подал завтрак, но никто к нему не притронулся. Отсутствие Жана начинало всех волновать. Они вернулись к вопросу, который уже много раз обсуждали. Все подозревали в этом ужасном преступлении каторжника. Из всех обитателей Пьедрады он один мог знать свойства индейских волшебных трав и действие их ядов, и Жюльен вспомнил угрозы, брошенные бандитом после операции.

— Я с вами согласен, — заметил аббат, — что Браво чудовище, если о нем судить хотя бы по тем преступлениям, которые он совершил среди индейцев. Я согласен и с тем, что он имеет основания сердиться на Зоммервиля, но для чего он остановился на такой невинной жертве, как этот молодой человек, не имеющий ничего общего с операцией?

— Ничего общего? — спросил Жюльен. — Разве он не единственный сын человека, которому бандит хотел отомстить? Есть садисты в преступлениях, как бывают садисты в сладострастии. Браво придумал утонченную месть. Сразить отца через его сына!

— Заметьте, что его не видно с самого утра. Он, должно быть, прячется в лесу...

— ...и ищет способ убежать с этого острова, — дополнил Жюльен. — Известно ли, по крайней мере, что с той пирогой, на которой он приехал сюда? Ее нужно было давно убирать.

— Это уже давно сделано, — лаконически заявил Ляромье.

— Самое важное, чтобы он не убежал, — заговорил миссионер. — Тогда можно будет добиться, чтобы он показал Пабло употребленные им растения. С помощью этих указа-

ний Пабло найдет в лесу противоядие.. Может быть. Я боюсь утверждать...

Далекий выстрел заставил всех вздрогнуть. Жюльен спросил:

— Ваши индейцы охотятся, аббат?

— У них только луки и стрелы.

— Тогда что же это?

В то же мгновение послышался голос Зоммервиля. Стоя на площадке, он потрясал в воздухе кулаками и извергал проклятия.

— Кто спасет моего сына? Кто? Тулузэ, идите, идите же скорее!

— Боже мой, — прошептал в тоске аббат, — что я ему могу сказать?

— У Анри такой остановившийся взгляд, что он пугает меня! — кричал ученый.

Аббат, направляясь на площадку, шепотом бросил:

— Симптомы становятся более определенными.

— Идите, идите же! Сделайте что-нибудь для него! Как меня пугает его взгляд!

Они исчезли в коридоре. Оставшиеся взволнованно глядели им вслед.

— Какое горе для отца, — простонала Алинъ. — Увы, чем мы можем помочь?..

— Привести индейца и найти бандита, — решил Жюльен. — Но прежде всего, надо узнать, почему Жан не возвращается. Вы пойдете со мной, Ляромье?

Они бросились вниз по тропинке, Алинъ тоже последовала за ними. С выступа скалы они увидели Жана, который возился с большой пирогой, вытащенной на берег, и жестами отвечал на их крики, не думая идти им навстречу.

— Я здесь в компании, — доложил он им. — На сей раз, думаю, негодяй закончил свои счета с жизнью.

— Негодяй?

Когда подросла задыхающаяся Алинъ, Жан кратко рассказал о случившемся. Дожидаясь возвращения Пабло и его товарища, которые ушли охотиться в лес, он принялся нагружать лодку орудиями и провизией. Третий индеец дре-

мал в пятидесяти шагах, в тени пироги. Шум упавшего камня заставил Жана поднять глаза. Сквозь чащу пальм он заметил спускающегося по тропинке Браво. В одной руке у него блеснуло лезвие ножа, в другой был пакет, завернутый в носовой платок. Зарядив револьвер, Жан укрылся за ящиками и стал выжидать. Бандит заглянул внутрь хижины и направился к спящему. Жан сразу догадался, какое новое преступление задумал бандит. Он, очевидно, хотел задушить сторожа и завладеть пирогой. Моряк закричал, индеец вскочил, а Браво, обезумевший от бешенства, бросился на Жана, и тот выстрелил ему в грудь.

— Я хорошо с ним разделался, — завершил рассказ Лармор. — Посмотрите, что было у него в свертке. Деньги, часы и драгоценности профессора и его чековая книжка.

— Да, хорошо разделались, — сказал встревоженный Жюльен. — Но он во что бы то ни стало не должен умереть, не раскрыв свою тайну. Где он?

— Я его оттащил в тень скалы.

Бандит приходил в себя. Он приподнялся на локте и, сделав страшное усилие, прерванное икотой, захохотал.

— Вот это работа, капитан, поздравляю!.. Промахнись вы, что бы с вами было!

— Замолчите, — приказал Жюльен, разрывая на нем окровавленную рубашку. — Не тратьте ваши силы. Вам можно будет помочь.

— Что ты говоришь? — усмехнулся раненый. — Я уже плюю кровью, рана в легких.

— Ничего, можно вылечить. Вы достаточно сильны. Зоммервиль прикажет перевезти вас в госпиталь.

— Свинья! — проревел бандит, приподымаясь. — Как будто я его не знаю с его штуками.

— Лежите спокойно, я вам говорю, вы можете поправиться!

— Наплевать!

Алинь обмывала рану, намоченным в воде платком, когда появились приведенные из джунглей третьим индейцем Пабло со своим товарищем. Из ветвей разрушенной

хижины сплели носилки, положили раненого, и два дикаря подняли носилки на плечи.

Алинь и Жан медленно подымались по тропинке. Собственное горе заставило их забыть чужие несчастья. Завтра утром — через несколько часов — они будут разлучены. Им хотелось быть вместе в это последнее мгновение, оставшееся от их короткого, как сон, мимолетного счастья. Встретятся ли они когда-нибудь? Даст ли Жану судьба с ее неожиданностями возможность сдержать свои обещания? Он взял ее руки в свои и горячо прижал к сердцу.

— Клянусь любить вас всю жизнь, Алинь... Если я останусь в живых, вы будете моей женой... Скажите только, что вы будете ждать меня, Алинь! Это даст мне силы перенести ту жизнь дикаря, которой я буду жить там. Мне нужен год-два, самое большее. Я буду богат... Мы купим белый дом над морем и цветущими лугами... Мы вырастим красивых, сильных детей. Мы будем счастливы. Скажите, что вы будете ждать меня!

— До самой смерти, — прошептала она, прижавшись к его плечу.

Они простились, не дойдя до террасы, зная, что им больше не удастся быть наедине и отказываясь от встречи на рассвете, чтобы избежать лишних терзаний.

Склонившись над каторжником, которого водворили в прежнюю комнату, в нижнем этаже башни, Жюльен давал раненому лекарства и тихо уговаривал его:

— Вы вовсе не такой злой, как думают. Я уверен, вы сожалеете о том, что сделали... Ведь это бедное дитя заслуживает вашего сострадания. Если бы мы знали, какое вы употребили растение... если вы нам поможете его спасти, отец простит вас. Он богат, он вас осыпет золотом.

— Золотом... — проворчал Браво. — Слишком поздно, я издохну.

— Но ведь вы чувствуете, как силы возвращаются к вам... Подумайте об этом ребенке. Он ни в чем не повинен.

— Я отомстил.

Бледный, расстроенный миссионер вышел на площадку и ответил жестом отчаяния на тревожные взгляды Жана и Алинь.

— Вы привели Пабло? — спросил он.

Заметив индейца, он бросился к нему навстречу и прежде, чем увести его наверх, остановился перед молодыми людьми.

— У меня нет больше никакого сомнения. Ах, Зоммервиль гордился своим ферментом молодости. Но вся его наука провалилась перед другим ферментом, скотинивающим человека и известным дикарям.

— Ну что? — спросил Зоммервиль, как только они очутились на пороге комнаты.

— Вот Пабло. Его, наконец, нашли.

Зоммервиль резко подошел к индейцу, который отступил перед испуганным блуждающим взглядом.

— Вы вылечите моего сына, не правда ли, друг мой? Отец Тулузэ сказал, что вы можете!

— Простите, — мягко запротестовал миссионер. — Он нам только скажет, что это за болезнь и знает ли он лекарство от нее.

— А он должен его знать! — крикнул Зоммервиль, сжимая кулаки.

— Не пугайте его, — умолял аббат, подбадривая индейца ласковым ударом по плечу. — Самое важное, чтобы он нам указал противоядие.

Зоммервиль резко прервал его.

— Опять ваше противоядие! Но ведь глупо предполагать, что кто-то отравил моего сына. Кто его мог отравить? Кто?

— На этом острове есть убийца.

— Каторжник? Но он мне обязан жизнью!

— Каторжник обвиняет вас в том, что вы украли его молодость. Каторжник знает тайны индейцев и сумел составить эту гнусную отраву.

— Какую отраву? — прошептал Шарль, проводя рукой по бледному лицу.

Аббат продолжал тем же прерывающимся голосом:

— Отраву, превращающую человека в животное... Разрушающую его человеческие способности, делающую его...

— Ага, этот яд... помню... да нет же! Сказки! Мой сын, Зоммервиль, превращенный в животное! Мой сын, молодой, любимый сын!..

Он смеялся, плакал, ломал руки. Глубоко тронутый Тулузэ пытался утешить его.

— То, что сделано человеком, может быть им же исправлено. Среди индейцев есть преданные мне люди; они нам помогут, не теряйте надежды!.. Попробуем сначала спросить Пабло.

— Мой сын... Бедное дитя! Значит, я сам...

Он опустился в кресло, а миссионер подвел индейца к двери, за которой раздавались пронзительные крики, те самые незабываемые крики, о которых он когда-то рассказывал — и все-таки они заставили аббата содрогнуться. Он уже входил в комнату, когда Пабло схватил его за руку и одним словом выразил свое впечатление: «Вахимахура!» Стоя перед больным, который непрерывно кричал, глядя на них тупыми глазами, они обменялись несколькими словами на языке индейцев...

Зоммервиль внезапно вскочил с места.

— Тулузэ, вы говорили, что есть противоядие? Я помню, вы говорили! Где Браво? Он знает противоядие? Где Браво?

— В башне.

— Где Браво? Убийца Браво? Где он, убийца детей?

Его дикие крики раздавались в коридоре, потом на террасе в сгущающихся сумерках.

— Это ты, Браво! — кричал Зоммервиль, склоняясь над изголовьем умирающего. — Ты мне дашь противоядие, да? Ты будешь богат, я отдам тебе все мое состояние! Дай противоядие! Ты ведь знаешь его! Говори же, Браво!

Раненый с усилием приподнялся, но снова упал на постель и с искаженной улыбкой прошептал:

— Браво... издохнет... со своей тайной.

— Что он говорит? — ревел Зоммервиль. — Гнусная собака, ты у меня заговоришь! Противоядие! Слышишь, проклятая собака? Что ты бормочешь?

Он склонился над ним и услышал:

— Твой сын — зверь...

Он бешено встряхнул умирающего.

— Противоядие, противоядие!..

Перед ним был труп с застывшей гримасой ненависти на лице.

Глава XVI

И пирога понеслась по синим волнам

Она признала себя побежденной в борьбе с бессонницей и, боясь мрака этой ужасной ночи, которую страх насеял призраками, зажгла лампу и поднялась с постели. Часы показывали два. Она думала о том, что Жан скоро встанет, чтобы закончить приготовления и спуститься на берег.

— Я не пойду, — прошептала она. — У меня не хватит мужества...

Дик, привязавшийся к ней после смерти своего старого хозяина, тихо ворчал под кроватью. Чувствуя себя менее одинокой, Алинь задумалась. Свет лампы освободил ее от ужасного кошмара, в котором умирающий на ее глазах каторжник под градом оскорблений, сыпавшихся из уст отчаявшегося отца, уносил в могилу спасение сына.

Ужасная сцена имела непосредственное последствие. Зоммервиль решил оставить проклятый остров, распустить весь персонал и перевести сына в Порт-оф-Спэн, где, по словам миссионера, знакомый ему врач сумеет его вылечить. Через несколько дней Алинь сядет на пароход и поплывет во Францию, где будет скромно работать в ожидании возвращения Жана...

— Возвращения Жана... — она вздрогнула. — Когда вернется он из своих лесов?.. Два года разлуки! Два года без известий. Как сможет он посылать письма из тех пустынных мест, лежащих за сотни миль от цивилизации? Он обещал — через отца Тулузэ. Значит, пройдут месяцы, прежде чем она что-нибудь узнает...

— Что узнает? — Она съежилась при мысли, что какое-нибудь письмо, посланное через миссионера или проезжего, принесет ей горькое или ужасное известие: болезнь, серьезная рана... укусы змей... индейские колдуны с их дьявольскими отравками... И снова ее одолели кошмары: ее Жан — ее герой недвижно лежит в глубине хижины среди лесов, где бродят вампиры...

— Что за ребячество! — упрекнула она себя, прогоняя мрачные видения.

Она перебирала в памяти все лишения и опасности той жизни, в которую окунется Жан Лармор и которую она знала по его описаниям.

Под впечатлением этих картин ей показалось, что их прощание было недостаточно нежным. Вместо того, чтобы обменяться пожатием руки во мраке коридора, где они стояли перед тем, как разошлись по комнатам, она должна была броситься ему на шею, проявить всю глубину своей любви и потребовать поцелуй, что закрепил бы их обоюдные обещания. Она вела себя все время, как женщина холодная и благоразумная, покорно мирящаяся с судьбой, и теперь она жалела о том, что их дыхание не слилось в горячем поцелуе.

Это сожаление разрослось в щемящую боль, когда перед глазами встали сладкие видения прошлого: темный лес, освещенный крылатыми звездочками... брачное ложе, приготовленное в хижине отшельника.. Жан, несущий ее всю дорогу на руках, прижатой к своей груди... Остановка у старого ствола... Непобедимый призыв, уста, готовые слиться...

Она прошлась по комнате, пытаясь освободиться от этого видения. Алинъ была уверена, что стакан холодной воды успокоит ее, но взгляд упал на часы, и она вздрогнула:

— Скоро три часа, скоро он разбудит индейцев, я услышу его шаги в коридоре... Тогда конец... Пирога унесет его в проклятые леса...

Ее обуяло безумное желание увидеть его снова и взять этот поцелуй, в котором он отказал ей в ту незабываемую ночь. Она решила, что постучит сейчас же к нему в дверь и не даст ему уехать без этого поцелуя, что скрепит их неразрывной цепью. Накинув на голые плечи пеньюар, она взяла лампу, открыла дверь и вышла в коридор... Но Дик, испустив радостный лай, бросился за ней. Когда она вернулась, чтобы закрыть его в комнате, внезапный припадок отчаяния заставил ее бессильно опуститься на постель и разразиться слезами.

— Я не увижу его больше!.. Никогда!.. Жан мой! Жан!..
Никогда не увижу тебя...

Она решительно вскочила на ноги.

— Я хочу уехать с ним! Пусть он возьмет меня с собой!
Я хочу! О, он возьмет меня с собой!

Она поспешно оделась. Потом быстро набила чемодан необходимыми вещами, время от времени останавливаясь и прислушиваясь, испуганная мыслью о том, что Жан выйдет из комнаты и она не успеет его заметить. Это был вопрос жизни или смерти. Если пирога уплывет без нее... о, море будет ее саваном! Она бросится в него с радостью.

С лихорадочной поспешностью закрыв чемодан, она вдруг вспомнила о некоторых дорогих ей памятных мелочах, хранившихся в маленьком ящичке в сундуке, стоявшем у двери лаборатории. Она поглядела на часы, соображая:

— Четыре часа. У меня есть время. На это понадобится меньше десяти минут. До рассвета пройдет не меньше часа. Индейцы не решатся пуститься в темноте через лабиринт рифов.

Она в последний раз бросила взгляд на комнату, убедившись в том, что ничего не забыла, и внезапно заметила на комоде фотографию Зоммервиля в золоченой рамке. Она подумала, что надо написать ему несколько слов и выразить свое сожаление о том, что она покидает его в несчастье.

— «Дорогой учитель...»

Но вдруг тихая улыбка старого негра, погруженного в «хлороформический» сон, встала перед ее глазами и она разорвала листок, ища другого, менее теплого обращения. Не найдя ничего другого, она написала:

— «Я охотно осталась бы возле вас, чтоб помочь вам в вашем горе...»

Но ненавистная улыбка, запечатлевшаяся на бледном лице каторжника, словно затормозила перо, и она встала из-за стола: ей показалось, что она слышит шаги в коридоре. Она прислушалась: нет, это ставни стучат от ветра. Она решила, что закончит письмо, когда вернется и принесет ящичек с сувенирами. Снова раздались шаги. Она поглядела на часы, вообразив, что они остановились и сейчас же

взволновалась при мысли, что шум, отдававшийся в ее голове, как удары набата, происходил от того, что Жан уже направился вниз.

— Жан, о, Жан, — закричала она сдавленным голосом.

Схватив свой чемодан, она резко открыла дверь и бросилась вперед, но остановилась, как пригвожденная, перед силуэтом, слабо освещенным лучами ее лампы.

— Уже на ногах, Алинь? — спросил Жюльен Мутэ.

— Ах, это вы? А Жан?

— Он не ложился совсем. Он торопился закончить приготовления. Я иду к нему, на пляж.

— Я тоже.

— Это неблагоприятно, мой друг, — начал было он, но, заметив в ее руках чемодан, все понял.

— Значит, вы едете с ним, Алинь?

— С ним. Даже без него.

— Но не может же он вас подвергнуть тем смертельным опасностям, которые его ждут? Что, если он откажет?

— Я умру! Если он не возьмет меня с собой, я умру!

— Ну, хорошо, Алинь, спустимся вместе.

Но она вдруг вспомнила о вещах, которые ей больно было бы оставить. Жюльен забрал чемодан:

— Я полагаю, будет лучше, если я пойду вперед; вы меня догоните. Не задерживайтесь, Алинь. Скоро рассвет.

— Я сейчас догоню, — сказала она, беря в руки лампу.

Но он настаивал.

— Помните, что индейцы не захотят ждать!

— О, не волнуйте меня, — умоляла она, — не то я совсем лишусь сил...

Она пустилась бегом вдоль коридора в сопровождении Дика, прошла мимо лаборатории, в которой горел свет. Собака остановилась и заворчала, Алинь поставила лампу и открыла свой сундук, но Дик ворчал все сильнее, и нелепая мысль пронизала мозг девушки: неужели Зоммервиль, оставив больного сына, провел ночь в лаборатории... Со времени смерти Жозе-Марии пес ворчал таким образом всякий раз, когда встречал ученого, как будто сердясь на него. Она попыталась успокоить собаку, схватила в отделении сунду-

ка маленький ящичек и, оставив лампу, пошла к лестнице. Проходя мимо двери лаборатории, она услышала за собой скрип дверных петель и вдруг очутилась лицом к лицу с Зоммервилем.

— Алинь, вы? Ах, как хорошо! — шептал Зоммервиль, протягивая к ней руки.

Она хотела было отодвинуться от этих протянутых рук, но ужас парализовал ее. В его голосе чувствовалось отчаяние.

— Да, да, как хорошо, что вы пришли! Вы верный друг!.. Друг, которого я ждал в часы отчаяния. Вы сердцем женщины поняли, что мне нужно утешение.

Она тупо смотрела на протянутые руки, даже не стараясь что-нибудь ответить. Но сквозь открытую дверь лаборатории она увидела, что за окном начал пробиваться рассвет, и невыразимый страх вытеснил из сердца жалость. Нервы напряглись какой-то дикой энергией, и она сухо сказала:

— Я пришла проститься.

— Проститься? — прошептал Шарль, будто оглушенный ударом.

— Я уезжаю.

Она спешила к лестнице. Он загородил ей дорогу. Дик заворчал сильнее.

— Но... Вы смеетесь, Алинь... Что за безумие! Уехать, покинуть меня! Никогда еще я так не нуждался в вашей дружбе, в вашей поддержке. Куда уехать? Это безумие.

— Дайте мне пройти. Жан Лармор ждет меня.

— Жан Лармор? Этот моряк и вы? Он ждет вас!

— Да, да, меня.

— Вы, образованная женщина, вы отправитесь с этим искателем приключений в дикие края?

— Да. Дайте мне пройти. Он ждет меня. Говорю вам, дайте мне пройти.

Он резко рассмеялся и ударил ногой пса, который с лаем бросился на него.

— Я прошу вас, пустите меня!

— Нет!

— Умоляю вас!

— Нет, вы не пройдете. И вы будете благодарить меня потом. Я буду вашим спасителем. Вы не для того созданы, чтобы умирать с голоду в дьявольских лесах с этим оборванцем. С вашим воспитанием...

Он прервал себя, чтобы оттолкнуть собаку, вцепившуюся в его икру. И вдруг золотые стрелы заиграли на потолке залитой светом лаборатории. Тогда, испустив дикий крик, которому эхом вторил лай Дика, она бросилась вперед. Руки Зоммервиля схватили Алинь. Она яростно отбивалась. Коробка с сувенирами выпала из рук, рассыпая увядшие цветы и пожелтевшие бумажки. Она бешено боролась изо всех сил, в то время как он отрывистым, глухим голосом говорил:

— ...Вы не уедете!.. Я вас люблю!.. Вы будете моей женой ... Анри выздоровеет!.. Тулузэ уверен в этом. Он знает врача, который его спасет... Мы убежим от этих кошмаров!.. Убежим с этого проклятого острова... Ведь вы любили меня до Элен... Останьтесь, останьтесь... Я осуществлю великие дела... О...

Он заревел от боли под впившимися в его тело клыками собаки. Жертва вырвалась из его рук. Он схватился за голову пса, не выпускавшего его ноги.

Сдавленным голосом он изрыгал проклятия, прерываемые стонами:

— Проклятый пес, чудовищный зверь, зачем я вернул тебе молодость!

Дик отпустил ногу, но бросился на него снова. Настоячиво, свирепо тянулись его окровавленные клыки к горлу Зоммервиля, колотившего пса кулаками по голове. Вдруг ярость собаки улеглась. Может быть, Дик услышал далекие крики своей госпожи... Он с лаем помчался прочь.

Алинь бежала по тропинке, оставляя по дороге клочья своей одежды и, не переводя дух, кричала:

— Жан, Жан!.. Жди меня, Жан!..

Она знала, что за первым поворотом окажется над пляжем и увидит пристань у своих ног. Спотыкаясь о камни, она торопилась к этому месту, где ей, может быть, придется выбирать между жизнью и смертью. Если пирога уже отча-

лила — люди подымут ее труп. Она не переставала отчаянно кричать:

— Жан, жди меня... Жан, жди меня...

Когда же, наконец, увидит она этот поворот? Неужели она в отчаянии пробежала мимо него? Не ошиблась ли она тропинкой? Но Дик подоспел, и к ней вернулось мужество. Обогнув кустарник, она нашла место, с которого виден был пляж. Жюльен делал ей знаки.

Моряк вздрогнул, услышав свое имя, произнесенное любимым голосом. Вместе с тремя индейцами он сталкивал пирогу в воду. Не скрывая своей радости, он побежал к девушке.

— Вы, Алинь?

И протянул руки для последнего прощания. Но она порывисто бросилась в его объятия.

— Увези меня с собой, Жан! Не оставляй меня одну! Я умру, Жан. Увези меня!..

Жюльен напутствовал счастливую пару:

— Вы открыли самую важную в жизни тайну. Вы сумели полюбить и быть любимыми. Разделенная любовь — основа истинного счастья.

Но во взгляде, который Алинь бросила на замок, — откуда доносились неистовые крики, — он прочитал выражение боли и сострадания и прошептал:

— Да, да, он дорого платит за свои ошибки, за то, что был только наполовину ученым. Наука требовательна и не признает тех, кто не отдается ей всецело...

Обменявшись прощальным пожатием с Жюльеном и аббатом, заверившим, что найдет врача, который исцелит Анри, Жан взял Алинь на руки и понес ее в пирогу, колеблемую волной. Дик вскочил за ними на корму. Прижавшись к груди Жана, Алинь была счастлива сознанием, что сильные руки мужа уносят ее далеко от проклятого острова. Взволнованные взгляды аббата и химика долго следили за «Свадебной гондолой», исчезавшей за рифами, укрытыми плащом водорослей. Солнце вставало над глубоким и чистым, как детский взгляд, небом. Чайки бороздили синий простор взмахами белых крыльев...

Роман «Тайна жизни» (*Le secret de la vie*) вышел в свет в Париже в 1925 г.

Русский перевод, заново отредактированный, публикуется по первоизданию (М.: Пучина, [1926]).

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.